Редакторъ Н. Г. Шебуевъ. Издательница Н. К. Дмитріева.

Типографія М. Г. Корнфельда, Бассейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ. С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

КОНТОРА. С.-Петербургъ, Лиговская, 86. Телефонъ 655—96. ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

ОРГАН НЕЗАВИСИМЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ

ПОД РЕДАКЦІЕЙ

Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к. **№ 2.**

СПБ. 1914

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

ОБРИ БЕРДСЛЕЙ

Текстъ Н. ШЕБУЕВА.

Рисунки Обри Бердслея.

Почему Бердслей?

Почему «Весна» для своей преміи выбрала этого самаго загадочнаго художника?

Развѣ не существуетъ уже трехъ изданій работъ Бердслея на русскомъ языкѣ?

Развѣ о немъ, объ этомъ 26-тилѣтнемъ юношѣ почти безъ біографіи, не сказано все, что можно?

Развѣ его работы не извѣстны всѣмъ, кому онѣ понятны и дороги, и развѣ онѣ смогутъ стать понятными толпѣ?

2.

Да, существуетъ три русскихъ изданія Обри Бердслея.

Но первое и лучшее, изданное «Шиповни-

Туалетъ.

комъ» въ 1906 году, уже разошлось и стало библіографическою рѣдкостью.

Въ немъ было собрано свыше полусотни рисунковъ этого очаровательнаго графика, любовно отпечатанныхъ въ мало извѣстной типографіи Ко

Обложка.

Битва прелестницъ.

гана и Арцыбушева, но, къ сожалѣнію, черезчуръ преуменьшенныхъ.

На пятой страницѣ помѣщена біографія Бердслея изъ девяти словъ и четырехъ чиселъ: «Обри Винсентъ Бердслей родился 24 августа 1872 года. Скончался 16 марта 1898 г.», а въ концѣ книжечки неполный списокъ его работъ и изданій, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

3.

Второе русское изданіе Бердслея—Н. И. Бутковской, снабжено очеркомъ Н. Н. Евреинова.

Къ сожалѣнію, репродукціи рисунковъ оставляютъ желать многаго.

А авторъ текста разсматриваетъ Бердслея подъ угломъ... скандала.

«Мы любимъ скандалъ, онъ намъ нуженъ почти органически», — парадоксальничаетъ Евреиновъ.—«Сытый хочетъ сыру!».

И увѣряетъ, что во всей мiровой исторіи мы запоминаемъ только скандальные факты.

Мы помнимъ адвокатскій *va-banque* голой Фрины.

Помнимъ побѣду юнаго голаго Геліогабала.

Помнимъ голаго Архимеда, выскочившаго изъ ванны съ крикомъ «Эврика».

Помнимъ изо всей исторіи Голландіи *Manequen-Piss*.

Изо всей исторіи папства—женщину папу...

Туалетъ Венеры.

Быть можетъ, для сѣрой, сырой толпы все это и похоже на истину, но нельзя сказать вмѣстѣ съ Евреиновымъ:

«Среди восхитительныхъ скандаловъ, къ которымъ тяготѣлъ художественный эксцентризмъ декаданса XIX вѣка, наиболѣе яркимъ, наиболѣе удавшимся по своей смѣлости, красотѣ неожиданности и законченности, былъ, внѣ сомнѣнія, скандалъ, связанный въ исторіи рисунка съ именемъ геніальнаго Бердслея».

Сказать такъ, значитъ самому уподобиться той сѣрой и сырой толпѣ, искателей скандальной хроники, на которую указываетъ самъ Евреиновъ.

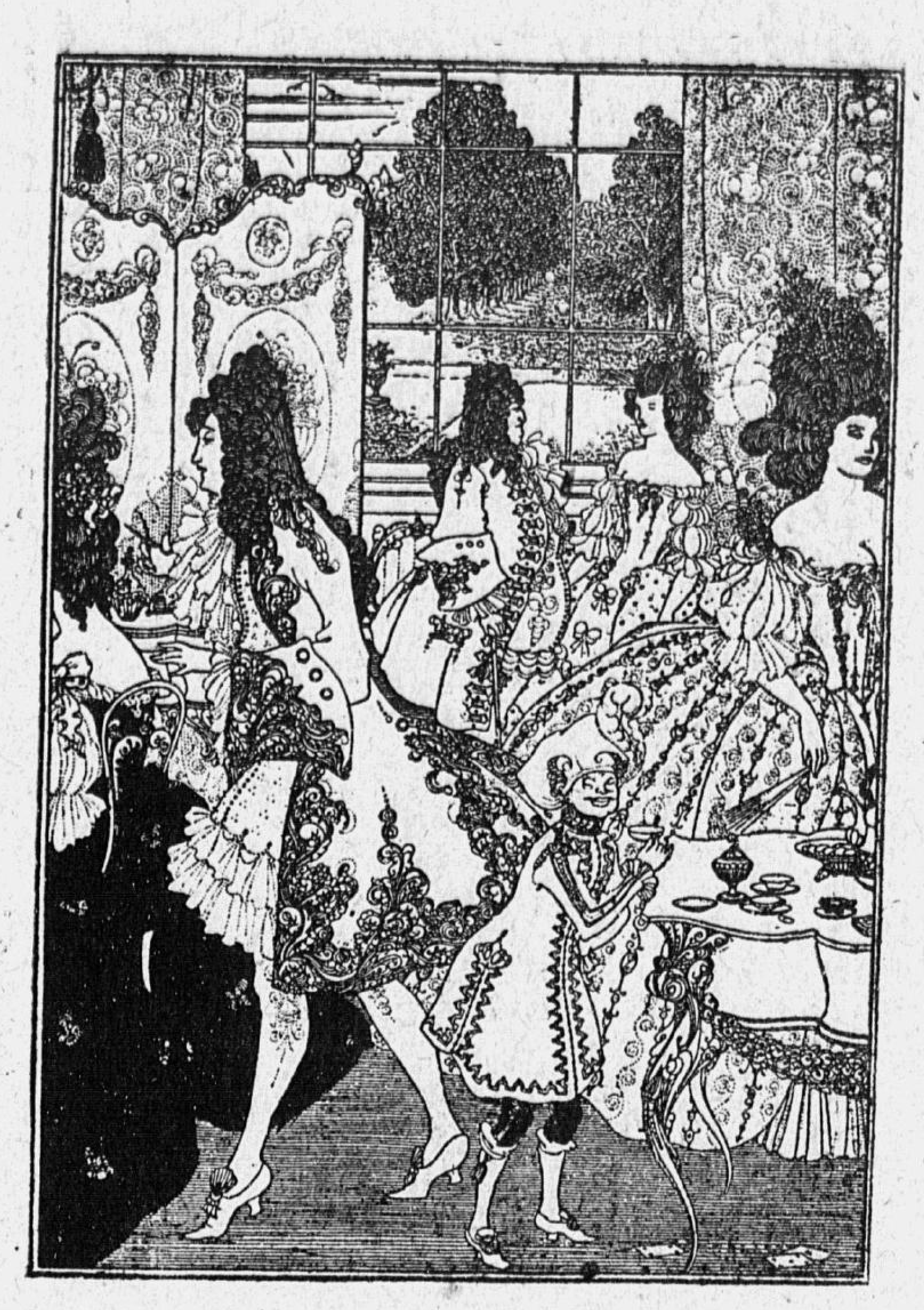
Толпа не помнитъ, что открылъ Архимедъ, помнитъ скандалъ Архимеда, а не законъ Архимеда.

И Евреиновъ не помнитъ, что открылъ Бердслей,—помнитъ скандалъ Бердслея, а не законъ Бердслея.

«Ничто внѣ скандала лежащее не трогало его сумазбродной музы, но онъ отлично понималъ, что убѣдительность артистическаго скандала стоитъ въ прямой зависимости отъ технической завершенности жеста *contra bonas mores*». (Стр. 32).

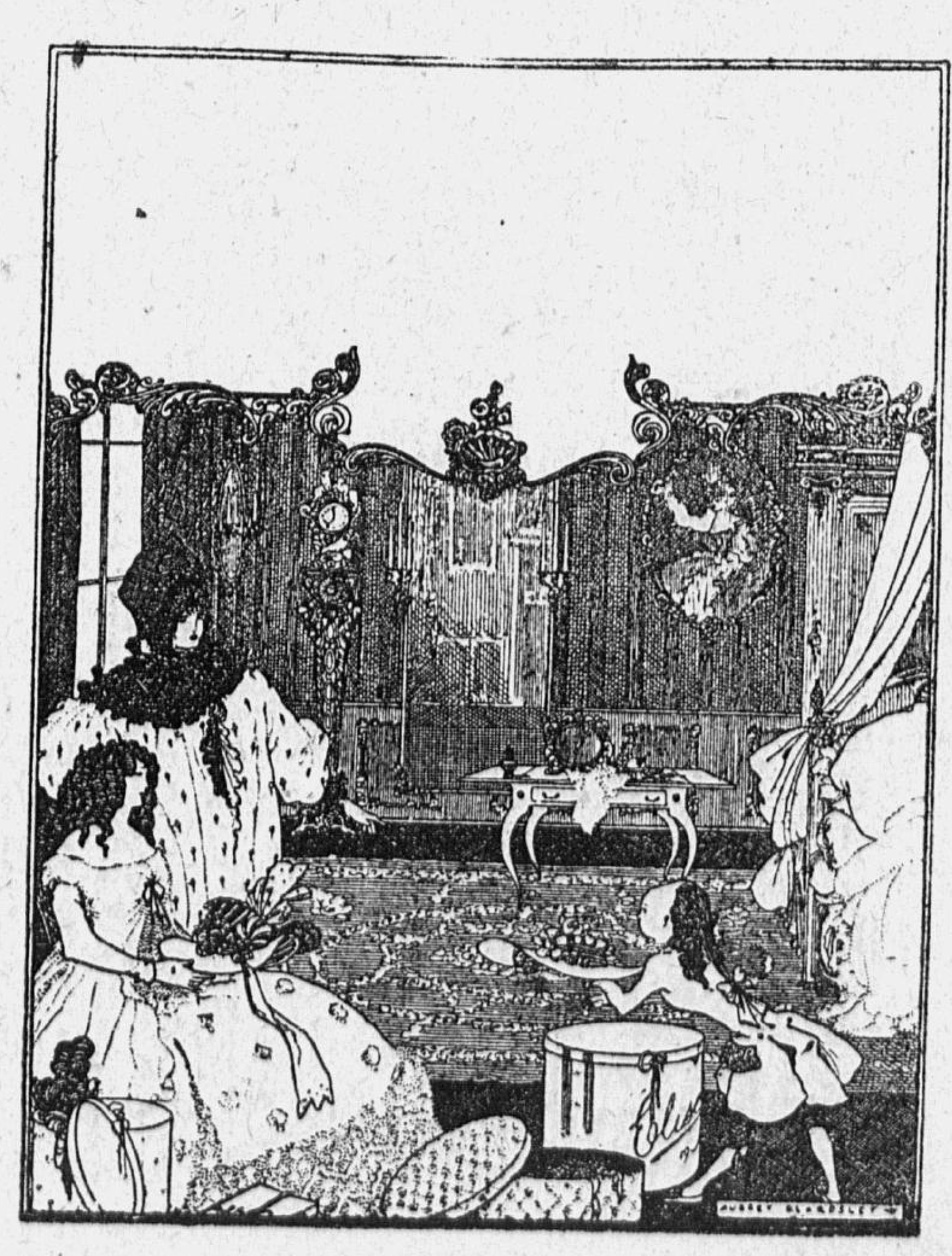
«Мы беремъ въ руки альбомы Бердслея. Мы перелистываемъ ихъ, и намъ свѣтятъ зарницы отгремѣвшаго скандала, веселаго, какъ майская гроза, потому что мы забываемъ о грозахъ». (Стр. 47).

«Мало того! Мы смотримъ на эти странные

Салонъ.

рисунки и, восхищенные ихъ подлинной культурностью, переживаемъ еще чувства высоконравственныхъ миссъ, до ушей которыхъ только вчера долетѣли слова объ этомъ ужасномъ, объ этомъ скандальномъ и все-таки прекрасномъ *Beardsley's craze*». (Тамъ-же).

Обложка.

Аббатъ Фанферлюшъ.

Слуги Венеры несутъ плоды.

Это очень талантливо сказано, сказано очень красиво.

Слишкомъ красиво, чтобы можно было считать это за искреннее мнѣніе говорящаго.

Горячо, но не убѣжденно, а потому и не убѣдительно.

Прогулка.

4.

Третье русское изданіе—книгоиздательства «Скорпіонъ».

Въ него включена малая часть того богатѣйшаго матеріала, который лежитъ передо мной на столѣ въ двухъ солидныхъ, изящныхъ большого формата, томахъ англійскаго изданія «*The Eearly Work of Aubrey Beardsley with a prefatary note by H. C. Marillier*».

Это англійское изданіе стоитъ 18 рублей и потому не доступно широкой публикѣ.

Но все-таки я совѣтую покупать лучше его, чѣмъ платить 3 р. за компиляцію «Скорпіона».

Тутъ большая часть книги отведена, правда прекраснымъ переводомъ съ англійскаго М. Ликіардопуло въ прозѣ и М. Кузьмина въ стихахъ, но все же жалѣешь, что мало мѣста отведено тому, что единственное цѣнное у Бердслея—рисункамъ.

«Избранныя письма» такъ блѣдны и безсодержательны, что могли бы съ успѣхомъ отсутствовать.

Вопреки взгляду Евреинова на Бердслея, какъ на скандалиста, «Скорпіонъ» видитъ въ немъ «одного изъ наиболѣе яркихъ представителей англійскаго возрожденія девяностыхъ годовъ».

Въ предисловіи «Скорпіонъ» говоритъ:

«Теперь черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его (художника) смерти, когда Англія лишь начинаетъ признавать его исключительное дарованіе—въ Россіи, давно оцѣнившей и признавшей Бердслея,

Обложка.

Рисунокъ.

Изольда.

пора подвести итоги. «Бердслей» давно сталъ въ Россіи именемъ нарицательнымъ, если не въ широкихъ слояхъ публики, то по крайней мѣрѣ въ художественныхъ кругахъ. Вліяніе Бердслея на современную русскую графику и художниковъ «русскаго возрожденія» девятисотыхъ годовъ слишкомъ безспорно и очевидно, чтобы о немъ распространяться. Между тѣмъ, широкая публика, а до нѣкоторой степени и художники, знакомы съ творчествомъ Бердслея или по случайнымъ замѣткамъ и репродукціямъ, разбросаннымъ по разнымъ журналамъ, или по имѣющимся общедоступнымъ русскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ, изобилующимъ рядомъ неточностей и нелѣпостей вплоть до приписыванія художнику непринадлежащихъ ему произведеній».

5.

Да приспѣло время показать величайшаго англійскаго графика широкой публикѣ.

И приспѣло время именно теперь, когда болѣе всего говорятъ о футуризмѣ.

Спорятъ съ пѣной у рта о футуризмѣ.

А ни одного футуриста не видѣли.

Бердслей первый и самый яркій футуристъ въ графикѣ.

Его футуризмъ находится своими корнями и въ Хокусаѣ, и прерафаэлитахъ, и въ этрусскихъ вазахъ, и въ партитурѣ Вагнера, и въ средневѣковыхъ рукописныхъ книгахъ, и въ брюссельскихъ кружевахъ, и въ арабскихъ арабескахъ...

Бердслей энциклопедичнѣйшій эклектикъ, изящнѣйшій художникъ, современнѣйшій техникъ и геніальнѣйшій футуристъ.

Маринетти взываетъ къ театру варіетэ.

Бердслей въ своей графикѣ стремится къ легкости и неожиданности театра варіетэ.

И все же главное въ немъ не «что», а «какъ».

Каждый рисунокъ у него, независимо отъ того, что онъ изображаетъ, интересенъ, какъ таковой, какъ блестящее разрѣшеніе графической задачи.

Довлѣетъ рисунку красота его.

Не надо бы вовсе дѣлать подписей къ его графикѣ,—все равно—«что», важно—«какъ».

Развѣ Саломея Бердслея похожа на Саломею Оскара Уайльда, или на Саломею Флобера, или на Саломею библіи, или на какую-нибудь изъ безчисленныхъ Саломей міровой литературы?...

Развѣ нужно знать что за литературное произведеніе «Похищеніе локона» и подходитъ ли къ тексту эта очаровательная паутина орнамента?

Развѣ нужно читать десятки тѣхъ посредственныхъ сочиненій, какія издатели присылали Бердслея для иллюстрированія?

Пьеро.

Развѣ нуженъ текстъ для того, чтобы понимать рисунки Бердслея.

Напротивъ, текстъ нуженъ для того, чтобы не понимать рисунковъ Бердслея.

Такъ творецъ иллюстраціи расходится съ замысломъ писателя.

Рисунки Бердслея понятные сами по себѣ, перестаютъ быть понятными, когда ихъ сопоставишь съ текстомъ.

Анахронизмы эклектизма или, если хотите, эклектизмъ анахронизмовъ совершенно запутываетъ ваше воображеніе.

Саломея на разныхъ рисункахъ Бердслея, иллюстрирующихъ разные моменты одной и той же пьесы, не только разная въ смыслѣ несхожести лицомъ и фигурой, но и разная, въ смыслѣ эпохъ, въ смыслѣ миропониманій.

6.

Я назвалъ Бердслея футуристомъ.

И онъ, дѣйствительно, футуристъ въ самомъ яркомъ значеніи этого слова.

Онъ тепличнѣйшее изъ городскихъ растеній.

Онъ все свое холодное вдохновеніе почерпаетъ въ городѣ и городской культурѣ.

Для него природа хороша только постольку поскольку она похожа на искусственное произведеніе.

Онъ не произведеніе искусства хвалитъ, говоря:

Дама съ камеліями.

Обложка.

Ex libris.

— Совсѣмъ какъ природа.

А напротивъ, хвалитъ природу, говоря:

— Совсѣмъ, какъ искусственная!

«Вокругъ него сонно качались странные цвѣты, тяжело свисая отъ благоуханій, сочась ароматами, росли мрачныя безымянныя травы, которыхъ не найти даже у Менцеліуса. Огромныя бабочки, со столь богатой окраской крыльевъ, что казалось, онѣ откормлены дорогими вышивками и парчами, дремали на столбахъ воротъ, а глаза ихъ, всѣ раскрытые, горѣли и пылали сѣтью огневыхъ жилъ. Столбы были высѣчены изъ какого-то нѣжноцвѣтнаго камня и возвышались словно гимны, славящіе Венеру, такъ какъ съ основанія до верхушки каждый былъ украшенъ рѣзьбой, изображающей любовныя сцены и свидѣтельствующей о столь хитроумной изобрѣтательности и столь любопытныхъ познаніяхъ, что Тангейзеръ не мало замѣшкался, ихъ разглядывая. Они превосходили все, что Японія до сихъ поръ воспроизвела въ своихъ *maison vertes*, все что когда-либо украшало прохладныя ванны кардинала Ла-Моттъ, и заткнули за поясъ даже поразительныя иллюстраціи къ «Дѣтскимъ сказкамъ» Джонсона».

Типографія М. Г. Корнфельда, Спб., Бассейная, 3—5.

Рисунокъ *Н. Н. Краусъ*, получившій премію навторомъ конкурсѣ „Весны“.

При этомъ номерѣ разсылается первый листъ четвертой преміи „Весны“ „Альбомъ рисунковъ Обри Бердслей“ и первый листъ романа Н. Шебуева—„Идіоты“.

Первый номеръ „ВЕСНЫ“ за стихотвореніе „Сычъ“, миніатюру „Покоритель сердецъ“, буриме „Адамъ и Ева“ и цитаты изъ книги Пимена Карпова „Пламень“ конфискованъ съ привлеченіемъ редактора по ст. ст. 73, 74 и 1001. Вслѣдствіе этого конкурсы „ВЕСНЫ“ переносятъ сроки.

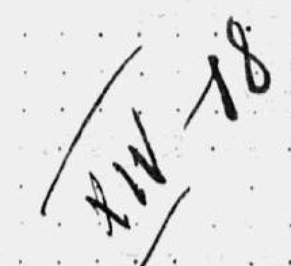
КОНКУРСЫ ВЕСНЫ.

Первый конкурсъ „Весны“.

(Буриме)

Даны слѣдующіе концы строкъ стихотворенія:

. . . . танго
. . . . лишай
. . . . орангутанга
. . . . потѣшай
. . . . мадонна
. . . . пирогъ
. . . . бездонна
. . . . продрогъ

Требуется присочинить начала строкъ. Срокъ подачи отвѣтовъ—15 марта. На каждомъ конвертѣ должны стоять слова: «Конкурсъ № 1». Лучшія буриме будутъ напечатаны въ № 3 «Весны».

Второй конкурсъ „Весны“.

(Художественный).

Тема—«Саломея». Картина можетъ быть исполнена масляными красками, акварелью, перомъ, карандашомъ, соусомъ, словомъ чѣмъ угодно Размѣръ и отношеніе сторонъ—безразличны. Выборъ момента предоставляется всецѣло художнику. Но по цензурнымъ условіямъ на картинѣ не должна фигурировать голова Іоанна. За лучшую изъ присланныхъ «Саломей» будетъ выдано 50 рублей. Картины и рисунки признанные достойными будутъ печататься въ „Веснѣ“ на мѣловой бумагѣ въ теченіе этого года. Картина должна быть подписана псевдонимомъ или фамиліей художника безразлично. Не забудьте указать адресъ автора. Срокъ подачи—1 іюля 1914 года. Присужденіе преміи будетъ опубликовано въ № 6 «Весна».

Третій конкурсъ „Весны“.

(Литературный).

Написать разсказъ въ 100 строкъ «Весны» на тему «Шутъ». За лучшій разсказъ премія 25 рублей. Срокъ подачи—1 іюня Лучшіе разсказы будутъ напечатаны въ первыхъ номерахъ «Весны». Присужденіе преміи въ № 4 «Весны».

Четвертый конкурсъ „Весны“.

(Музыкальный).

Написать для рояля піесу въ 100 тактовъ на тему «Радость». За лучшее сочиненіе премія въ 25 руб. Произведенія признанныя достойными будутъ напечатаны въ „Веснѣ“. Подъ романсомъ—подпись или псевдонимъ. Срокъ подачи 1-го мая 1914 г. Результатъ конкурса будетъ объявленъ въ № 7 «Весны».

Пятый конкурсъ „Весны“.

(Графика).

Желая поощрить занятія графическимъ искусствомъ, находящимся у насъ въ такомъ загонѣ, «Весна» предлагаетъ художникамъ присылать рисунки, исполненные перомъ или итальянскимъ карандашомъ, назначеніемъ которыхъ было бы украшеніе страницъ журнала. Достойные будутъ напечатаны, а за лучшій—премія 25 р. Чѣмъ скорѣе начнется присылка этого матеріала въ «Весну», тѣмъ лучше. Послѣдній срокъ преміи на конкурсъ—1 августа 1914 г. Премія будетъ назначена въ № 8 «Весны».

Шестой конкурсъ «Весны» (Конкурсъ юмористовъ) и Седьмой конкурсъ «Весны» (Конкурсъ чернильныхъ пятенъ) переносятъ также сроки на мѣсяцъ впередъ. Ихъ условія изложены въ № 1 «Весны».

Л. Сосовскій.

М. Кузминъ.

1. РАЗВѢ МОЖНО?

Развѣ можно дышать, не дыша,
Развѣ можно ходить, не вставая,
Развѣ можно любить, коль другая,
Не отвѣтитъ влюбленно душа?
Ахъ, безъ солнца - безсолнеченъ день,
Холодны водопадныя рѣки
И съ трудомъ подымаются вѣки,
Если голову ломитъ мигрень!
Развѣ странно, что только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,
Что нигдѣ я покоя не знаю,
Проведя полчаса безъ тебя?

2. ПАСТОРАЛЬ.

1. Пастухъ, гони скотину!
Давно, давно пора!
Кристинъ любилъ Кристину,
Кристина, та—Петра.

2. Петруша—добрый малый,
Богатую беретъ.
Зардѣлся зорькой алой
Вечерній небосводъ.

3. Всѣ дѣвушки готовы...
Дурить отъ грусти злой.
Давно мычатъ коровы,
Бредутъ на водопой.

4. Кристинѣ пара—Яковъ,
Богатый онъ мужикъ,
Кристинъ же нашъ, поплакавъ,
Совсѣмъ главой поникъ.

5. Давно пришла скотина,
А бабы вѣрно врутъ,
Что видѣли Кристина,
Какъ бросился онъ въ прудъ.

Игорь Сѣверянинъ.

ВСЕ ГЛУШЕ ПАРКЪ...

Все глуше паркъ. Все тише-тише конь.
Издалека доносится Шаконь.
Я утомленъ, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любитъ ночь, и стало быть—свѣтло..
Я встрѣчъ не жду и оттого свѣтлѣй
И чище вздохъ окраинныхъ аллей,
Одѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчъ. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда, любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой—
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?

Нѣтъ, не могла забыть той встрѣчи ты!
Май любитъ ночь, и стало быть—свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Блуждаетъ взоръ межъ лиственныхъ громадъ.
Все глуше паркъ,—все тоньше ароматъ...

Филиппъ Карповъ.

1.

Моя заря въ вечерней мглѣ сгораетъ.
На днѣ души безбрежье, тишина,
Лишь темный омутъ взора отражаетъ
Ночные лики призрачнаго сна,
Да въ сердцѣ неживомъ, зеленымъ дымомъ
Отверженныхъ надеждъ струится ядъ,
Какъ ночь въ краю глухомъ и нелюдимомъ
Подъ саваномъ нѣмыхъ лѣсныхъ громадъ.
О, помолись душа о жизни новой,
Намъ больно быть въ чертогѣ свѣтломъ дня:
Какъ жертву на кострѣ палачъ суровый,
Сожжетъ онъ насъ дыханіемъ огня.

2.

Солнце, солнце золотое!
Надъ проваломъ голубымъ
Время лютое и злое
Поразвѣй, какъ мертвый дымъ.
Свѣтъ и бѣлый и цѣлебный
Даруй жизни на землѣ,
Подъ восторгъ ея хвалебный
Да погибнетъ смерть во мглѣ!
Если шепчутъ пѣсню травы
У рѣчного серебра,
То росистыя отравы
Будутъ вѣстникомъ добра.
Солнце, вновь тебѣ я внемлю,
Говори огнемъ своимъ:
Такъ ли я цѣлую землю?
Такъ ли вѣрю снамъ моимъ?

Ю. Анненковъ.

Т. Г. ШЕНФЕЛЬДЪ.

Я сдѣланъ изъ бѣлилъ и сажи,
Я очень грубъ, я совсѣмъ не поэтъ,
А Вы такъ любите эти омажи—
Мадригалъ, сонетъ...
Я рожденъ бродить въ переулкахъ Бельфора,
Я впиталъ эстраду Chat noir,
И во мнѣ слишкомъ бурно, слишкомъ скоро
Вскипаетъ любовный жаръ!
Ахъ, зачѣмъ Вы не простая апашка!
Я Вамъ руки связалъ-бы краснымъ рюбаномъ
И Ваши губы, лепестки пунцовой ромашки,
Выпилъ-бы ночью, подъ чернымъ каштаномъ!
О, не смѣйтесь надъ моими стихами первыми—
Я смиренно цѣлую Вашу камею...
Я люблю Васъ—слышите?—всѣми нервами
И лучше любить не умѣю.

Левъ Никулинъ.

О, разорвите солнце на огненные клочья
И разбросайте солнце по соннымъ городамъ,
И пусть оно пылаетъ горя и днемъ и ночью
И пусть проходятъ толпы по огненнымъ слѣдамъ.
О, распылите солнце на тысячи пылинокъ
И каждую пылинку бросайте намъ въ сердца
И вспыхнетъ каждый рыцарь и вспыхнетъ каждый инокъ
И будутъ въ каждой пѣснѣ горѣть слова пѣвца.

Татьяна Шенфельдъ.

I. УСТАЛА Я.

Когда вокругъ меня безумно льются звуки,
Сіяетъ шумный балъ и плещется волна
Костюмовъ и огней—сжимаю, молча, руки,
Чего-то смутно жду, тоской душа полна...
И чудится мнѣ тѣнь запущеннаго сада...
Въ аллеяхъ шелестятъ увядшіе листы...
Вдали горитъ закатъ... осенняя прохлада...
Настурцій, какъ огонь, багряные цвѣты...
Тогда уйти душой спѣшу отъ жизни шума,
Лелею вновь твои знакомыя черты,—
Передо мною вновь проносятся мечты,
Что создала давно навязчивая дума.

II.

Я пришла къ тебѣ разсказать о томъ,
Что опять въ душѣ грусть тоскливая...
Что лѣса полны тайнымъ шопотомъ,
И больна мнѣ ихъ рѣчь счастливая...

. . . .

И къ минувшимъ снамъ я мечтой лечу..
Полна ласкою непонятныхъ грезъ,
Отдохнуть душой я давно хочу
Отъ красивыхъ словъ и притворныхъ слезъ.

. . . .

Дебютъ Павла Орѣшникова.

1. ТИШИНА.

Возлюби тишину! тишина это—говоръ ручья,
Звоны думъ въ вечерѣющій часъ,
Въ мертвой заводи—вопли весла...
Тишина эта сердцу дала,
Какъ влюбленность—мерцанья для глазъ...
Танецъ дня отзвучалъ! И теперь я куда ни пойду
Въ тишинѣ слышу шопотный зовъ...
Это тѣни ныряютъ во мглу...
Всей душой—возлюби тишину,
За ея говорливость безъ словъ...

2. НА РАСПУТЬИ.

Порою хочется воскликнуть вдругъ: вернись ..
Бываетъ, хочется промолвить лишь: уйдите...
Какъ въ первомъ—грезы жгутъ и уплываютъ ввысь...
Такъ во второмъ томятъ таинственныя нити...
И на распутьи строгомъ двухъ красивыхъ тризнъ
Стоишь въ невѣдѣньи—какое лжетъ сіянье?..
Пойдешь направо ты—чужую сгубишь жизнь,
Налѣво повернешь—своя сгоритъ въ страданьи .!

3. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Я помню услышалъ въ окнѣ распростертомъ недавно,

Какъ медленно вянетъ трава подъ копытами фавна.

Какъ нервные листья, слагая осенніе ямбы,
Казалось шептали природѣ свои дифирамбы...
И жадно пастухъ припадалъ къ увлекательной флейтѣ

И можетъ послѣдній онъ разъ намъ воскликнулъ!—„Развѣйте

Угрюмыя думы холодныхъ, безрадостныхъ буденъ!..

Сегодня еще этотъ сумракъ—прозраченъ и чуденъ,
Но завтра быть можетъ обрывы червоннаго брега—

Одѣнутся въ ризы осенняго, талаго снѣга..
Вновь будетъ вдоль комнатъ такъ пусто и скорбно и скучно"...

Такъ помню въ окнѣ распростертомъ прижавшись беззвучно

Стоялъ я и слушалъ, какъ гдѣ то безсильно и плавно—

Томились и блекли цвѣты подъ копытами фавна...

4. УТРО.

Заря оправила шелка... Разсвѣтный воздухъ—
Покинулъ мглы душистый, южный плѣнъ.
Еще глаза въ далекихъ, скорбныхъ звѣздахъ...
Еще волнуетъ пьяный чадъ вербенъ...
Но вымыселъ померкъ—струящійся, глубокій...
Въ—душѣ октябрь. Нѣтъ краски огневой...
. . . .
О, горе—каждаго—пылающія строки—
Дописывать усталою рукой...

5. ВИНЬЕТКА.

Я одинъ, одинъ въ пустынномъ залѣ.
Расплавленный кораллъ—
Вино смѣется въ раненомъ бакалѣ...
Смѣется залъ...
Листва, узоръ огней—все пятна...
И чистъ лишь потолокъ...
Поетъ мятель:—„Улыбки безвозвратны...
Ты—одинокъ"...

6. САМОУБІЙЦА.

О горестность, если погаснутъ манящія тайны!..
Уныніе—вдругъ обрести путеводную гладь
И вѣдать безкрылые сны—о былыхъ и случайныхъ,

И слезы незримо, незримо и тихо ронять...
Что въ жизни? Цвѣты изъ подъ пепла? Порокъ изъ фальши...

А въ смерти?—Таинственность! Ей я волнующій жрецъ...

Есть много дорогъ, но усталъ путешествовать дальше...

Отрадный напитокъ. Круги. Чей то голосъ. Конецъ...

7. ВЕЧЕРЪ.

Ужъ сколько разъ взывала мѣдь къ вечернѣ
И славилъ мастера нарядный клиръ...
А онъ навеселѣ въ сырой тавернѣ—
Чинилъ одинъ свой невеселый пиръ...
Одинъ съ тоской въ зрачкахъ молился скверно
Въ своемъ невѣріи—убогъ и сиръ...
И думалъ самъ:—„Стезями взрытый міръ!
Вѣдь каждая ведетъ къ вѣнку изъ терній!.."

8. ROMANCE.

Мнѣ только-бъ услышать твой голосъ
И цвѣтъ твоихъ глазъ разглядѣть...
Я могъ бы тогда умереть!..
Я зналъ бы, что въ сумеркахъ, сонный,
Твой призракъ приходитъ мнѣ пѣть...
Твой призракъ влюбленный...
И въ палевой вечеръ. Осенній...
Онъ будетъ мнѣ грустью звенѣть
И душу усталую грѣть—
Волнующей лаской. Неясной...
Я могъ бы тогда умереть—
Мой призракъ прекрасный!..

9. ROMANCE

У блѣдныхъ фіалокъ—есть счастье—
Завянуть на женской груди...
У моря—въ глухое ненастье,
Хоть пѣной ласкать корабли...
У струнъ есть великая радость—
Звенѣть въ наболѣвшей тоскѣ...
Одна въ моей жизни есть сладость—
Молиться—Тебѣ!..

10. ДНЕВНИКЪ.

Меня ничто не вдохновляетъ...
Но только часто ввечеру,
Когда никто еще не знаетъ,
Что ночи день сказалъ: „умру"...
Душа на мертвую бумагу—
Выноситъ жемчугъ глубины...
И будто ухо слышитъ сагу
И будто глазъ мой видитъ сны...
Меня никто въ себя не влюбитъ...
Но это только потому,
Что знаю я: вѣдь сердце губитъ—
Нераздѣленное „люблю"...
(Однако кто-то дерзко бросилъ—
Святую тѣнь и у окна:
Я часто слышу—вопли веселъ,
Цѣлую призрака въ глаза...).
Меня никто еще не знаетъ...
Но это только потому,
Что каждый ясно понимаетъ,
Какъ я талантливо всѣмъ лгу...
И мыслю самъ: —я „въ мірѣ значу!
А—стансы! Подвиги мои!.."
. . . .
Смѣюсь я часто надъ людьми,
Но надъ собою чаще плачу...

11. БРЕДЪ.

Свиваютъ звуки—вѣнки печали,
Какъ смѣхъ русалокъ...
Груститъ на крышкѣ глухой рояли—
Букетъ фіалокъ...
Невнятный запахъ, какъ бредъ усталый—
Весенней чары...
И мнится грезамъ, какъ будто въ залы—
Прокрались пары...
Кружатся въ вальсѣ. И принцъ несмѣлый—
Своей невѣстѣ
Цѣлуетъ руку въ перчаткѣ бѣлой
За нимъ всѣ вмѣстѣ—
Подходятъ славить ея таланты,
Ея наряды...

Мерцаютъ плечи... Горятъ брильянты...
И шепчутъ взгляды...
Разсвѣтъ разгонитъ больныя тѣни
Отъ думъ мятежныхъ...
Окропятъ росы цвѣты сирени
И лилій нѣжныхъ...
Уплыли грезы, поумирали
Мой міръ сталъ жалокъ..
И кружатъ долго въ умершей залѣ—
Вѣнки русалокъ...

12. СТИХОТВОРЕНІЕ.

Мнѣ не надо крыльевъ. Мнѣ не надо счастья.
Вѣдь для крыльевъ—счастье, а для счастья—крылья,
Все равно, что грустной дѣвушкѣ—ненастье...
Тоже, что ненастью—дѣвичье безсилье..
Вѣтру такъ желанно, такъ необходимо,
Чтобы кто-то въ осень плакалъ у гардины...
Дѣвушкѣ красивой, если будутъ мимо
Проходить безстрастно вереницей длинной...
Кто уронитъ ласку... Кто опалитъ страстью...
Вѣтру, кто разскажетъ басню позднихъ былей?..
Только и не я ужъ:
...Я не вѣрю счастью...
Только и не я ужъ:
...Мнѣ не надо крылій...

13. КОГДА 12 БЬЕТЪ...

(Notturno).

Дмитрію Цензору.

Когда 12 бьетъ влюбленъ я въ шепотъ тайны,
Что окружаетъ канувшія сутки.
Деревья ждутъ. И оттого такъ жутки...
И вижу я, какъ гдѣ то тамъ въ Украйнѣ—
Стоитъ одна. Одна на ледяномъ погостѣ...
И слушаетъ, какъ вихрь въ степи хвалебенъ.
Въ очахъ—мятель. Въ душѣ—тоска... о тостѣ.
И новой жизни сбивчивый молебенъ.
Однако поздно. Два. Идетъ домой и слышитъ,
Что канувшія сутки шепчутъ тайны
И какъ мятель косынкою колышетъ,
Узорною косынкою Украйны...
Колышетъ...
Ждутъ деревья новыхъ сновъ иль яви.
...Ахъ! Странныя въ судьбѣ сложились сказки:—
„Скажите, люди, развѣ я не въ правѣ,
Сорвать въ пути—одинъ цвѣточекъ ласки?"..
Пришла. Тепло. Одна. У зеркала портрета.
И вдругъ—лицо въ блестяще-влажной рамѣ...
Воспоминаніями, комната согрѣта.
Да! Гладкій лобъ! И подъ бровями—пламя!!.
Рванулась...
...Звонъ...
. . . .
И вышло такъ случайно,
Что сердцу нужно было праздновать поминки.
А ей рыдать въ степяхъ глухой Украйны,
Сметая слезы—розой... на косынкѣ.

14. ВИНЬЕТКА.

Мнѣ кажется порой, что вспомню при кончинѣ—
Твой поцѣлуй...
Какъ вспоминается навѣрно каждой льдинѣ—
Ласканья струй...

И дубу каждому съ шатровою вершиной—
Зеленый кустъ.
. . . .
Мнѣ кажется порой, что вспомню предъ кончиной—

Я трепетъ устъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Дебютъ Анжелики Сафьяновой

1. ПРОЛОГЪ.

Я пою игривую фривольность,
Я холоднымъ пламенемъ горю,
Мнѣ не пѣть трагическую вольность
И не знать багряную зарю.
Горькій медъ я собираю въ соты,
Мѣдный рогъ мѣняю на свирѣль.
Я сплетаю пѣсенки Эроту
И пою влюбленность и апрѣль.
Были пѣсни ярче и чудеснѣй,
Былъ тревожнымъ и напѣвъ и стихъ,—
У меня есть и другія пѣсни,
Но другія пѣсни...для другихъ.

2. ПѢСЕНКИ.

I.

—Въ сердцѣ зной любовныхъ пытокъ
Истомилъ меня Эросъ,—
Я принесъ вамъ маргаритокъ
Маргаритокъ я принесъ

—Да... любви опасно зелье,
Маргаритки не въ чести
Право лучше ожерелье
Ожерелье принести,
Богъ любви..Довольно шутокъ
Сердце дѣвы разгадай,—
Съ каждымъ часомъ новыхъ сутокъ
Двухъ влюбленныхъ дѣвъ дай..
Для вакхическихъ веселій
Сразу двухъ ты дать готовъ...
Одного для ожерелій,
А другого для цвѣтовъ.

II.

Въ первой двери вверхъ по лѣсенкѣ
Ты вечоръ меня ждала,
Мы пропѣли наши пѣсенки
Въ третьемъ домѣ отъ угла,
Но пришла тоска нежданная
За былую радость мстить,
Не забудь меня желанная
А забудешь... Богъ проститъ...
Вспомни пѣсню недопѣтую,
Вспомни солнышко и высь...
Ты уходишь... я не сѣтую...
—Оглянись...

3. ПЕЧАЛИ.

Когда любовь тревоги множитъ
Уйди въ обитель за рѣкой
И пусть ничто не потревожитъ
Печаль и творческій покой.
Вино и страсть гони смѣлѣе—
Замѣнитъ мѣрный лепетъ строфъ
Твои любимыя аллеи
И твой любимый Петергофъ,
И этотъ паркъ надменно жуткій
Куда приходишь ты съ утра,
Гдѣ такъ пикантны проститутки
И страсть шикарны юнкера.

4. ПИСЬМО.

Знакомо какъ юморъ разсказчика,
Какъ вѣчно звучащее „mot“
Изъ пасти почтоваго ящика
Мнѣ выпало какъ то письмо.
О, сердце, пускай помолчитъ оно,
Пускай не ликуетъ какъ тать,
Пусть дома свое перечитано,
Не нужно чужого читать...
Но дерзко, рукою увѣренной
Порвалъ я измятый конвертъ
И въ тайну надежды потерянной
Проникъ, какъ угрюмый экспертъ:
„Я шлю вамъ письмо съ незабудками,
Я шлю вамъ письмо за письмомъ
А вы не приходите сутками
И пустъ и альковъ мой, и домъ.
Когда не придете къ заутренѣ,
Къ заутренѣ новаго дня,
То голосъ подскажетъ мнѣ внутренній,
Что вы разлюбили меня..“
Часы изступленія пробили,
Напрасно любовь не зови
И вѣчно „la donna e mobile“
И вѣчна измѣна въ любви...
Измято, какъ юморъ разказчика,
Знакомо, какъ старое mot,
Изъ пасти почтоваго ящика
Мнѣ выпало какъ то письмо.

5. MI-CARÊME.

Среди толпы непризнанныхъ моделей
На карнавалѣ въ вихрѣ Mi-carême
Она прошла, какъ древній идолъ Дэли,
Какъ божество надъ крючьями триремъ.
Въ плащѣ жреца, подъ маской пилигрима
Я уходилъ на праздникъ Mi-carême
На площадяхъ я видѣлъ тайны Рима
Но ихъ творцы не Ромулъ и не Ремъ
И опаленъ огнями суевѣрій
И день и ночь безуміемъ томимъ
Я вновь искалъ плясунью изъ остерій,
Какъ гладіаторъ, всадникъ или мимъ...
Когда въ толпѣ безумствуютъ модели,
Какъ въ часъ грозы распущенный гаремъ—
Она прошла какъ древній богъ изъ Дэли,
Какъ божество надъ крючьями триремъ.

6. ОФОРТЪ.

Въ открытомъ платьи и плюмажѣ,
Даря избранникамъ опалъ,
Она вездѣ одна и та же—
Въ саду, въ притонѣ и въ пассажѣ
И на паркетѣ бѣдныхъ залъ.
Какъ цѣломудренная дѣва
Въ вѣнцѣ кровоточащихъ ранъ
Она раба сразитъ безъ гнѣва,
Какъ легкомысленная дѣва
И мозгъ разрушитъ, какъ таранъ.
Не пощадятъ тысячелѣтій
Ея растлѣнныя уста—
Такъ стражъ любви не броситъ плети
И не уйдетъ съ его поста.

7. МОИ ПЕЧАЛИ.

(Отвѣтъ на посвященія).

У Петрарки
Есть прекрасныя строки о нѣжности,
Начинаются, кажется, такъ:
„Въ неизбѣжности
Дня и ночи, какъ опытный магъ...
Я... предвижу...“—Забыла...
Изумительно ярки
У Петрарки
Слова объ изысканной нѣжности,
И когда я мечтаю о томъ, что Лаурѣ,
Одной лишь Лаурѣ,—
Эта тысяча пѣсенъ, сплетенныхъ экстазомъ,—
Я страдаю.. Мнѣ хочется бури;
Я сдвигаю взволнованно брови,
И вонзаю булавку съ топазомъ,
И царапаю руки до крови..
. . . .
Ну, а вы... „Молодые поэты“,
Анжеликѣ создать тріумфальныя арки
Не дано вамъ... и нужно ли это?..
Вы,—увы...
Не Петрарки...

9. ИНТИМЪ.

На счетахъ ресторановъ, на бланкахъ отелей
Я писалъ вамъ лирически-нѣжныя строки,

Называлъ васъ „Саронская роза панелей“,
Посылалъ вамъ въ риѳмованныхъ строкахъ
упреки.
На упругой и пахнущей розой бумагѣ,
Въ округленномъ и ярко-блестящемъ конвертѣ,
Вы писали о страсти, о вашей отвагѣ
И о томъ, что хотите любви или смерти.
Я писалъ, восторгаясь, о вашей осанкѣ,
О жеманной тоскѣ, о лирической нѣгѣ;
И однажды въ экстазѣ, на вексельномъ бланкѣ,
Набросалъ вамъ десятокъ мятежныхъ элегій...
Сколько разъ рисовалъ я довѣрчивый локонъ,
Сколько разъ я молился возлюбленной дамѣ,
Зеркала ресторановъ и стекла у оконъ,
Испещряя понятными вамъ письменами.
И однажды на рваномъ клочкѣ изъ тетради
Вы писали: „Пора разставаться и намъ ужъ“,
Вы писали о томъ, что пришли вы къ преградѣ,
И о томъ, что на-дняхъ вы выходите замужъ...
Я пришелъ поутру... И внизу въ вестибюлѣ
Передалъ мнѣ консьержъ эти жуткія строки...
—Неужели же мы никогда не любили?
Неужели же мы изощрялись въ порокѣ?..
Я слѣдилъ, поднимаясь, за медленнымъ лифтомъ..
Тайнымъ чарамъ конецъ... И развѣнчаны маги...
И „прости“ изощреннымъ, готическимъ шрифтомъ
Я писалъ вамъ на гладкой, блестящей бумагѣ.

10. У ТЕЛЕФОНА.

Вы позвонили въ вечеръ зимній,
Когда желаннѣе уютъ
И стало ближе и интимнѣй
Слѣдить мерцаніе минутъ.
О, эти шутки такъ опасны
Вы мнѣ сказали „да и нѣтъ“
Закрывъ глаза я видѣлъ ясно
Улыбку, мушку и лорнетъ.
Какъ вы тряхнули кружевами,
Какъ вы сказали слово „да“
Я говорилъ о страсти съ вами
И нѣжно гладилъ провода...

11. ПАРИЖАНКА.

У меня свиданіе съ аббатомъ...
(Это можно чувствовать въ стихѣ).
Я дрожу... Трепещетъ каждый атомъ
И горитъ тоскою по грѣхѣ...
У меня свиданіе съ аббатомъ,
И на-дняхъ въ отелѣ „Трехъ коронъ“,
Основной идеѣ целибата
Нанесенъ внушительный уронъ.
Онъ сказалъ: „Увы судьба мнѣ отчимъ,
Я усталъ, и какъ я одинокъ...“.
И затѣмъ добавилъ между прочимъ—
„Развѣ нѣжность къ ближнему порокъ?...“
Онъ сказалъ и сжалъ мнѣ нѣжно руки,
Dura lex!..—И все же онъ законъ...
Я приду умѣрить ваши муки...
Ты живешь въ отелѣ „Трехъ коронъ?...“
Онъ придетъ и будто бы случайно...
Перечтетъ съ утра Декамеронъ,
И падетъ неслыханно и тайно
У меня въ отелѣ „Трехъ коронъ“..,

12. ВѢНА.

О не мните, фрейленъ бантъ,
И не плачьте Мицци...
Бѣлокурый лейтенантъ
—„*Veni, vidi, vici*.
Бѣлокурый лейтенантъ хмурилъ гордо вѣки,
Передвинувъ аксельбантъ,
И ушелъ навѣки.
. . . .
Прочь сомнѣній горькій ядъ,
Вечеромъ на Пратеръ,
Тамъ въ аллеѣ бросилъ взглядъ
Мици—стройный патеръ.
Намъ не страшенъ блескъ тонзуръ,
Къ чорту пылъ традицій!
Такъ впередъ... За туромъ туръ...
Veni, vidi vici...

13. ПАРИЖЪ.

Я смѣю вамъ напомнить встрѣчи
Въ кафе, гдѣ тѣсенъ зимній садъ,
Гдѣ были робки ваши рѣчи,
Но смѣлымъ былъ влюбленный взглядъ.
Вы такъ пріятны каждой дамѣ,
Вы были ласковы въ кафе,
И я шутя, болтала съ вами,
И съ лейтенантомъ въ галифэ.
Потомъ румынъ воспѣлъ намъ Яссы,
Потомъ намъ подали моторъ
И мы блуждали больше часа,
Чертя по городу узоръ..
У парка (помнишь?) вы сказали:
—„Во снѣ я видѣлъ васъ нагой“...
—„О, если вы во снѣ дерзали,
То наяву дерзалъ другой...“
Вы улыбнулись зло и жутко,
Закатъ грозилъ моей звѣздѣ
И я сказала...—„Это шутка!“
Потомъ спросила робко...—„Гдѣ?..“
Лилъ теплый дождь и вы молчали,
Отъ Люксембурга до Грэви,—
Отъ вашей маленькой печали
До вашей маленькой любви.
. . . .

R. S.

Право вы у меня, какъ въ теплицѣ...
Иногда... (Иногда?) я вамъ рада...
Не носите мимозы въ петлицѣ,—
Не надо...

14. МАДРИГАЛЪ.

Вы сегодня полны увядающей страстью
Увядающей страстью, минующихъ дней
И сегодня на васъ золотое запястье
Золотое запястье изъ алыхъ камней...
И не въ вашу ли честь прозвенѣли куранты
Прозвенѣли куранты Непорочной Жены,
И не вы ли вчера по приказу инфанты
По приказу инфанты на кострѣ сожжены...

15. РОМАНЪ БОГЕМЪ.

Гдѣ забытыя строфы литыя терцины,
Обаятельный лепетъ мотивовъ и словъ,
Глубиною которыхъ одни сарацины
Наполняли пространство минувшихъ вѣковъ...
Былъ мечтательный вѣкъ и его тріолеты,
Были пѣсни Рамо, менуеты Люли
Но холодныя волны медлительной Леты
Погребаютъ сожженные [illegible]овь корабли...

Если всѣми забыты газеллы и геммы
И великаго пана глухая свирѣль,
То трагической кликѣ веселой богемы
Остается одинъ торжествующій хмѣль...
Если рыцарей нѣтъ въ угасающій Мальтѣ,
То въ забытыхъ подвалахъ осталось вино
И остались цвѣты на сожженномъ асфальтѣ,
Тѣ цвѣты для которыхъ оно суждено.
Если нужно и мы покоряемъ невѣрныхъ,
И въ альковной любви мы пойдемъ далеко
И не даромъ теперь, въ кабинетахъ таверны
Торжествуетъ изысканный стиль рококо.
Мы одни не покорны мѣщанской личинѣ,
Не ищите экстаза въ унылому моржѣ,
Только насъ воспѣваетъ жеманный Пучини,
Только насъ увѣнчаетъ цвѣтами Мюрже...

16. РИВЬЕРА.

Могу ли я забыть багряные узоры,
Поникшее перо и темную парчу.
И нѣжность вашихъ словъ, и ревность, и укоры,
Которыхъ до сихъ поръ забыть я не хочу...
Могу ли я забыть, когда я полонъ вами,
Изгибы вашихъ рукъ и блекнущій цвѣтокъ.
Мерцающій браслетъ, прикрытый кружевами.
И только вашихъ глазъ запомнить я не могъ...
Я вѣчно вѣренъ вамъ... Я помню ваши рѣчи,
Лиловые шелка и нѣжный мѣхъ лисы,
Измятый ласками, обвившій робко плечи,
Обрызганный виномъ и каплями росы...

17. ОЖИДАНІЕ.

Эротъ... сломи свой тонкій лукъ..,
Пусть онъ придетъ нагой
Мнѣ измѣнилъ мой нѣжный другъ
И вновь ушелъ съ другой...
Пусть искаженъ усмѣшкой ротъ
Гасимною звѣзду
И пусть другой меня беретъ,
Скорѣй Эротъ... я жду...

Анжелика Сафьянова.

Дебютъ Михаила Гартевельда.

О свѣтлая моя, о мое море.
Ст. Пшибышевскій. (Надъ моремъ)

1. ДЕНЬ УМИРАЛЪ.

День умиралъ надъ моремъ золотымъ,
И золото горѣло на просторѣ,
Не вѣрю я: ни близкимъ, ни чужимъ,
Я вѣрю лишь тебѣ—тебѣ, о море.
Быть можетъ неразумно я искалъ,
И падалъ изъ проваловъ бездны—въ бездну,
И достигая вновь себя бросалъ,
Въ долины ночи блѣдно многозвѣздной,
Но я достигъ, я знаю ты слилась,
Съ бездоннымъ, голубымъ, хрустальнымъ моремъ,
И слышу я въ вечерній, тихій часъ,
Твои слова и примиряюсь съ горемъ.
Я вѣдь и такъ сливаюсь весь съ тобой,
Тону въ глубинахъ пѣнистаго взгляда,
И какъ рука твоя, ласкается прибой,
Душѣ усталой большаго не надо.
День умеръ, ночь простерлася надъ нимъ,
И золото умчалось на просторѣ,
О свѣтлая моя, я вѣчно нелюдимъ,
О свѣтлая моя, о мое море.

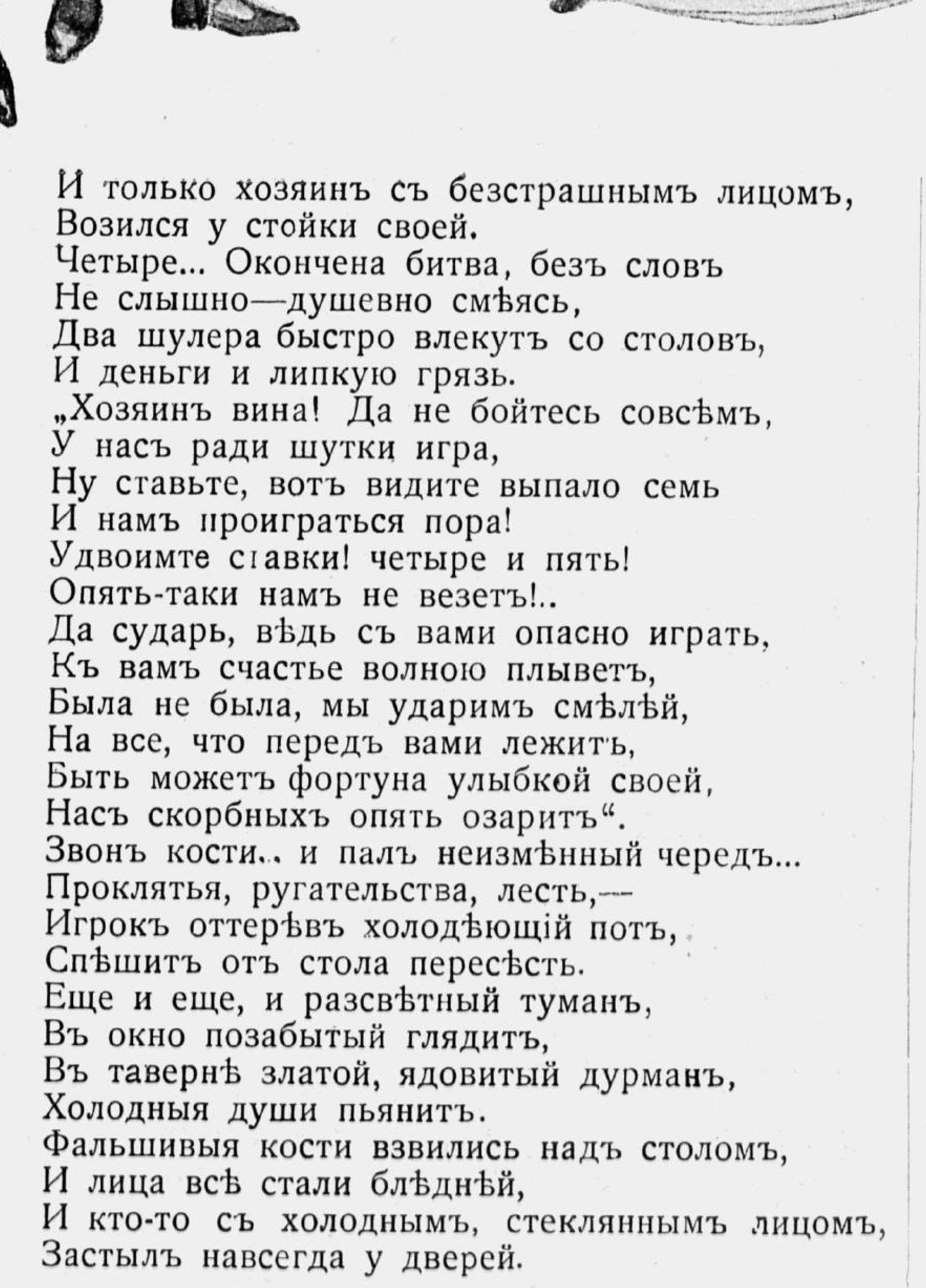
2. ДНИ ОБМАНУВШІЕ.

Блѣдно-струйныя руки въ оковахъ тяжелыхъ браслетъ,
Губъ кровавыхъ, закатный, алѣющій огненный свѣтъ,—
Это все что осталось отъ прошлыхъ побѣдъ...
Но быть можетъ и въ этомъ таится своя красота,
Но быть можетъ и въ этомъ живетъ для иного мечта...
Но холодное сердце мнѣ шепчетъ упорно „не та".
Вновь пойду, къ полуночному солнцу, и искать, и искать,
Вновь пойду, чтобы въ бездны и рвы на пути упадать,
Голубую дорогу къ далекой странѣ пролагать..
И избранника Ночь, золотою одеждой одѣнь,
Чтобъ предъ нею померкъ окровавленный огненный день.
И простри надъ главой его Ники крылатую тѣнь,
На щитѣ, чтобъ изсѣченъ былъ сумрачный воронъ ночной,
Чтобъ нетлѣненъ былъ мечъ, на боку его острый, стальной,
Чтобы посохъ изъ звѣздъ освѣщалъ ему сумракъ дневной.
Блѣдно-струйныя руки въ оковахъ тяжелыхъ браслетъ,
Губъ кровавыхъ, закатный, алѣющій огненный свѣтъ,
Это дней обманувшихъ, холодный, вѣнчающій слѣдъ.

3. ВЪ ТАВЕРНѢ.

Фальшивыя кости взвились надъ столомъ,
И лица всѣ стали блѣднѣй,

Л. Осовскій «Прогулка».

И только хозяинъ съ безстрашнымъ лицомъ,
Возился у стойки своей.
Четыре... Окончена битва, безъ словъ
Не слышно—душевно смѣясь,
Два шулера быстро влекутъ со столовъ,
И деньги и липкую грязь.
„Хозяинъ вина! Да не бойтесь совсѣмъ,
У насъ ради шутки игра,
Ну ставьте, вотъ видите выпало семь
И намъ проиграться пора!
Удвоимте ставки! четыре и пять!
Опять-таки намъ не везетъ!..
Да сударь, вѣдь съ вами опасно играть,
Къ вамъ счастье волною плыветъ,
Была не была, мы ударимъ смѣлѣй,
На все, что передъ вами лежитъ,
Быть можетъ фортуна улыбкой своей,
Насъ скорбныхъ опять озаритъ".
Звонъ кости.. и палъ неизмѣнный чередъ...
Проклятья, ругательства, лесть,—
Игрокъ оттерѣвъ холодѣющій потъ,
Спѣшитъ отъ стола пересѣсть.
Еще и еще, и разсвѣтный туманъ,
Въ окно позабытый глядитъ,
Въ тавернѣ златой, ядовитый дурманъ,
Холодныя души пьянитъ.
Фальшивыя кости взвились надъ столомъ,
И лица всѣ стали блѣднѣй,
И кто-то съ холоднымъ, стекляннымъ лицомъ,
Застылъ навсегда у дверей.

4. РЫБАКЪ.

Горятъ гвоздяныя раны,
Ужалено мукой лицо,
Обвиваетъ измученность стана,
Огневое, нѣмое кольцо.
Я любилъ въ часы полнолуній,
Уходить въ одиночество рощъ,
И долго, исполненъ раздумій,
Ожидать освящающій дождь...
И въ ладьѣ разсѣкая проворно,
Серебристую водную гладь,
Я часами мечтая упорно,
Забывалъ свои сѣти поднять.
Разъ въ дорогѣ горячей и пыльной,
Гдѣ простерся полуденный зной,
Мнѣ явился, учитель всесильный,
И сказалъ мнѣ „Слѣдуй за мной",
Я склонясь отвѣчалъ пораженный,
„О учитель я бѣдный рыбакъ",
И отвѣтилъ онъ „Всякій спасенный,
Освѣщать будетъ сумрачный мракъ,
Тебѣ выпалъ сіяющій жребій,
Ты апостолъ сіяющихъ странъ,
И тебѣ въ заревѣющемъ небѣ,
Крестъ мученія благостный данъ",
И лицо его—странно простое,
Я забыть никогда не могу,
На крестѣ, среди пытокъ, святое,
Оно скорбно прощаетъ врагу.
Пламя лижетъ по тлѣющей ранѣ,
Шумитъ огневое кольцо,
Но горитъ въ предсмертномъ туманѣ,
Улыбаясь святое лицо.

5. ПУТЬ.

Копье побѣдного заката,
Вонзилось въ сердце мнѣ.
Непроницаемые латы,
Распались въ Судномъ Днѣ,
И я былъ связкою окованъ.
Невидимыхъ цѣпей,
И мнѣ былъ путь пріуготованъ,
Въ провалахъ дней.
Я вновь обрѣлъ свою корону,
Изъ мертвыхъ звѣздъ,
И вновь воздвигнулъ, по уклону,
Столѣтній мостъ,
Какъ Богомъ мѣченый избранникъ,
Стремился въ путь,
И, какъ униженный изгнанникъ,
Не смѣлъ вздохнуть.
Плылъ бодрымъ, огненнымъ матросомъ,
На кораблѣ,
Свершалъ по серебристымъ росамъ,
Свой путь во мглѣ.
И перейдя, тоску паденій,
Восторгъ надеждъ,
Увидѣлъ вновь закатные ступени,
Сквозь сумракъ вѣждъ,
Копье побѣдного заката,
Вонзилось въ сердце мнѣ,
И я опять пошелъ куда-то,
Въ безумномъ снѣ.

6. СЧАСТЬЕ.

У вѣчныхъ снѣговъ, есть страна...
Бьернстерне-Бьернсонъ.

Ты знаешь у вѣчныхъ снѣговъ голубую страну,
Въ которой владыки одни голубые снѣга,
Гдѣ люди не знали совсѣмъ золотую весну,
Гдѣ имъ никогда не цвѣли травяные луга.
Всегда одинаково мраченъ у нихъ небосклонъ,
Всегда одинаково громко поетъ имъ мятель,

Но ты не услышишь отъ нихъ полусдавленный стонъ,
Какъ будто ихъ нѣжитъ безумья непознанный хмель...
Для нихъ: нѣтъ законовъ, любви, тихихъ словъ о добрѣ,
Для нихъ нѣту плясокъ въ весеннюю тихую ночь,
Они лишь слѣдятъ, какъ сіянья въ минутной игрѣ,
Иль меркнутъ, иль гонятъ все темное, мрачное прочь.

Но ты ихъ спроси, почему они мрачно живутъ,
Зачѣмъ не хотятъ перейти снѣговые хребты,
Они не отвѣтятъ и тотчасъ беззвучно уйдутъ,
И ты не узнаешь отъ нихъ заповѣдной мечты.
Повѣрь, что когда звонкогласно поетъ имъ мятель,
И снѣжные вихри надъ ними, какъ тучи, снуютъ,
Ихъ душу качаетъ, весенній и радостный хмель,
Имъ дикія, жгучія розы, багряно цвѣтутъ.

7. УБІЙСТВО.

Но жертва кто изъ насъ: ты брошена на плаху,
Иль обреченный я по правому суду.
Валерій Брюсовъ.

Твоя рука нашла стальной клинокъ,
И ты прильнулъ къ спадавшимъ занавѣскамъ,
И на короткій, безпокойный срокъ,
Глаза твои зажглись недобрымъ блескомъ,
И въ комнату вошелъ случайный гость,
Смутился предъ ея холодной пустотою,
Потомъ снялъ шляпу, и поставилъ трость,
И въ кресло сѣлъ, и вытеръ лобъ рукою.
Ты прянулъ вдругъ, нанесъ стальной ударъ,
И замеръ весь въ неясномъ ожиданьи.
Такъ царственный, пятнистый ягуаръ,
Слѣдитъ живой добычи трепетанье.
И взоръ убитаго тускнѣющій—погасъ,
Черты лица покрылись желтизною,
А ты смотрѣлъ на дно стеклянныхъ глазъ,
Объятый страшною, свершенною мечтою,
Ты вытеръ кровь и сумрачно поникъ,
Глаза твои овѣялись туманомъ,
Вѣдь все прошло, одинъ короткій мигъ,
Ты жилъ невѣдомымъ и бредовымъ обманомъ,
Виновенъ ты, что долженъ былъ убить,
Судьба внушила приговоръ всесильный,
И обрекла въ ладонь свою вложить,
Клинокъ забытый, сумрачный и пыльный.

8. ПОЕДИНОКЪ.

Врагъ копье стальное кинетъ,
Будетъ ждать конца,
Но копье въ щитѣ застынетъ,
Не склоню лица.
Врагъ зажжетъ въ лѣсу огромный,
Мнѣ костеръ,
Но сожжетъ его мой темный,
Жгучій взоръ.
Врагъ подыметъ отточивши,
Острый мечь,
Но вѣдь шлемъ главу покрывшій,
Не разсѣчь.
Врагъ отравитъ темнымъ ядомъ,
Мнѣ стрѣлу,
Но пронзитъ онъ можетъ рядомъ,
Только мглу.
Врагъ скуетъ дневные ковы,
Для меня,
Но спадутъ они сурово,
И звеня.
Всталъ хранитель мой угрозный,
Врагъ мой прочь,
Далъ мнѣ мечъ и панцырь звѣздный,
И подругой ночь.

9. ГОНЕЦЪ ПЕЧАЛИ.

Слышишь, слышишь, мѣрный, дробный,
Легкій стукъ копытъ,
По дорогѣ вѣстникъ скорбный,
На конѣ летитъ.
Слышишь храпъ поводья звонко,
Бьются по сѣдлу,
Кто-то за конемъ вдогонку,
Посылаетъ мглу.
Конь ужъ близко, показался,
На тропѣ съ горы,
Вѣстникъ сумрака примчался,
На твои пиры.
Кругъ твой яркій жизни сужатъ,
Конь предвѣстникъ мглы,
Надъ твоей главою кружатъ,
Черные орлы.

10.

На черномъ небосклонѣ моихъ думъ,
Плыветъ луна холодная, святая,
И огненный, непримиримый шумъ,
Безсиленъ, молчаливъ, мгновенно умирая,
На черномъ небосклонѣ моихъ думъ.
Я вѣрю—жду, что вѣковой самумъ,
Расплавитъ свѣтъ, какъ золото червонца,
На черномъ небосклонѣ моихъ думъ,
Взойдешь великое, полуночное солнце,
Я жду тебя вѣнчающій самумъ.

11. ОСЕНЬ. (Посвящается Е. С.).

Ты вѣрила, ждала, иль радовалась тайно,
Не знаю я, но я тебя видалъ,
Въ одной, пустынной улицѣ окраинъ,
Гдѣ тихій день устало умиралъ.
И на щекахъ горѣло солнце блѣдно,
Въ глазахъ таилась скрытая мечта,
И я повѣрилъ вновь, что ты побѣдна,
И вновь горитъ тобою пустота,
Но день угасъ и ночь сошла святая,
И нашептала сумрачные сны,
Осеннимъ солнцемъ блѣднымъ, догорая,
Твои глаза минутно зажжены.

12. ЦЫГАНКА.

Смуглая. Губы, какъ вишни созрѣвшія.
Взглядъ огневой непомѣрно лучистъ.
Гулко звенятъ твою шею одѣвшія,
Звонкія, яркія нити монистъ.
Платье разорвано красное, старое,
Дышешь ты полемъ, просторомъ степей,
Въ темныхъ глазахъ твоихъ дымка угара,
Прежнихъ исчезнувшихъ, огненныхъ дней.
«Милаго нѣтъ, вѣдь онъ мною загубленъ,
Новый и огненный милый придетъ“,
Громко въ рукѣ сотрясается бубенъ,
Въ огненной пляскѣ цыганка плыветъ,
Что ей любовь, она быстро сгораетъ,
Скрылись—исчезли, и не было дней,
Вѣчно одинъ ее пламень сжигаетъ,
Дикая воля, безгранность степей.

Михаилъ Гартевельдъ.

Дебютъ Зиновія Голубева.

1. ГАЗЕЛЛА.

Поетъ веселая весна: умри, умри;
Лазурь привѣтна и ясна; умри, умри.
Въ травѣ цикорій зажелтѣлъ—темна въ лѣсу,
Смолисто—стройная сосна, умри, умри,
Листва лепечетъ о любви. Блаженъ стократъ,
Кому разлука не страшна, умри, умри,
Янтарны зори и блѣдны, расторгни плѣнъ,
Пока безбурна глубина, умри, умри.

2. ВЕСЕННІЙ СТРАННИКЪ.

Весенній странникъ, иду съ котомкой
Въ зеленыхъ чащахъ, гдѣ дымъ болотъ.
Люблю я хворость, сухой и ломкій,
Зеленоватый прозрачный сводъ,
Свѣтло и сыро въ тиши весенней;
Березы млѣютъ, робки, бѣлы.
Вѣтвей милы мнѣ густыя сѣни
И запахъ тлѣнья и духъ смолы,
Мой стихъ невѣрный, мой стихъ незвонкій,
Несмѣло славитъ расцвѣтъ весны,
А мѣсяцъ блѣдный, а мѣсяцъ тонкій
Привѣтно смотритъ изъ за сосны.

3. ПѢСНЯ.

Вздохи весны
Слышатся мнѣ.
Крыши черны
Въ синемъ окнѣ.
Тучей повитъ,
Дымомъ сѣдымъ,
Мѣсяцъ глядитъ,
Бѣлый сквозь дымъ.
Вѣтровъ полетъ
Теплыхъ несмѣлъ.
Тающій ледъ
Хрупокъ и бѣлъ.
Вздохи весны
Слышатся мнѣ.
Крыши черны
Въ синемъ окнѣ.
Стонетъ живой,
Ранена, мѣдь.
Въ небѣ вѣтвей
Зыбкая сѣть.
Тучей повитъ,
Дымомъ сѣдымъ,
Мѣсяцъ глядитъ,
Бѣлый сквозь дымъ.

4. СУМЕРКИ.

Въ сумеркахъ сизыхъ свѣтло;
Вѣтромъ рѣзвиться привольнѣй.
Солнце за крыши зашло,
Только горятъ колокольни,
Сердцу не больно, не жаль
Дня съ суетою ненужной.
Кроется дымкою даль,
Дымкой прозрачно—жемчужной.
Нѣтъ ни побѣдъ, ни грѣха...
О, какъ блаженна усталость!
Чу, далека и тиха,
Пѣсня сейчасъ оборвалась.

5. LE REVENANT.

Въ тиши болотной, гдѣ мохъ и травы, въ зеленыхъ соснахъ,
Меня связали, меня убили; за что—не знаю,
И въ лунно-льняныхъ, лилово-дымныхъ одеждахъ росныхъ
Я до восхода сѣдымъ болотомъ брожу, стеная.
Лепечутъ травы, пылаютъ зори, шуршатъ вершины.
Я повѣряю лѣсной свирѣли въ тиши сосновой,
Гдѣ можжевельникъ, гдѣ мохъ такъ мягокъ, мои кручины,
И міръ люблю я весенне—влажный и вѣчно—новый.
Мнѣ было трудно, мнѣ было жутко, мнѣ было больно,
Я не навидѣлъ и сердце въ злобной тоскѣ нѣмѣло,
Но шепчутъ травы, стекаютъ смолы и богомольно
Не яркій мѣсяцъ стезей привычной плыветъ несмѣло.
Въ тиши болотной, въ тиши сосновой въ тиши зеленой,
Я до разсвѣта брожу бездумно съ моей свирѣлью,

«Автопортретъ». Л. Оссовскій.

Всегда весенній, всегда веселый, всегда влюбленный,
И вѣетъ влагой и вѣетъ волью и вѣетъ прѣлью.

6. НАРЦИССЪ.

Смотрѣлся въ воды влюбленный мальчикъ,
Въ затонъ зеленый, гдѣ зыбки травы.
Кувшинокъ блѣдныхъ бѣлѣлъ бокальчикъ;
Желтѣлъ касатикъ, лились отравы...
Томилъ и нѣжилъ затменный полдень,
Смотрѣлся отрокъ, любилъ впервые,
Но пукъ ручьистыхъ вѣтвистыхъ молній,
Въ кусты ударилъ береговые,
Шуршали сосны въ раздумьи важномъ,
Шептался съ вѣтромъ камышъ залива:
На стройномъ стеблѣ зелено-влажномъ
Цвѣтокъ влюбленный поникъ пугливо.

7. ПОСЕЛЯНКА.

Въ полосатомъ платьѣ поселянка,
Вы стройны, какъ весна Ботичелли.
Забѣлѣла ромашкой полянка,
Межъ березъ раскачались качели,
Поцѣлуй подарила осиный,
Въ полосатомъ платкѣ поселянка.
Завертѣлися ели, осины,
Придорожный плетень и полянка...
Истомила гвоздикой полянка
Пиловатой причудливо—пряно.
Въ полосатомъ платкѣ поселянка
Разсмѣялась беззвучно и пьяно.
Лѣтній смѣхъ переливчато дикій
Подхватила привѣтно полянка,
И козою спрыгнула въ гвоздику,
Въ полосатомъ платкѣ поселянка.

8. МИГЪ.

Были шелкомъ вышиты узоры,
Были окна плотно заперты.
Опускались пламенные взоры,
Холодѣли тонкіе персты.
Лучъ спускался огненно и косо,
Гдѣ пылинки плавали рѣзвясь.
Распустились, разметались косы,
Золотая, царственная вязь...
И свѣтло какъ шорохи сандалій
Приближались крылія тоски
И покорно астры увядали,
На коверъ роняя лепестки.

9. ОДИНОЧЕСТВО.

Есть тайная и острая услада,
Что безотвѣтенъ твой послѣдній зовъ,
Что сумракъ тихъ осеннихъ вечеровъ
И никому тебя теперь не надо.
По окнамъ потускнѣли янтари,
Нисходитъ ночь медлительно, устало.
Надъ крышами затихшаго квартала
Смотри, какъ блекнетъ зарево зари.
Уже забывъ судьбины перемѣны,
Лирическій въ себѣ почуявъ жаръ,
Какой нибудь невѣдомый Ронсаръ
Поетъ упорство долгое Елены.
Смирись душой. Даровъ цѣнить умѣй
Блага простыхъ, знакомыхъ повседневныхъ,
Тоску небесъ закатныхъ и полдневныхъ.
Смирися, покорись и онѣмѣй.

10. ОКТЯБРЬ.

Змѣисто—зыбки огни въ каналѣ,
Огни въ каналѣ осенне черномъ
И ткетъ Октябрь свои вуали,
Свиваетъ сѣти, бредя дозорнымъ.
Сегодня въ полночь слабѣетъ сиро
Несмѣлый шорохъ шаговъ негулкихъ.
Туманно-влажно, темно и сыро
И въ подворотняхъ и въ переулкахъ.
Осеннимъ снѣгомъ прозрачно-талымъ
Вуале-сѣти скользятъ, слезливы.
Октябрь жмется, бредя каналомъ,
Гдѣ воды черны и молчаливы.

Зиновій Голубевъ.

Дебютъ М. Моравской.

1. НОЧНАЯ ДУША.

Я не хочу, мнѣ стыдно ревновать,
Мы—люди новой жизни.
Какъ удивляется ея сестра и мать,
Что мы встрѣчаемся безъ укоризны!
Всѣ путы порваны, права всѣ признаны...
Я никогда не стану ревновать.
Но этой ночью мнѣ приснилось,—Боже,
За что же мнѣ такое униженье!
Какъ пьяная мѣщанка, въ изступленіи
Я царапала ея бѣлую кожу...

2. ЕГО ЖЕНА.

Она стояла свѣтлая въ закатной зарѣ...
Такими въ дѣтствѣ ангелы снятся!
Она сказала, нѣжная въ закатной зарѣ:
„Неправда ли, здѣсь можно спасаться,
Спасаться, какъ въ монастырѣ“?
Сквозь вѣтви строгихъ сосенъ просвѣчивалъ заливъ,

Была такъ умилительна заря, догорая...
И не хотѣлось быть жестоко счастливой,
Уводить его изъ тихаго рая.

3. ЛЮБОВЬ—ОТЪ ХОЛОДА.

Такъ холодно въ широкомъ мірѣ!—
Теплѣй въ плѣну...
И онъ ушелъ отъ этой шири—
Любить одну.
И продалъ душу за уютъ
Ей—одной..
Не вѣрится, когда зовутъ
Любовь святой.

4. ДИКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей.
(Индійская пѣсня).

Холодно. Устала. Не хочу хотѣть.
Нѣтъ въ мірѣ желаній безъ боли.
Что нибудь такое жалобное спѣть,
Пѣсенку народную, что ли?
Чтобъ томленьемъ свѣтлымъ вся я облеклась,
Скинувъ злобу, словно сѣрыя отрепья,
Чтобы можно было плакать не стыдясь,
И отъ жизни ничего не требуя.
Вотъ. Припоминаю. . это пѣли инки.
Дѣвочкой читала... что можетъ быть нѣжнѣй?

„Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей“.
Да, для утѣшенія есть свѣтлыя слезинки.
Пою... и за окошкомъ сталъ сумракъ голубѣй.
„Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей“.

М. Моравская.

Дебютъ Николая Носаря.

1. ПѢСЕНКА.

Изъ-подъ дуба изъ подъ вяза
Вышла рѣчка синеглаза.
Изъ моихъ ясныхъ очей
Протекалъ слезный ручей.
Какъ во этомъ ручеечкѣ
Мыла дѣвица платочки.
Дѣва, милая моя,
Не умѣла мыть бѣлья:
Она мыла, колотила...
Платикъ въ воду опустила.
„—Ктобы, ктобы былъ дружокъ—
„Вынялъ платъ на бережокъ!“
Тутъ нашелся паренечекъ—
Подалъ дѣвицѣ платочекъ.
„Вотъ спасибо, дорогой,
„Что помогъ въ бѣдѣ такой!

2. СКАЗОЧКА.

Я приду изъ поля пыленъ и душистъ,
Принесу пукъ сѣна прянъ и волокнистъ,
Дамъ коню его, сниму съ него узду
И счастливо въ свою хижину взойду.
Наша хижина какъ радостный алтарь.
Все въ ней просто, по душѣ—какъ было встарь.
На стѣнахъ картинки—сказочки, стишки..
У окна принцесса вяжетъ пояски.
„Я была въ лѣсу...—Разскажетъ мнѣ она,
И подастъ ручникъ изъ бѣла полотна.—
„Обошла свои поляночки вокругъ,
Набрала тебѣ земляночки, мой другъ!..“
Поцѣлую я любимую жену,
И съ восторгомъ въ очи синія взгляну;
„Скоро ль стану я малютку колыбать!“
Такъ подумаю и сяду щи хлебать.

3. КАТИНО ГОРЕ.

Сѣла Катенька, Катя подъ окошко.
Головой своей Катенька качаетъ,
Кудреватенькой Катенька качаетъ,
Ваню милаго ругаетъ-обличаетъ.
„Разбезсовѣстный этакой Ванюша
Полюбилъ меня Катю Катерину—
Гладитъ онъ дорогую Катерину,
А не купитъ Катѣ пуху на перину!
Разбезсовѣстный этакой Ванюша!
Обнимается съ Катенькой миленько,
Ходитъ въ гости къ Катюшенькѣ частенько,
А не выкинетъ ей денежокъ маленько!
А вѣдь знаетъ, что Катя баско ходитъ:
Поясокъ носитъ съ вышивкой сутажный.
Скрипъ сапожокъ у Кати очень важный,
Сарафанъ у ней кумачный, станъ бумажный.
Знаетъ—батя у Кати скуповатый:
Не продастъ жеребенка на обновки.
Катѣ нравятся мѣдныя подковки.
Хочетъ Катенька картофки да морковки...
Но Ванюшѣ дружку не догадаться,
Чѣмъ утѣшится бѣдная Катюша.
Ахъ! измучается, высохнетъ Катюша,—
Разбезсовѣстный ты этакой Ванюша!“

Николай Носарь.

Дебютъ Петра Бунакова.

1. ПОЛОТЕРЪ.

Я голоденъ... я изъ голи...
Все-же хлѣба не прошу
И до пота, и до боли
Все пляшу... пляшу... пляшу...
Мою пляску на паркетѣ
Прерываетъ только ночь...
На сегодня сыты дѣти
Только жаль: хвораетъ дочь...
Долго много дочка шила,
И сгораетъ какъ свѣча...
Эхъ! когда-бы можно было
Наплясать мнѣ на врача...
Говоритъ жена мнѣ:—„Что ты?
На кого, Семенъ похожъ?!.“
Да еще-бъ на рубль работы,
А заплатятъ мѣдный грошъ...
Нѣтъ подлѣй мужицкой доли
Все-же хлѣба не прошу
И до пота, и до боли
Все пляшу... пляшу... пляшу...

2. КАМЕНЬЩИКЪ.

„Городъ! шлю тебѣ проклятья
„Жизнь моя тебѣ чужда
„Гонятъ насъ въ твои объятья
„Голодъ, холодъ и нужда...
„Жжетъ насъ жадно солнца пламень
„Моетъ часто насъ дождемъ
„Но мы все за камнемъ камень
„Зданье гордое кладемъ...
„И ростетъ все выше... выше
„Домъ нашъ всѣмъ дворцамъ вѣнецъ,
„Тамъ внизу все крыши... крыши...
„Вотъ-бы внизъ... всему конецъ...“
Вкругъ толпа шумитъ:—„Что дышетъ?
Эхъ никакъ онъ головой?“
Поздно... Поздно... онъ не слышитъ...
Онъ въ крови на мостовой!!.

Петръ Бунаковъ.

Первая премія „Весны“ книга Н. Шебуева „Искусство писать стихи“ („Версификація“) разослана на годовымъ подписчикамъ съ № 1. *Первый листъ второй преміи „Альбомъ Саломея“* разосланъ съ первымъ номеромъ. Второй листъ будетъ разосланъ съ № 3 „Весны“.

Л. Оссовскій.

„СЛИВЫ" Альфонса Додэ въ переводѣ Н. Шебуева.

1.
Si vous voulez savoir comment
Nous nous aimâmes pour des prunes
Je vous le dirai doucement,
Si vous voulez savoir comment.
L'amour vient toujours en dormant,
Chez les bruns comme chez les brunes;
En quelques mots voici comment
Nous nous aimâmes pour des prunes.

2.
Mon oncle avait un grand verger
Et moi j'avais une cousine;
Nous nous aimions sans y songer,
Mon oncle avait un grand verger.
Les oiseaux venaient y manger,
Le printemps faisait leur cuisine:
Mon oncle avait nn grand verger
Et moi j'avais une cousine.

3.
Un matin nous nous promenions
Dans le verger, avec Mariette;
Tout gentils, tout frais, tout mignons,
Un matin nous nous promenions.
Les cigales et les grillons
Nous fredonnaient une ariette:
Un matin nons nous promenions
Dans le verger avec Mariette.

4.
De tous côtés, d'ici, de là,
Les osieaux chantaient dans les branches.
En si bémol, eu ut, en la,
De tous côtés, d'ici, de là.
Les prés en habit de gala
Etaient pl ins de fleurettes blanches.
De tous côtés, d'ici, de là,
Les oiseaux chantaient dans les branches.

5.
Fraîche sous son petit bonnet,
Belle à ravir, et point coquette,
Ma cousine se démenait,
Fraîche sous son petit bonnet.
Elle sautait, allait, venait,
Comme un volant sur la raquette:
Fraîche sous son petit bonnet,
Belle à ravir et point coquette.

6
Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes;
Et la gourmande en veut manger,
Arrivée au fond du verger.
L'arbre est bas; sans se déranger
Elle en fait tomber quelques-unes:
Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes.

7.
Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'offrant: „Tiens!.." me dit-elle.
Mon pauvre cœur battait si fort,
Elle en prend une; elle la mord.
Ses petites dents sur le bord
Avaient fait des points de dentelle...
Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'ollant: „Tiens!.." me dit-elle.

8.
Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses
(Si j'avais su ce que je sais!..).
Ce fut tout, mais ce fut assez.
Je mordis, comme vous pensez,
Sur la trace des lèvres roses:
Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses.

9.
A MES LECTRICES.
Oui, mesdames, voilà comment
Nous nous aimâmes pour des prunes:
N'allez pas l'entendre autrement;
Oui, mesdames, voilà comment.
Si parmi vous, pourtant, d'aucunes
Le comprenaient différemment,
Ma foi, tant pis! voilà comment
Nous nous aimâmes pour des prunes.

Alphonse Daudet.

1.
Mesdames, мой стихъ вамъ объяснитъ,
Какъ мы влюбились изъ за сливы,
Съ ѣдой приходитъ аппетитъ...
Mesdames, мой стихъ вамъ объяснитъ.
Любовь блондинокъ не щадитъ,
Брюнетокъ тоже. Терпѣливы
Лишь будьте: стихъ мой объяснитъ,
Какъ мы влюбились изъ за сливы.

2.
У дяди былъ фруктовый садъ,
А у меня была кузина.
Объ этомъ поболтать я радъ.
У дяди былъ фруктовый садъ:
Сбирали сливы, виноградъ
Мы тамъ въ огромныя корзины.
У дяди былъ фруктовый садъ,
А у меня была кузина.

3.
Однажды мы гуляли тамъ:
Я и кузина Маріэтта.
Отдавшись утреннимъ мечтамъ,
Однажды мы гуляли тамъ..
Шмели жужжали по цвѣтамъ
И пѣли басомъ пѣсни лѣта.
Однажды мы гуляли тамъ,—
Я и кузина Маріэтта.

4.
Со всѣхъ сторонъ и тамъ, и тутъ
Несутся птичекъ серенады.
И въ si bémol, и въ la, и въ ut...
Со всѣхъ сторонъ и тамъ и тутъ
Пѣвуньи пташечки поютъ.—
Всѣ свѣту солнечному рады.—
Со всѣхъ сторонъ и тамъ и тутъ
Несутся птичекъ серенады,

5.
Какъ это утро весела,
Моя кузина Маріэтта
Цвѣточки чудные рвала,
Какъ это утро весела,
Рѣзвилась, прыгала она...
Прекрасна словно утро это,
Какъ это утро весела
Моя кузина Маріэтта.

6.
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней,
А тамъ прекраснѣйшія сливы.
Исходъ не можетъ быть яснѣй:
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней.
Шалунья къ дереву скорѣй
И—фрукты падаютъ красиво...
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней,
А тамъ прекраснѣйшія сливы.

7.
„Бери!" мнѣ говоритъ она
И откусила половину
Большого спѣлаго плода...
„Бери!" мнѣ говоритъ она.
О, чѣмъ душа моя полна!
О, какъ взглянулъ я на кузину...

Л. Оссовскій.

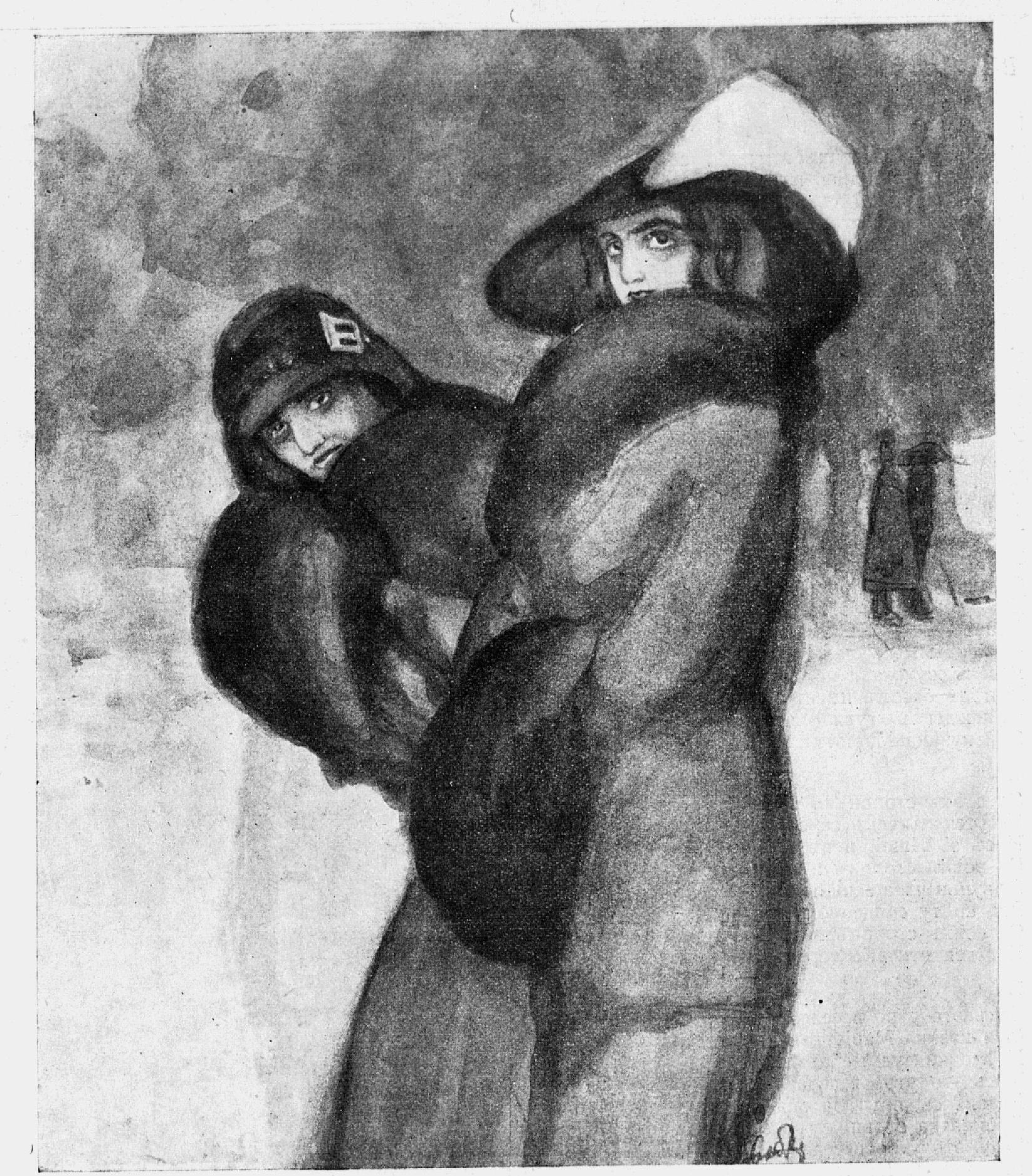

„Бери!" мнѣ говоритъ она,
Давая сливы половину.

8.
И это все. Но какъ я радъ!
Какъ этотъ плодъ сказалъ мнѣ много!
Кузины глазки такъ горятъ,
Пылаютъ щеки... Какъ я радъ
Вѣдь поцѣлуй—верхъ всѣхъ наградъ!
Меня вы не судите строго:
Я былъ тогда безумно радъ;
А этотъ плодъ сказалъ такъ много.

9.
МОИМЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ.
Mesdames, вы захотѣли знать
Какъ мы влюбились изъ за сливы.
Прошу другимъ не разболтать
Того, что вы смогли узнать...
Любовь пришла къ намъ словно тать...
Простите мнѣ стихи мои вы..
Вы сами захотѣли знать,
Какъ мы влюбились изъ за сливы...

Н. Шебуевъ.

Дебютъ Л. Оссовскаго.

„Книга стиховъ" въ этомъ номерѣ украшена изящными рисунками молодого московскаго художника Л. Э. Оссовскаго.

Въ печати подъ его рисунками чаще стоитъ псевдонимъ—Эльскій.

Онъ еще ученикъ Строгановскаго училища.

Но техническое, прикладное рисованіе не влечетъ его.

Онъ грезитъ о высокихъ стройныхъ дѣвушкахъ въ платьяхъ ушедшаго вѣка, такъ внятно облегающихъ станъ.

О юбкахъ изъ тонкой матеріи такъ пріятно парусящихъ при слабомъ вѣтрѣ вокругъ стройныхъ какъ мачты ножекъ.

О свиданіяхъ и прогулкахъ, на которыхъ онъ часто изображаетъ самого себя.

Полюбуйтесь какъ изящно стилизовалъ самого себя молодой художникъ.

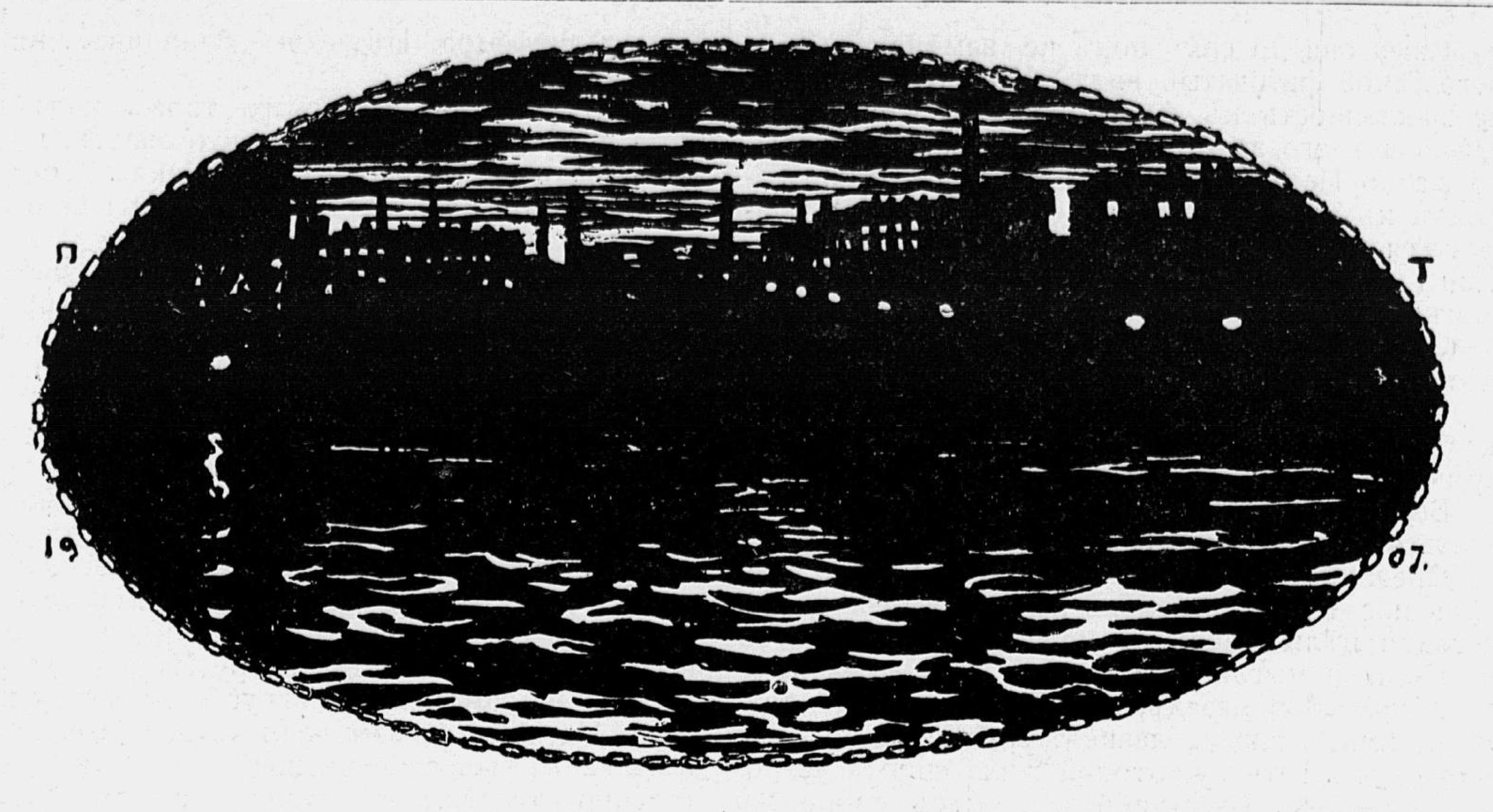
Уже не женственный, еще не мужественный.

Его рисунки такъ гармоничны.

Такъ много родственнаго у этого нѣжнаго лирика съ душой другого дебютанта этого номера—Павла Орѣшникова.

И пожалуй съ нѣкоторыми стихами Анжелики Сафьяновой.

Пріятенъ Л. Оссовскій и въ графикѣ, нѣкоторые образцы которой появятся въ ближайшихъ номерахъ „Весны".

Сынъ

Разсказъ Е. Нагродской.

Евгенія Владиміровна искоса посмотрѣла на профиль своей старшей дочери Нади и со вздохомъ откинулась на мягкія подушки автомобиля.

Она сама не знала, отчего она вздохнула. Вотъ уже съ мѣсяцъ она чувствуетъ, что ея нервы никуда не годятся, конечно, это слѣдствіе сумасшедшей зимы, всѣ эти балы, пріемы bals masqués и домашнія спектакали.

Ей это было такъ тяжело, скучно, но нельзя же было лишать дочерей веселья, она даже всегда брала ихъ сторону. когда мужъ отказывалъ имъ въ этихъ удовольствіяхъ.

—„Я удивляюсь тебѣ, Женя, какъ ты можешь изо дня въ день торчать у стѣнки и смотрѣть, какъ онѣ пляшутъ—ну найми имъ „шапронезу" какую-нибудь",—возмущался онъ иногда.

—„Да нельзя-же, Алеша—онѣ молоды, имъ хочется веселится"—возражала она.

—„А мы съ тобой не веселились въ молодости? То-же веселились, но и работали".

—„Какой ты смѣшной"—кротко улыбалась она: „наша молодость прошла при другихъ условіяхъ, что-же имъ идти служить въ почтамтъ, какъ я служила, вѣдь это-же будетъ игра."

— „Ну пусть учатся чему нибудь."

—„Слава Богу, Надя высшіе курсы кончила, въ Сорбонѣ была... чего-же еще? Нина пѣть учится. Вѣрно я не умѣю ничего для нихъ придумать"—дрогнувшимъ голосомъ прибавляетъ она.

Мужъ быстро беретъ ея руку и нѣжно цѣлуетъ.

—„Не надо огорчатся, Женя, онѣ еще молоды перебѣсятся."

Евгенія Владиміровна живетъ съ мужемъ вотъ уже двадцать четыре года, а любовь ихъ осталась такой-же какъ въ первый годъ ихъ супружества.

Николай Петровичъ женился на ней по страстной любви еще студентомъ, противъ воли родителей,

Она была бѣдная барышня, служащая въ почтамтѣ, да еще съ прошлымъ, конечно, родители, возставали, но потомъ все уладилось, они ее полюбили, какъ родную дочь...

Вообще счастье улыбнулось имъ съ той минуты, когда они встрѣтились. Николай Петровичъ по окончаніи Института Гражданскихъ Инженеровъ сейчасъ же получилъ хорошее мѣсто—его таланты были замѣчены, онъ сразу пошелъ въ гору и теперь черезъ двадцать пять лѣтъ у него блестящее положеніе, средства и громкое, почти европейское имя, въ архитектурномъ мірѣ.

Она вполнѣ счастлива въ всемъ—мужъ любитъ ее не меньше прежняго, у нея хорошія, милыя дочери, сынъ способный и славный юноша, всѣ здоровы, всѣ веселы...

Вотъ даже въ мелочахъ ея желанія всегда исполняются—она любитъ быструю ѣзду и мужъ подарилъ ей этотъ великолѣпный автомобиль... чего ей вздыхать?

Она опять взглядываетъ на профиль Нади.

Она сама не отдаетъ себѣ отчета, отчего ей сегодня не нравится лицо Нади.

Всѣ трое ея дѣтей похожи на отца и ихъ лица всегда были ей дороги и милы, именно благодаря, этому сходству, но отчего она только сегодня замѣчаетъ недостатки ихъ лицъ и они кажутся ей словно чужими.

Надя больше всѣхъ похожа на отца... но у нея нѣтъ этого добродушнаго, открытаго выраженія и рѣзкія, крупныя черты, такія красивыя въ мужскомъ лицѣ, дѣлаютъ женское грубымъ... И зачѣмъ она какъ то злобно поджимаетъ губы и насмѣшливо щуритъ глаза.

А вѣдь она не добрая.. Умная, честная, но не добрая, холодная, злопамятная.

Евгенія Владиміровна переводитъ глаза на сидящую напротивъ, рядомъ съ братомъ, младшую дочь, Нину.

—„Нина красивѣе"—думаетъ она: „но зачѣмъ у нея такіе круглые глаза и вѣчно полуоткрытый ротъ? Нина добрая... но... она не умна, въ особенности когда кокетничаетъ. Гдѣ она этому научилась? И глаза-то у нея сдѣлались круглыми, потому что они малы и она старается открывать ихъ, какъ можно шире."

Евгенія Владиміровна съ досадой переводитъ глаза на лицо сына и словно пугается...

Какъ она до сихъ поръ не замѣчала, что у него такой фатоватый видъ? У него всегда была наклонность къ франтовству, и отецъ преслѣдовалъ его за это, вышучивалъ его, а ей было жалко Петю и казалось, что отецъ несправедливъ къ нему, но сегодня она сама готова придраться къ его синему непомѣрной вышины воротнику, къ утрированно „американскимъ" ботинкамъ и по модѣ подбритому затылку.

Она закрываетъ глаза, чтобы не видѣть лицъ дѣтей.

— „Отчего я сегодня злюсь?"—мысленно упрекаетъ она себя, какъ глупо нервничать безъ причины.

Безъ причины? Она сама не хочетъ себѣ сознаться, что причина есть—сегодня 17-ое мая.

Прежде она стремилась забыть объ этомъ, а вотъ послѣдніе нѣсколько лѣтъ она все чаще и сегодня цѣлый день не можетъ отогнать этой назойливой мысли.

Много лѣтъ назадъ, глупую шестнадцатилѣтнюю гимназистку соблазнилъ блестящій молодой дипломатъ. Тетка, у которой жила сирота, устроила шантажъ. Блестящій дипломатъ собирался жениться на столь же блестящей дѣвицѣ и заплатилъ три тысячи тетушкѣ, съ тѣмъ, чтобы ребенокъ исчезъ безслѣдно. Тетушка позаботилась, чтобы слѣды ребенка исчезли въ воспитательномъ домѣ. Юная гимназистка не упала на дно, какъ обыкновенно бываетъ въ романахъ, она, можетъ быть, и разбитая нравственно, осталась такой-же тихой, работящей дѣвушкой, какой и была раньше, только ужъ лучше знала жизнь и людей.

Она не могла простить тетѣ, что та потеряла слѣды ребенка и ушла отъ нея. Первое острое горе прошло, жизнь вступила въ свои права и счастье пришло вмѣстѣ съ жизнью. Женя полюбила и ее полюбили.

Женя не скрывала своего прошлаго и Николай Петровичъ о немъ никогда не вспоминалъ.

Первое время они дѣлали попытки найти этого ребенка, не добились ничего и рѣшили, что онъ умеръ. Она дѣлала видъ, что вѣритъ этому. Вѣдь все равно, что умеръ, разъ никогда, никогда она его больше не увидитъ. Для чего мужъ, такъ ее любящій, будетъ мучиться, зачѣмъ въ минуту ея грусти онъ будетъ думать, что она вспоминаетъ о прошломъ, объ этомъ далекомъ ей, воспоминанія о немъ такъ тяжелы и непріятны.

Вѣдь не ея вина, что это маленькое существо потеряно для нея навсегда—вѣдь если-бы была ея воля, она никогда бы съ нимъ не разсталась и Николай Петровичъ то-же бы любилъ его и по своей добротѣ навѣрно бы относился къ нему, какъ къ родному сыну,

А каковъ бы былъ онъ! Ему теперь двадцать семь лѣтъ... Ахъ что-не думать объ этомъ, все равно для нея онъ умеръ—процентъ смертности такъ великъ.. Но выживаютъ-же другіе... Вотъ у нея горничная то-же изъ воспитательнаго дома—то-же не знаетъ, кто ея родители, а попала къ добрымъ людямъ—выжила, выросла... ей теперь тоже лѣтъ двадцать семь... Хорошо, что у нея былъ мальчикъ, а то ей бы все казалось, что Маша можетъ быть ея дочь.

А если онъ остался живъ! Кто онъ теперь? Можетъ быть вотъ этотъ ихъ шофферъ.

Евгенія Владиміровна вздрагиваетъ, широко открываетъ глаза и пристально смотритъ въ затылокъ шоффера. Нѣтъ онъ блондинъ... не можетъ быть...

Она брюнетка цыганскаго типа... тотъ былъ тоже смуглый брюнетъ... Но кто знаетъ, иногда дѣти похожи на дѣдовъ и бабокъ... Вонъ ея сынъ Петя тоже на дѣда больше, чѣмъ на отца—волосы рыжеватые...

Можетъ быть она встрѣчала этого ребенка, ея ребенка... можетъ быть онъ въ видѣ приказчика продавалъ ей что нибудь въ лавкѣ, можетъ быть въ образѣ лакея снималъ съ нея пальто или обойщикомъ вѣшалъ у нея портьеры и она давала ему на чай... и онъ не зналъ... не зналъ, что эта нарядная дама его мать...

Фу, что за глупыя думы... чему поможешь этими сантиментальностями, вотъ у нея отъ этихъ безполезныхъ мукъ начинается сердцебіеніе, а сердце у нея слабое и доктора велятъ беречься.

Она закусываетъ губы и старается прислушаться къ оживленному спору Нади и Коли.

Они не замѣчаютъ ея грусти, ея растеряннаго вида. Неужели не замѣчаютъ. Они избалованы, заласканы, выросшіе въ холѣ. Гдѣ имъ сочувственно отнестись къ чужимъ страданіямъ, къ чужому горю, когда они даже не знаютъ, что значатъ эти слова... Если бы она сейчасъ протянула къ нимъ руки, заплакала—навѣрно они бы только удивились. Они,—чьи капризы всегда исполняются, они не въ состояніи любить... понять. Они такъ привыкли къ ея заботамъ, что требуютъ этого, какъ должнаго... Она воспитала ихъ эгоистами, и они ей чужіе!

Да, да чужіе—потому что имъ нѣтъ дѣла до нея...

А тотъ, другой—если бы она его нашла, если бы она прижала его къ своей груди... и выплакала все.., какъ бы онъ, прошедшій школу горя и нужды—понялъ бы все...

Кто онъ?

Можетъ быть вотъ этотъ трамвайный кондукторъ... этотъ разносчикъ... О Боже мой... Боже мой...

. . . .

Автомобиль вдругъ рѣзко затормазилъ.

— „Что такое?"—съ испугомъ спросила она, словно проснувшись.

— „Толпа какая то"—отвѣчаетъ Коля, высовываясь изъ автомобиля.

— „Жулика поймали!" обернулся къ нимъ съ улыбкой шофферъ, указывая на дворника, державшаго за рукавъ какого то субъекта хулиганскаго вида съ лихо надѣтой набекрень фуражкой и опухшимъ отъ пьянства лицомъ.

Субъектъ бѣшено ругался и замахивался на дворника. Дворникъ свисталъ въ свистокъ... городовой спѣшилъ протискаться черезъ толпу.

Евгенія Владиміровна вдругъ приподнялась...

— „А если это онъ!"—чуть не вслухъ прошептала она поблѣднѣвшими губами.

— „Что съ тобой, мама"—спросили дочери почти въ одинъ голосъ.

— „Пустите его, пустите!"—вдругъ истерически крикнула Евгенія Владиміровна, высовываясь изъ автомобиля.

— „Мама, да ты съ ума сошла!"—хватаетъ Надя за руку мать.

— „Это же твой братъ!" не помня себя, произноситъ Евгенія Владиміровна.

— „Всѣ мы братья во Христѣ, мама, но нельзя же такъ нервничать и вмѣшиваться въ скандалъ" — успокаивающимъ голосомъ говоритъ сынъ.

Евгенія Владиміровна хочетъ что то крикнуть, куда то броситься, но сердце ея сжимается... въ глазахъ темнѣетъ и она теряетъ сознаніе.

. . . .

Она приходитъ въ себя уже въ своей постели.

Николай Петровичъ сидитъ рядомъ, держа ея руку. Надя, стоя на колѣняхъ смотритъ на нее.

Евгенія Владиміровна вглядывается въ лицо Нади, глаза дѣвушки заплаканы и съ тревогой смотрятъ на нее.

Милая, милая дѣвочка, какой любовью полонъ ея взглядъ, она слабо улыбается дочери и вдругъ протягиваетъ еще слабыя руки, чтобы обнять ее, прижать къ своей груди просить у нея извиненія за то злое чувство, которое нѣсколько часовъ назадъ овладѣло ею.

— „Милая"—произноситъ она тихо.

— „Ахъ мамочка, мамочка, какъ ты насъ напугала"—Надя говоритъ дрожащимъ голосомъ, сжимая руки матери.

— „Ну... ну, Надя, не тревожь маму"—ласково улыбается Николай Петровичъ:—„а ты, Женя, усни—докторъ говоритъ, что это пустяки и завтра все пройдетъ—что это нервное переутомленіе".

— „А гдѣ Нина и Петя"—я хочу поцѣловать ихъ".

— „Нина все не можетъ успокоиться—плачетъ... Петя ее утѣшаетъ"—говоритъ Надя, улыбаясь сквозь слезы. „Ахъ мама, мама, какъ мы всѣ испугались... А папа еще больше насъ. Ничего, ничего, папочка—кого Петя водой отливалъ? Онъ даетъ пить папѣ, а у самого руки трясутся"...

— „Ну... ну иди, дай мамѣ покой"—смущенно смѣется Николай Петровичъ.

Дочь уходитъ, а Евгенія Владиміровна закидываетъ руки на шею мужа и, прижавшись къ его щекѣ, шепчетъ:

— „Они хорошіе—я ихъ люблю... люблю... я всѣхъ люблю".

ПРОПОВѢДНИКЪ.

Разсказы Н. Шебуева.

Сегодня у насъ на дачѣ гости.

Жена съ утра волнуется, Лукреція нервничаетъ, а Вовочка разбилъ любимую чашку теги Наташи.

Съ утра нашъ постоянный провизоръ (такъ Лукреція зоветъ субъекта, доставляющаго намъ изъ города провизію) натащилъ намъ вороха разныхъ предметовъ первой необходимости.

На мой взглядъ это все детали одного и того же крупнаго животнаго, но въ устахъ Лукреціи всѣ эти ссѣки, мягкіе края, кочерыжки, подмикитки, огузки, филеи фигурируютъ какъ нѣчто вполнѣ самостоятельное, одухотворенное цѣлое:

— Подлецъ-ссѣкъ въ лавкѣ жирнымъ прикинулся!

— Нынче что-то всѣ филеи постятся!

— И какой въ нашъ вѣкъ огузокъ пошелъ,—никакого къ нему почтенія нѣтъ, а кусается.

Въ ея глазахъ они живутъ, ссорятся, постятся, распутничаютъ и всячески стараются надуть бѣдную Лукрецію, дѣйствуя съ провизоромъ заодно.

Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день услышу изъ устъ Лукреціи о бракосочетаніи господина Филея съ m-elle Кочерыжкой.

Впрочемъ, кочерыжка это, кажется, изъ другой оперы,—предметъ не романа г-на Филея.

Итакъ, у насъ къ обѣду изъ города гости.

— Гостей я знаю чѣмъ накормить, но Семенъ Иванычъ!.. О, этотъ Семенъ Иванычъ!.. Я сегодня всю ночь о немъ думала...

— Семенъ Иванычъ, на зло всѣмъ хозяйкамъ въ мірѣ, вегетаріанецъ. Его девизъ:

— Ни рыба, ни мясо!

Но за то яйца и молоко онъ пріемлетъ,—охъ, эти яйца и молоко.

— Всю ночь у меня изъ головы не выходили яйца и молоко!

Я пытался утѣшить жену:

— На первое дай яйца въ смятку. На второе яйца въ кошелекъ. На третье крутыя яйца съ молокомъ и сахаромъ!

— Ты увѣренъ, что этого достаточно?

— А если прибавить салату, овощей фруктовъ и какой-нибудь каши, ты Семена Ивановича тогда отъ нашей дачи не отдерешь.

— Неужели онъ въ серьезъ такой привереда...

— Надо же человѣку чѣмъ-нибудь заниматься,—ну, вотъ онъ и занимается вегетаріанствомъ.

— Семену Ивановичу можно,—у него деньжищъ прорва.

— При чемъ тутъ деньги? Три четверти русскаго населенія вегетаріанствуетъ,—вся мужицкая Русь,—но развѣ можно изъ этого дѣлать выводъ о богатствѣ русскаго народа... Статистика доказы...

Но жена, не дослушавъ моей статистической справки, улетѣла на кухню.

А я сѣлъ на веранду и сталъ думать о вегетаріанствѣ:—„Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, они правы, эти проповѣдники зеленаго похода на мясо. Наши мужики сплошь вегетаріанцы, а полюбуйтесь-ка, какіе они всѣ здоровяки. Да и въ экономическомъ смыслѣ и рыба, и мясо—самые дорогіе продукты. При современной дороговизнѣ жизни вообще проповѣдь вегетарьянства крупное явленіе соціальной жизни... Ба!.. Вотъ и онъ, легокъ на поминѣ!"

Семенъ Ивановичъ, тяжело дыша и отирая потъ съ лысины, грузно шелъ по аллейкѣ, направляясь къ моей дачѣ.

— Задали вы, батенька, женѣ задачу. Намъ никогда не приходилось еще принимать у себя вегетарьянца. Не знаемъ, чѣмъ угощать.

— Много ли вегетарьянцу надо,—пожевалъ и сытъ. Вотъ я самъ къ ней схожу на кухню,—успокою Юлію Александровну.

Не желая оставлять гостя одного, и я пошелъ съ нимъ на кухню, хотя, признаться, ужасно не люблю видѣть въ сыромъ видѣ то, что мнѣ подадутъ на столъ.

Лукерія красная, какъ красное знамя революціонера, двигала ухватомъ какія-то посудины, стоя у огнедышащей печки.

На кухонномъ столѣ лежала кроваво-красная горка,—я никогда не думалъ, чтобы рубленое мясо имѣло такой звѣрски алый цвѣтъ.

У стола стояла жена и, нервно перелистывала поваренную книгу съ замѣчательно удачнымъ названіемъ „Подарокъ *молодымъ* хозяйкамъ".

Я знаю, что многія пожилыя, и очень пожи-

лыя, хозяйки, желая казаться моложе, держатъ эту книгу у себя на видномъ мѣстѣ.

Вовочка передъ окномъ кухни дрессировалъ Чемберлешку. Съ нѣкоторыхъ поръ его idée fixe превратить нашего пса въ полицейскую собаку.

Въ программу одного синематографа зимой входилъ номеръ „Дрессированіе въ Англіи полицейскихъ собакъ“.

Вовочка очень жалѣетъ, что не сводилъ туда Чемберлешку: тогда бы онъ понялъ, чего отъ него хотятъ.

— Юлія Александровна! Неужели я вамъ надѣлалъ хлопотъ! Да вѣдь вегетаріанцы самый нетребовательный народъ! Ему бы „сѣнца клокъ“, какъ Рѣпину... Ну-ну-ну, это я пошутилъ... Мнѣ даже сѣна не надо, я не лошадь... Хотя отъ овса не откажусь... У васъ есть „Геркулесъ“?.. Стыдно, стыдно... Въ какомъ хозяйствѣ нѣтъ теперь овсянки геркулесъ... Въ такомъ случаѣ у васъ, вѣроятно, найдется пара испанскихъ луковицъ...

— Я вамъ покажу, какъ устроить препикантнѣйшее блюдо, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и презабавной закуской къ водченкѣ. Вы нарѣзаете испанскій лукъ ломтиками по ширинѣ, отнюдь не по длинѣ луковицы... Затѣмъ подрумяниваете его въ сухарикахъ на сливочномъ маслицѣ на сковородочкѣ. Не забудьте же посолить... Затѣмъ вы разбиваете на тонкіе кружечки пяточекъ—полдюженки яичекъ... Вотъ такъ слегка поворошите... Сырцу натрите, сверху посыпьте... перчику... Н-да... Н-да... Н-да ..

Съ краской въ лицѣ жена призналась, что испанскаго луку у насъ нѣтъ.

— Не хорошо... въ хозяйствѣ какъ же безъ испанскаго лука... Простой грубъ... Ну, тогда вы мнѣ вотъ что сдѣлайте: яйца подъ бешемелью. Нѣтъ такой кухарки, которая не умѣла бы дѣлать бешемель... Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать соусъ бешемель...

Тутъ Лукреція, спеціальность которой была „телятина подъ бешемелью“, не удержалась:

— Простите, баринъ; а только что очень рѣдко кто изъ куфарокъ умѣетъ хорошо подобишемелить мясо... Развѣ только куфарки за повара... Да и у поваровъ не у всѣхъ удается... Отрыгнетъ водой, и хоть ты плачь... Съ большимъ порокомъ эта самая бишемель...

— Ну, я не за повара, а у меня бы удалась... Чего же тутъ хитраго: масло, мука, молоко...

Лукерья, красная, растрепанная, вдохновенно закричала:

— Вотъ и отрыгнетъ!.. Безпремѣнно отрыгнетъ... Ежели не пробовали, безпремѣнно отрыгнетъ... Ты на нее, проклятущую, чуть-чуть не потрафь, она тебѣ покажетъ..

Семенъ Ивановичъ, желая прекратить зашедшій далеко диспутъ, словно только что замѣтилъ кроваво-красную кучку на столѣ и, патетично указывая на нее, заговорилъ:

— Господа! уведите меня отсюда! Неужели вы можете выносить это зрѣлище... Меня тошнитъ... Видъ этого сырого мяса... и кровь, кровь... Ну, развѣ хоть одно вегетаріанское кушанье въ сыромъ видѣ имѣетъ такой отвратительный видъ...

Жена странно улыбнулась. А Лукреція начала неприличнѣйшимъ образомъ, по-бабьи, хохотать.

— Да вѣдь это для васъ... вѣдь это барыня для васъ...

Семенъ Ивановичъ вспыхнулъ:

— Для меня! Но вѣдь я органически не выношу мяса...

— Это и не мясо... ха-ха-ха... Это рубленая свекла...

Признаться, я самъ не ожидалъ такого финала и былъ увѣренъ, что это мясной фаршъ, и все искалъ въ кухнѣ фиговый листочекъ, которымъ могъ бы прикрыть отъ взоровъ Семена Ивановича неприличное для вегетаріанца зрѣлище.

Я поспѣшилъ увести изъ кухни чуточку сконфуженнаго вегетаріанца, и мы направились въ садъ.

Было очень кстати, потому что у калитки мы замѣтили гостей,—значитъ, поѣздъ пришелъ.

— А мы вотъ все бранимъ вашу желѣзную дорогу!—привѣтствовала меня m-me Крапоткина.

— Да, ужъ дорожка,—подхватили прочіе.

Хотя я и не считалъ себя собственникомъ желѣзной дороги, но все-таки счелъ нужнымъ вступиться за нее.

Потомъ напали на городскую погоду,—очевидно, желая изъ любезности дать возможность мнѣ отыграться.

Я дѣйствительно доказалъ, что климатическія условія нашей дачи въ нѣсколько разъ выгоднѣе условій Петербурга.

Затѣмъ всѣ приторными голосами начали хвалить нашу дачу и сравнивать ее со своею прошлогодней.

Я боялся, что весь запасъ обще-дачныхъ темъ изсякнетъ раньше, чѣмъ придетъ жена, какъ вдругъ спохватился:

— Господа, что же вы не поздравляете Семена Ивановича!..

— Поздравляемъ, поздравляемъ... Хотя не догадываемся съ чѣмъ.

— Да вѣдь онъ вегетаріанецъ...

Семенъ Ивановичъ стоялъ именинникомъ. Самодовольно улыбаясь, принимая поздравленія гостей, хотя, признаться, многіе изъ поздравителей не безъ оттѣнка ироніи и даже сожалѣнія отнеслись къ новости.

— Вегетаріанецъ!—это звучитъ совсѣмъ, какъ вольтерьянецъ!

— Съ какихъ же это вы поръ сдѣлались вегетаріанцемъ?

— А икру можно?

— Чѣмъ же вы водку закусываете? Не сѣномъ же?

— Что васъ заставило?..

— Посмотримъ, чѣмъ то васъ Юлія Александровна накормитъ! Ни рыба, ни мясо... Вѣдь это похоже на дѣтскую игру: „Барыня прислала сто рублей, что хотите—то купите. Черное съ бѣлымъ не берите, „да“ и „нѣтъ“ не говорите“...

Пока устанавливали точную хронологическую дату вегетаріанства Семена Ивановича, вошла Юлія и заявила, что въ общихъ чертахъ меню для Семена Ивановича выработано.

Короннымъ блюдомъ предполагались яйца подъ бешемелью, затѣмъ шли грибы въ сметанѣ, грибы маринованные, фаршированная рѣпа, салатъ, рѣдька со сметаной, спаржа подъ сабайономъ и мороженое.

— Значитъ, сѣна не будетъ!—разочарованно протянула m-me Крапоткина.

— Я и покойный Толстой, мы изъ непріемлющихъ сѣна!—отозвался Семенъ Ивановичъ.—Меню Юліи Александровны мнѣ очень нравится.

Хотя я не прочь бы попросить овсянки или геркулеса, безъ которыхъ обычно не сажусь за столъ.

До обѣда разговоръ не клеился. Всѣмъ, видимо, хотѣлось поскорѣе посмотрѣть, какъ это человѣкъ будетъ вегетаріанствовать.

Самъ Семенъ Ивановичъ тоже, видимо, нервничалъ,—боясь очутиться не на высотѣ своего положенія, хотя и увѣрялъ, что „это совсѣмъ не опасно“ и „совсѣмъ просто“.

Передъ самымъ обѣдомъ на веранду ворвался Вовочка съ Чемберлешкой:

— Отрыгнула! Отрыгнула! Мамочка! Отрыгнула!

Гости, не понимая въ чемъ дѣло, переглядывались иронически между собой. Но мы втроемъ: я, жена и Семенъ Ивановичъ сразу поняли, что рѣчь идетъ о коронномъ блюдѣ вегетаріанскаго меню.

Жена немедленно скрылась на кухню.

Удивительно мѣтко и картинно выражается нашъ простой народъ. Яйца подъ бешемелью, не задавшіяся на этотъ разъ Лукреціи имѣли дѣйствительно такой гнусный видъ, что даже Чемберлешка долго косился на нихъ прежде, чѣмъ рѣшилъ попробовать это блюдо.

За обѣдъ сѣли дружною семьею,—съ веселымъ щебетомъ проголодавшихся путешественниковъ,—наша желѣзная дорога прекрасное возбуждающее аппетитъ средство.

— По моему, водка безъ селедки немыслима!—глубокомысленно изрекъ Иванъ Андреевичъ.—Я даже удивляюсь, почему государство, додумавшись до монополіи водочной, не додумалось до монополіи селедочной...

По вашему мнѣнію, все выпивально-закусочное слѣдовало бы монополизировать и буфеты превратить въ присутственныя мѣста!

— Да. Откровенно говоря, буфеты и теперь самыя присутственныя мѣста. Въ присутственномъ мѣстѣ ни одной бумажки вы не можете подать безъ приложенія къ оной гербовой марки. А въ буфетахъ ни одного куска въ ротъ не можете взять безъ приложенія къ оному казенной рюмки. И еще большой вопросъ, гдѣ присутствуютъ больше: въ буфетѣ или иныхъ присутственныхъ мѣстахъ. И еще большой вопросъ: что даетъ больше дохода...

— А я—грибочкомъ! Для меня ни икра, ни селедка не существуетъ...

— Икра, извините, ни для кого изъ насъ въ данную минуту не существуетъ, потому что она не подана,—нетактично сострилъ Петръ Петровичъ,—но селедочка съ помидорчикомъ и лучкомъ штука пользительная...

— Раньше я самъ любилъ. Но теперь запаха селедочнаго не могу выносить. Имѣете ли вы представленіе о Беззубиковскихъ рыбныхъ кладбищахъ?.. Это, видите ли, близъ Астрахани... Когда слишкомъ богатъ уловъ, рыбу въ землю закапываютъ, чтобы ни себѣ, ни людямъ и цѣну чтобы не сбивать... Ну, вотъ отъ такихъ рыбныхъ кладбищъ вонь идетъ на сто верстъ... Кто разъ этой вони понюхалъ, того отъ селедки тошнитъ... Какъ вы ее ни украшайте, а все таки мнѣ кажется, что ее только что изъ кладбища отрыли...

— Фи!. Семенъ Ивановичъ!.. Развѣ можно за столомъ такія вещи...—пропищала жена Ивана Андреевича.—Мнѣ сразу селедка противной сдѣлалась... А вамъ, полковникъ?

— А у насъ въ полку вотъ какой анекдотъ былъ.. Посылаетъ офицеръ денщика въ лавку за селедкой... Ты, гритъ, смотри, самую лучшую выбирай... Впрочемъ, pardon, дальше не для дамъ. Послѣ обѣда разскажу...

— А грибочки-то маринованные, видно, за мной останутся! Я вижу тутъ семгу, балыкъ, шпроты, кильки, омары, словомъ, цѣлое беззубиковское кладбище... Вижу и содрогаюсь: вѣдь все это продукты разложенія въ разной степени... Ихъ посолили, чтобы они не такъ быстро портились... Но уже самый запахъ...

— Позвольте. . Запахъ ничего не доказываетъ... Вотъ вамъ извольте вашу рѣдьку со сметаной... Ужъ, кажется, вегетаріанская прелесть... А воняетъ, съ позволенія сказать... обструкціей...

— Вы рѣдьку оставьте въ покоѣ. Нападать на рѣдьку даже не патріотично. . Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ безъ рѣдьки за столъ не садился... У него по штату даже чиновникъ особыхъ рѣдекъ полагался... Отъ рѣдьки дѣйствительно пахнетъ... Но развѣ это трупный запахъ!.. Пахнетъ скорѣе гнилымъ помѣщеніемъ, а не мертвецкой .. Вотъ вы взяли балыкъ, и онъ блеститъ, какъ поповская лысина .. Жирный, лоснится... Я ничего не говорю... О вкусахъ не спорятъ... Но если вы будете на рѣдьку или рѣдиску нападать, я вамъ насчетъ вашихъ омаровъ такое разскажу, что вы...

— Семенъ Ивановичъ... Пощадите... Вы насъ такъ всѣхъ аппетита лишите...

— Матушка, Юлія Александровна. Я—вегетаріанецъ. И долженъ я честь вегетаріанцевъ отстаивать. Развѣ я что нибудь про семгу сказалъ,—многіе гастрономы любятъ, чтобы семга была съ душкомъ... а по моему..

— Господа!—перебилъ полковникъ:—у насъ въ полку вотъ эту штуку зовутъ „ее же и монаси пріемлютъ“, очевидно, она вегетаріанская, а потому наливахомъ и выпивахомъ..

— А у меня разъ такой курьезъ былъ. Нанялась горничная... Ничего себѣ, смазливенькая... Подаетъ паспортъ, а на немъ приписка. „Ее же и монаси пріемлютъ“. „Что, говорю, это значитъ“. А она въ слезы: „У лавры жила... Одинъ монашекъ-озорникъ приписалъ. Весь паспортъ испортилъ. Нигдѣ не берутъ“ .. Ну и я не взялъ...

— Не хотите ли вы сказать .. ха-ха-ха... Что это ваша горничная вегетаріанская штучка...

Налили еще по одной.

— Почему же, господа, вы семгѣ не оказываете чести... Семгу жена сама покупала..

— Петръ Петровичъ, а вы ее перчикомъ, перчикомъ...

— Въ писаніи сказано: „не пепши вепша пепшемъ, пшепепшишь вепша пепшемъ“...

Вообще разговоръ началъ налаживаться. Всѣ острили, дѣлали видъ, что слышутъ эти остроты въ первый разъ.

— Не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать послѣ завтра...—сказалъ Иванъ Ивановичъ, наливая по четвертой, а можетъ быть, и по пятой.

Семенъ Ивановичъ, не отставая отъ другихъ, закусывалъ рѣдечкой, грибками и помидорчиками съ лукомъ.

Все время мнѣ казалось, что онъ хочетъ что то сказать, но все сдерживается.

Услышавъ возгласъ Ивана Ивановича, онъ вздрогнулъ и быстро всталъ.

— Господа! Это правда. Не слѣдуетъ откладывать до завтра то, что можно, нужно и должно сдѣлать сегодня!.. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я жду момента для активнаго выступленія!..

Мнѣ показалось, что Семенъ Ивановичъ чуточку краснѣе нормальнаго,—неужели пять рюмокъ на него такъ подѣйствовали,—положимъ, жарко, да еще на вокзалѣ онъ, ожидая поѣздъ, парочку пропустилъ.

— Пассивный способъ борьбы не ведетъ ни къ чему. Рѣпинъ съѣлъ стогъ сѣна, но кого увлекъ онъ своимъ молчаливымъ жеваніемъ... Нужно говорить, говорить, говорить... Россія страна вегетативная по преимуществу... Всякое убійство противно природѣ человѣка... Вотъ насъ здѣсь... разъ-два-три... тринадцать...

— Ахъ!—воскликнула m-me Кропоткина.

— Не можетъ быть... На столѣ было четырнадцать приборовъ!..

— Семенъ Ивановичъ себя не сосчиталъ!..

Всѣ успокоились. А Семенъ Ивановичъ продолжалъ:

— Насъ здѣсь четырнадцать человѣкъ... Въ состояніи ли кто-нибудь изъ насъ взять ножъ и зарѣзать, ну, хоть вотъ эту собаченку.. (онъ указалъ на Чемберлешку). Никто... Я увѣренъ, никто!.. Почему же?.. Да потому, что Чемберлешку нельзя ѣсть... А между тѣмъ мы каждый день убиваемъ по нѣскольку животныхъ... У одного отрѣжемъ голову, у другого изъ ляжки вырѣжемъ кусокъ, у третьяго вытянемъ жилы...

— Позвольте... Вы сгущаете краски!.. пробасилъ полковникъ:—это дѣлаемъ не мы, а мясники...

— Вы хотите свести вину на палачей... Мясники, это—находящіеся у васъ на службѣ палачи, а чью волю творятъ они!.. Чью волю!.. Кто приговариваетъ къ смертной казни!.. Каждая хозяйка, составляя меню, произноситъ, не поморщившись, нѣсколько смертныхъ приговоровъ...

Подали супъ и пирогъ съ курицей.

— Вотъ сегодня, напримѣръ, ради васъ, господа, Юлія Александровна произнесла, по крайней мѣрѣ, десятокъ смертныхъ приговоровъ...

— Семенъ Ивановичъ! —умоляюще протянула жена.

— Простите, Юлія Александровна.. но я долженъ окончить начатое активное выступленіе.. Мы, вегетаріанцы—люди будущаго! Мы апостолы новой красоты.. футуристы!.. Революція не удалась потому, что ее начали не съ того конца... Надо начинать съ желудка...

— Семенъ Ивановичъ разсуждаетъ, какъ китаецъ... У китайца животъ считается выше головы...

— Господа, были ли вы когда нибудь въ моргѣ... Помните, какъ Свенгали въ „Трильби" описываетъ это складочное мѣсто человѣческихъ труповъ... Посинѣвшіе, опухшіе, скрюченные, съ застывшими судорогами...

— Семенъ Ивановичъ, пощадите!.. Причемъ тутъ моргъ!—воскликнулъ я, желая урезонить подвыпившаго вегетаріанца.

— Какъ, причемъ!.. А откуда же вотъ этотъ супъ! Откуда вотъ этотъ пирогъ!.. Откуда телячьи котлеты!.. Развѣ мясная лавка не тотъ же моргъ! Посинѣвшіе, окоченѣвшіе трупы животныхъ висятъ въ самыхъ безобразныхъ позахъ... Ахъ, это хуже чѣмъ моргъ. Въ моргѣ на трупы покойниковъ падаетъ все время струя холодной воды, чтобы не такъ скоро разлагались, а въ вашихъ моргахъ и того нѣтъ...

— Ахъ!—упала въ обморокъ m-me Крапоткина и жена Ивана Андреевича.

Юлія сидѣла блѣдная и, вздрагивая, смотрѣла на меня глазами великомученицы.

— Мммолчать!—раздалось властное громовое приказаніе полковника.—Если вы произнесете еще одно слово, я за себя не ручаюсь...

— Это безобразіе! Онъ у меня весь аппетитъ отбилъ!

— Это возмутительно! Развѣ мыслимо обѣдать подъ такую музыку...

Семенъ Ивановичъ сразу спалъ съ тона проповѣдника и виновато оправдывался:

— Господа!.. Я только назвалъ вещи ихъ собственными именами... Развѣ же вы не трупоѣды... Ну, хотите я васъ буду называть мясоѣдами...

— Мммолчать!..

— Господа, позвольте... Я вамъ добра желаю..

— Мммолчать!.. Или я изъ этого вегетаріанца сдѣлаю бифштексъ съ кровью...

— Господа...

— Ммолчать!.. Или я изъ него сдѣлаю трупъ.

Произошла паника.

Часть гостей бросилась къ Семену Ивановичу, часть къ полковнику.

Въ результатѣ... видалъ я неудачные обѣды, но такой неудачный обѣдъ въ моей практикѣ былъ въ первый разъ. Всѣ перессорились.

И Семенъ Ивановичъ и полковникъ не только перестали у насъ бывать, но даже кланяться со мной перестали.

Но на меня лично проповѣдь Семена Ивановича оказала большое вліяніе. Я пересталъ ѣсть и рыбу и мясо.

Но, Боже меня упаси, заикнуться въ обществѣ, что я вегетаріанецъ.

Если ты вегетаріанецъ,—молчи; и благо тебѣ будетъ и долголѣтенъ будешь на землѣ.

Но если ты захочешь „совращать", — горе тебѣ. Въ Россіи до свободы желудка еще далеко.

Н. Шебуевъ.

ДАГМАРА.

Часто сижу послѣ обѣда у себя на диванѣ, охвативъ колѣни руками, и думаю, думаю.. Ни говорить, ни писать не хочется. Полосками смутнаго пріятнаго тумана скользятъ мимо обрывки другой жизни, случайной, не той, которой живу въ этой проклятой провинціи, и потому, конечно, лучшей. Входитъ мать, ставитъ на письменный столъ стаканъ чернаго кофе съ печеньемъ и, какъ всегда, говоритъ:

— Ну, сынокъ, будешь сейчасъ исправлять тетради... Надоѣли онѣ тебѣ, а?

Каждый день говоритъ она это. Я съ тоской смотрю мимо нея, въ уголъ, гдѣ за старымъ чемоданомъ уже давно виситъ сѣрая паутина, и думаю, думаю. Все о той, случайной, и потому, конечно, прекрасной жизни. Мнѣ кажется, что если я буду жить такой жизнью хоть два-три раза въ годъ, я сумѣю прожить еще много лѣтъ, и что если этого не будетъ, то умру слѣдующей весной. Какъ обреченный чахоточный. И никто, абсолютно никто не пойметъ, почему это случится.

«Весна». Н. М. Грабовскій.

Полосками смутнаго пріятнаго тумана скользятъ обрывки другой, прекрасной жизни... Сейчасъ ясно вижу передъ собой то, что было очень недавно. Маленькую, уютную и изящную квартирку въ пятомъ этажѣ огромнаго дома въ холодномъ сѣверномъ городѣ. И въ этой квартиркѣ—длинную узкую гостиную съ хрупкой, вѣчно опрокидывающейся мебелью. Могла бы быть эта комната скорѣе будуаромъ выхоленной, красивой женщины изъ тѣхъ, что любятъ щеголять мнимымъ декадентствомъ и увѣшиваютъ стѣны длинными изображеніями небывало-тонкихъ женщинъ съ египетскимъ профилемъ и бронзовымъ цвѣтомъ кожи, а столики уставляютъ стилизованными статуэтками—символами человѣческихъ страстей. Но, когда я пріѣхалъ, все тутъ было земное, слишкомъ даже земное. Добрѣйшая Аполлинарія Ивановна, хозяйка квартиры и моя дальняя родственница, чуть не задушила меня привѣтственными поцѣлуями, въ столовой лежалъ послѣдній номеръ газеты съ обведеннымъ краснымъ карандашомъ объявленіемъ о средствѣ противъ перхоти, а въ узкой гостиной лежало на кушеткѣ неприбранное постельное бѣлье и торчали въ цилиндрѣ горѣвшей лампы щипцы для завивки. Минутъ черезъ пять вышла Дора, дочь Аполлинаріи Ивановны, спокойно и крѣпко поцѣловала меня въ губы и сказала:

— Ну, вотъ, хорошо, что пріѣхалъ.

Я зналъ, что пріѣхалъ сюда, за тысячу верстъ, для Доры, и только для нея. То, что увижу въ великолѣпномъ театрѣ талантливыхъ артистовъ, буду дышать тѣмъ же воздухомъ, какимъ дышатъ десятки тысячъ нервныхъ, постоянно спѣшащихъ и постоянно получающихъ что то новое, а потому почти счастливыхъ, людей—не казалось теперь уже важнымъ, какъ это рисовалось тамъ, дома.

Весь день слѣдили за мной и мучительно ждали большіе сѣрые лучистые глаза. Ждали, о чемъ я буду говорить и что буду дѣлать. А говорили мы весь день глупости, потому что были тутъ Аполлинарія Ивановна и еще какая то несносная Оттилія Фердинандовна, подруга Доры, влюбленная въ нее нездоровой любовью „обожающей". Послѣ ужина Дора быстро сказала мнѣ:

— Видишь, какъ глупо все складывается. Положительно не могу поговорить съ тобой какъ слѣдуетъ. Тиля ревнуетъ ко всѣмъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ. Такъ глупо вышло, такъ глупо... Ну, цѣлуй...

Потомъ она вбѣжала въ свою комнату и рѣшительно накинула крючокъ. Я раздѣлся, легъ и закурилъ. Слышны были за стѣной отрывистыя фразы Доры и усталый, полный упрека голосъ Оттиліи, очевидно устраивавшей меланхолическую сцену въ духѣ „Вертера". Потомъ обѣ почему то коротко засмѣялись, и стало тихо.

Уже засыпая, еще разъ вспомнилъ о томъ, что два года назадъ въ послѣдній разъ видѣлъ Дору. Было это влажнымъ августовскимъ вечеромъ, когда ѣхали мы полемъ въ дрожкахъ; Дора откинула голову мнѣ на плечо, и я цѣловалъ ее долго, томительно долго. И былъ въ ту минуту почти счастливъ.

Утромъ проснулся отъ того, что вбѣжала безъ кофточки Дора и поцѣловала меня въ шею. Крѣпко пахло отъ нея холодной водой и здоровымъ тѣломъ. Я притянулъ ее къ себѣ, но въ эту секунду голосъ Оттиліи пропѣлъ за стѣной:

— Дора, гдѣ же ты?

— Сейчасъ! Иду ужъ!

Она высвободилась и убѣжала. За кофе обѣ подруги сидѣли строгія, здоровыя и безучастныя. Смотрѣлъ я на нихъ, и стало мнѣ противно ме-

лочное рабство такой чудесной, свободной дѣвушки, какъ Дора.

Потомъ Оттилія пошла писать письмо, а я усадилъ Дору на кушетку, медленно цѣловалъ въ ладонь ея полную, мягкую руку и говорилъ:

— Неужели, лукавый цыпленокъ, ты не понимаешь, какъ всякая подруга можетъ нивеллировать человѣка. Вѣдь ты же чувствуешь себя несвободной ни съ ней, ни со мной. И выходитъ страшно пошло, потому что приходится постоянно быть неискренией.

— Я знаю, милый, но... понимаешь, я ничего не скрываю отъ Тили... и потомъ.. это только теперь...

— А... разсказывай...

Дора виновато посмотрѣла на этажерку съ книгами, потомъ заахала, вспомнивъ, что надо дѣлать какую то мудреную мазурку, и убѣжала. А я чувствовалъ, что напрасно пріѣхалъ и что надо скорѣе уѣзжать.

Днемъ писалось очень хорошо. Удачно заканчивался давно начатый маленькій этюдъ. Около двѣнадцати часовъ рѣзко затрещалъ звонокъ въ передней. Потомъ послышались громкіе дѣвичьи голоса. Я сразу узналъ немного крикливый голосъ шестиклассницы Маруси, сестры Доры; другой былъ низкое контральто съ необыкновенно мягкими переливами. „Такъ, должно быть, говорили королевы Брунгильда и Кримгильда въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“—мелькнуло у меня почему то. Маруся крѣпко, по мальчишески пожала мнѣ руку и сейчасъ же ушла. Подруга ея неловко замялась передо мной· не знала, что сказать. Наконецъ, быстро метнула взглядомъ по столу:

— Пишете?

— Пишу.

— Что?

— Разсказъ.

Дѣвушка чуть-чуть вздрогнула, какъ будто увидѣла что то неожиданное и немного страшное. Потомъ неувѣренно протянула:

— Такъ вы писатель? А мнѣ Маруся сказала, что вы—просто родственникъ.. да еще дальній

Ну, а развѣ родственникъ не можетъ быть писателемъ?

— Не знаю.

Потомъ густо покраснѣла и воскликнула:

— Можетъ, конечно можетъ!

Теперь только я замѣтилъ, что она была хороша, хотя и не правильной красотой. Замѣтилъ я еще, что она не отворачивалась и не конфузилась, когда я пристально всматривался въ нее. Знала, конечно, что стоитъ того, чтобы смотрѣть на нее. Была она высокій, нескладный, еще несформировавшійся подростокъ, но въ самой нескладности ея и угловатости движеній было столько углублено-женственнаго, сколько я отъ души пожелалъ бы моей будущей женѣ. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка совсѣмъ привыкла ко мнѣ. и когда я смотрѣлъ въ ея синіе, немного влажные—но влагой дѣвичьей—и каждую минуту готовые къ радости глаза,—я съ тяжелой досадой чувствовалъ, что любой негодяй—мужчина легко сможетъ придать этимъ дивнымъ глазамъ оттѣнокъ грѣха и безстыднаго желанія.

—Я тутъ посижу... Я хочу посмотрѣть, какъ вы будете писать... Можно

—Можно, конечно... Только ничего особеннаго тутъ нѣтъ. Сидите, сидите... Не знаю, какъ васъ...

—Меня зовутъ Дагмарой—Перебила она быстро.

—Ну, вотъ... Сидите, Дагмарочка—сказалъ я и подумалъ: „такъ и надо называть ее: никогда не обидится“.

Она коротко засмѣялась, откинулась на спинку кушетки и полузакрыла глаза. Помню, что перо мое скрипѣло по бумагѣ, но что я писалъ—я не зналъ Зато хорошо зналъ, что захоти Дагмара—и я затребую по телеграфу продлить отпускъ и останусь здѣсь сколько угодно. Потомъ Дагмара совсѣмъ закрыла глаза и медленно произнесла:

—Я въ шестомъ классѣ и не люблю писать сочиненій на курсовыя темы.„ Но у насъ учитель словесности такой, что я могу писать и на эти темы. Если бы вы знали, какой замѣчательный, хорошій...

Въ эту минуту вбѣжала Маруська и не дала ей докончить. Пошли въ столовую. Оттилія, какъ всегда, была апатична ко всему. Зато Дора насмѣшливо и снисходительно поглядывала на Дагмару и, видно, страшно злилась. Меня взорвала эта гаденькая недоброжелательность женщины къ другой женщинѣ, съ Дорой я за обѣдомъ не сказалъ уже ни слова, и въ этотъ же вечеръ рѣшилъ отомстить ей. Дагмарѣ налили кларету, она жеманно отпивала его микроскопическими глоточками, и мнѣ это не понравилось: такъ конфузятся всѣ банальные подростки—дѣвушки, попавшіе въ большой семейный домъ. Ѣсть я почти не могъ: съ радостью думалъ о томъ, что Дагмара видитъ меня въ первый разъ и уже разсказала о любимомъ учителѣ и что, значитъ, она инстинктивно довѣряетъ мнѣ. Дора нѣсколько разъ демонстративно—громко шепнула что то на ухо флегматично жевавшей Оттиліи, но я не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Въ концѣ обѣда горничная подала Дорѣ телеграмму; та распечатала и моментально побѣлѣла, какъ тотъ пломбиръ, который только что сосредоточенно смаковала маленькой серебряной ложечкой; потомъ сорвалась со стула и вмѣстѣ съ Оттиліей таинственно ушла въ свою комнату.

—Что съ Дорой Николаевной?—спросила участливо Дагмара.

—Не знаю... Непріятость какая нибудь...отвѣтилъ я, хотя отлично понялъ въ эту минуту, что у Доры есть тамъ въ ея городѣ, любовникъ, и что теперь, если я захочу, она сегодня же подробно разскажетъ мнѣ объ этомъ.

Потомъ черезъ столовую въ гостинную быстро прошла Дора съ листочкомъ бѣлой бумаги и чернильницей, но въ эту минуту не было у меня жалости къ ней, и я нарочно громко сказалъ:

—Теперь, Дагмарочка, выпейте бѣлаго крымскаго. Ну, сдѣлайте это, потому что Богъ его знаетъ, когда еще мнѣ придется обѣдать съ вами... Правильно!

Дагмара засмѣялась коротко и заразительно. и при этомъ круглилась милая ямочка какъ разъ по серединѣ подбородка и сильно надувалась вертикальная жилка на лбу надъ переносицей; только о страстности эта жилка не говорила, а если и говорила, то о необычайно скрытой, такой какая выявится когда нибудь потомъ; и эта было хорошо, потому что это было—въ ожиданіи.

Сейчасъ же послѣ обѣда Дагмара собралась уходить домой. Я помогъ ей натянуть старенькую шубку; потомъ взялъ въ руки ея узенькую лапку и сказалъ искренно, какъ можетъ быть не скоро скажу:

— Карточку вашу хочу имѣть обязательно. Если хотите мнѣ сдѣлать очень, очень пріятное—пришлите.

Дагмара неувѣренно взглянула на меня. Рука ея чуть-чуть задрожала въ моей.

— Всякому хотѣнію есть терпѣніе... Ну, а вы что?

— Боже мой! Что хотите! Хотите—я вамъ первый разсказъ пришлю; тотъ самый, что писалъ сегодня...

Она подумала, потомъ медленно сказала:

— Посмотримъ.

А по глазамъ я видѣлъ, что карточки она мнѣ не пришлетъ, и что для нея—молодой и чистой—достаточно было нѣсколькихъ злыхъ взглядовъ Доры, чтобы растерянно отойти отъ меня, отъ моей души. Завтра она совсѣмъ забудетъ меня И теперь уже знала моя душа, что не увижу больше Дагмары...

На порогѣ гостиной стояла Дора и перечитывала отвѣтную телеграмму. Я заглянулъ черезъ плечо и прочелъ: „Не могу пріѣхать. Страдаю одна. Жди. Д.“ Дора отнесла телеграмму на кухню, потомъ подсѣла ко мнѣ и вопросительно заглянула въ глаза. Но я холодно сказалъ:

— Никогда не думалъ, что у женщины эмоціи половой жизни могутъ противъ ея воли такъ отразиться на лицѣ. Вотъ, тебѣ за обѣдомъ надо было скрыть это и пришлось даже уйти изъ-за стола... Давно ты живешь съ нимъ?

— Годъ... Но я его рѣдко вижу... Ну, что тебѣ?. Глупенькій и безстыдненькій...

Потомъ вдругъ сдвинула брови и отрывисто бросила:

— Впрочемъ... иди... иди къ своей Дагмарѣ!

Въ эту минуту я совершенно не понималъ Доры, не понималъ раздвоеннаго, бездушнаго существа женщины.

Вечеромъ Аполлинарія Ивановна ушла въ гости, и я сдѣлалъ то, что задумалъ еще за обѣдомъ: купилъ полъ-литра дорогого мараскина, мандариновъ, забрался съ дѣвицами въ ихъ комнату и сталъ поить. Оттилія очень скоро засопѣла и захлопала глазами. Но я никогда не прощу себѣ своей жестокости въ тотъ вечеръ.

Безвольно, какъ гипнотизированная, пила Дора адски-дурманящій, жгучій мараскинъ, а я цѣловалъ ея липкія отъ сладкой тягучей жидкости губы и говорилъ, чеканя каждое слово:

— Слушайся меня... Пей... Ты уже хорошо знаешь любовь... Но ты живешь неправильно... Ты живешь одинокая... А между тѣмъ часто бываешь по вечерамъ въ легкомъ театрѣ... И потомъ ночью страдаешь, кусаешь подушку... И вотъ ты не имѣешь права трогать бѣдную дѣвушку, злобно смотрѣть на нее. Потому что она выше этого. А помнишь? Шейка у Дагмары точеная и нѣтъ на ней жилокъ. Вся какъ изъ кремоваго алебастра. И когда наклоняется, то изгибъ дѣвичій, не чувственный. И нагибается Дагмарочка потому, что очень хочется узнать ей побольше отъ людей, въ которыхъ она еще наивно вѣритъ. Не надо ей говорить о томъ, что у ней такой изгибъ и что это—прелестно. Пусть еще долго-долго спрашиваетъ у людей—честныхъ и безсовѣстныхъ—о томъ, чего не можетъ еще понять нѣжнымъ своимъ чутьемъ шестнадцатилѣтней.

Я низко склонился надъ Дорой, упорно смотрѣлъ ей въ глаза и ждалъ, что она наконецъ возмутится, вытолкаетъ меня изъ комнаты... Страшно хотѣлъ этого. Но она блаженно сосала ломтикъ мандарина и шептала мнѣ:

— Глупенькій, безстыдненькій...

Мнѣ стало жаль ее, и я ушелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ проходилъ до пяти часовъ утра. Все время думалъ о Дорѣ и Дагмарѣ и о томъ, кому изъ нихъ будетъ лучше въ жизни... И уже подъ утро въ утомленномъ мозгу зашелестѣло тихо, тихо: „ничему никогда не нужно учить этихъ дѣвушекъ, потому что въ досадную пустоту равнодушія могутъ уйти всѣ мои хорошія слова имъ. У Дóры—навѣрное, У Дагмары—можетъ быть..

Уѣхалъ я на другой день съ вечернимъ поѣздомъ къ себѣ, на югъ, за тысячу верстъ. Лица женщинъ, бывшихъ на вокзалѣ—богатыхъ и бѣдныхъ, красивыхъ и некрасивыхъ—показались мнѣ нездоровыми и зеленоватыми. И даже въ вагонѣ я помѣнялся плацкартой, чтобы не ѣхать только въ одномъ отдѣленіи съ женщиной. Противно было. На верхнихъ полкахъ уже лежало три прасола изъ Полтавской губерніи; они ѣли селедку, громко рычали, а потомъ сняли на ночь съ натруженныхъ ногъ валенки и стали долго и тупо считать засаленныя кредитки.

Я думалъ о Дагмарѣ. Блеснула она минутно въ моей скучной жизни и ушла. И теперь хорошо думалось о чистыхъ, простыхъ дѣвушкахъ; тихихъ, какъ завороженная въ раннее предутріе молодая березовая рощица; слезы свѣтлой росы замерзли на дѣвственныхъ стволахъ, и, когда взойдетъ солнце, сверкая стекаютъ въ нѣжную утреннюю траву...

Уже совсѣмъ сумеречно.

Я сижу и думаю. Думаю и не знаю, вѣдь, совсѣмъ не знаю, что такое Дагмарз. Я видѣлъ ее только одинъ день, но странно: о ней помню тогда, когда въ другихъ случаяхъ совсѣмъ не думалъ о случайно встрѣтившихся дѣвушкахъ. И я не знаю, почему упорно вижу ее, милую, чистую Дагмару. Уже зашло солнце за сосѣдней тополевой рощей и тѣни медленно расходятся и уютно ложатся по угламъ комнаты. Сквозь верхнюю раму окна вижу легкіи сѣрыя тучи; значитъ, завтра не будетъ сильнаго мороза, и придется идти на уроки. На столѣ высокой стопкой чернѣетъ груда неисправленныхъ ученическихъ тетрадей — глупое memento моей тоскливой жизни...

А обрывки другой, прекрасной жизни скользятъ мимо меня полосками смутнаго пріятнаго тумана...

Георгій Феддеръ.

ВЪ ЛѢСУ.

Разсказъ неудачника.

Я—писатель. По всѣмъ редакціоннымъ корзинамъ разсѣяны мои рукописи. Стихи мои, какъ осенніе листья, шуршатъ по аллеямъ парка. Я молодъ—мнѣ всего 25 лѣтъ. Но жизни пиръ веселый успѣлъ порядкомъ мнѣ надоѣсть. Чужой

и неловкій, какъ гость незванный, я грустно молчу тамъ, гдѣ льется рѣкою веселье. Лучистые блики ликующаго солнца мнѣ кажутся порою налетомъ золотухи...

Лихорадочно-шумная суетливость города мнѣ надоѣла, и часто я ухожу въ лѣсъ—отъ людей подальше... Тамъ бьется спокойнѣе сердце, грудь дышитъ вольнѣй и шире.

Я лѣнивъ, какъ жены султана не люблю думать... Но мозгъ мой сегодня сильно работалъ. Меня занималъ серьезный вопросъ, серьезный и важный. Какой изъ ядовъ лучше: цianистый кали или морфій? Первый дѣйствуетъ весьма радикально. Второй переноситъ въ міръ волшебныхъ грезъ и превращаетъ послѣдніи минуты жизни въ золотую сказку...

Надъ этимъ вопросомъ я долго бился. Моя мысль работала, какъ острая сабля. Фантазія играла, какъ морская волна... Я былъ ужъ готовъ...

Нѣтъ я еще не былъ готовъ... Мою мысль прервала случайная парочка, безпечно-счастливо влюбленная. Она внезапно показалась въ лѣсной чащѣ. Внезапно, какъ грибъ—точно выросла.

„Онъ“—золоторотецъ, съ крючковатымъ носомъ, безпокойно-хищнымъ взглядомъ и съ длинными жилисто-крѣпкими руками. На костлявыхъ плечахъ неуютно болтался старый китель. Видно—чужой.

„Она“ — гулящая дѣвица, веселая и бойкая, какъ деревенскій парень, со смуглымъ и темнымъ отъ загара лицомъ и съ сѣрыми немного уже отцвѣтшими глазами. Бумажный бѣлый платокъ безпорядочно обнималъ гладко причесанные свѣтлые волосы.

Смѣло обнявшись, слегка, пошатываясь, они дружно гуляли по лѣсу. Онъ часто и крѣпко прижималъ къ своимъ порыжѣлымъ усамъ ея круглое лицо, —смачно цѣлуя полныя губы. Внимательно—долго смотрѣлъ въ глаза.

Какъ тонкія дѣтскія ручки, сплетались надъ ними свѣжія вѣтки орѣшника. Привѣтно мило качали зеленыя головки стройныя сосны и ели.

— Садись, милаша,—надо покурить.

Сѣли. Задорно улыбнулась ему бѣлыми крѣпкими зубами.

Вынула изъ кармана его кителя осьмушку махорки и новую, пахнущую лакомъ трубку, туго набила ее корешками и подала ему.

— Кури, мой соколъ! Ты—мнѣ первый другъ.

— Спасибо, краля, — пожалъ ей руку,—кури и ты.

Снялъ рваный картузъ, досталъ изъ него папиросу и вложилъ ей въ зубы.

Густой темно-синій дымъ заклубился въ воздухѣ и повисъ на сучьяхъ деревьевъ.

— Хорошо въ лѣсу. Живи и — только... Правда, краля?..

— Правда, милый! Пойдемъ.

Крѣпко обнялись и пошли дальше.

Кругомъ мелодично пѣла зелено-радостная весна.

Я забылъ свои размышленья о ядѣ и сталъ писать...

Григорій Шапиро.

ВЕСНОЙ.

(Этюдъ).

Викторъ отложилъ въ сторону классификацію растеній. Чортъ съ нимъ съ зачетомъ, пусть провалится, все равно заниматься онъ сегодня не въ состояніи.

Запоздавшая въ этомъ году весна наступила сразу. Въ три дня полузамершія было отъ позднихъ холодовъ почки распустились въ нѣжные свѣтлозеленые листики. И уже жарко накалились асфальтовые тротуары, пахло тонкой городской пылью и въ тепломъ парномъ воздухѣ, которымъ трудно было дышать, скоплялась первая весенняя гроза.

Сквозь открытое окно, выходившее въ узкій какъ колодецъ, тѣсно застроенный дворъ, слышно было, какъ кухарка, что напротивъ, флиртовала съ сосѣдскимъ деньщикомъ.

Возьму я коробочку спичекъ,
Въ горячей водѣ разведу
И этою отчаянной отравой
Покончу я съ жизнью навсегда!

Въ каменномъ резонаторѣ столичнаго двора звонко раздавался ея высокій и фальшивый голосъ.

— И что это Вы, Афросинья Ефимовна, какіе жестокіе романцы все поете?—играющимъ тономъ спросилъ ея vis-à-vis деньщикъ.

Афросинья Ефимовна отвѣтила кокетливо и жеманно:

— Какая ужъ тутъ жестокость! Это чистая правда. Наша сестра, ежели полюбитъ, завсегда такъ!

Викторъ подошелъ къ окну. Перегнувшаяся черезъ подоконникъ молоденькая кухарка фыркнула, увидя студента. Задорное курносое ея личико скрылось въ глубинѣ кухни. Во дворѣ играли дѣти. Въ нижнемъ этажѣ переругивались изъ противоположныхъ оконъ двѣ прислуги. Звуки гулкіе, металлическіе упруго отскакивали отъ каменныхъ стѣнъ.

Викторъ отошелъ и сладко потянулся. На верхней полкѣ этажерки съ книгами стоялъ букетъ ландышей въ фарфоровой вазочкѣ.

Викторъ долго до головокруженія вдыхалъ ихъ острый волнующій ароматъ. Неопредѣленная, чуть-чуть пьяная улыбка скользила по его губамъ. Потомъ съ досадой отодвинулъ цвѣты, закрылъ окно, рѣшительно усѣлся въ кресло и принялся за классификацію растеній.

Въ столовой пили чай: сестра Вѣра, лохматый студентъ Андрей Иванычъ Кузнецовъ и Нина Павловна—институтская подруга Вѣра, кокетливая барынька, остановившаяся у нихъ проѣздомъ на Кавказъ.

Теперь, когда окно во дворъ было закрыто, звуки изъ столовой доносились громче сквозь запертую дверь. Хохотала Ниночка раскатисто и заразительно. Помимо воли Викторъ вслушивался въ отрывки фразъ.

— Ревность имѣетъ право на существованіе, имѣетъ!—рокоталъ тенорокъ Андрея Ивановича.— Среди современной пошлости, отсутствія глубокихъ переживаній, всеобщаго кафешантана ревность...

— Люблю шантанъ! — съ чувствомъ сказала Нина Павловна. Вѣра смѣялась.

— Нина, да это крикъ сердца!

Кузнецовъ возмущался, путаясь и самъ себѣ

«Весна». Н. Гончарова.

противорѣча. Заговорили всѣ вмѣстѣ, заспорили, закричали и уже ничего нельзя было разобрать.

Виктору очень хотѣлось пойти къ нимъ, выпить стаканъ чая, подразнить серьезнаго, мрачнаго Кузнецова, обмѣняться горячимъ взглядомъ съ Ниночкой, но онъ пересилилъ себя и углубился въ книгу, Завтра экзаменъ, чортъ бы его дралъ! Не пропустилъ бы онъ барыньку, если бы было время заняться ею. Досада!

Онъ читалъ, ничего не понимая. Лукавые каріе глаза мерещились между строкъ, дразнили, звали. Пикантная штучка! И пошаливаетъ навѣрное. Пари готовъ держать, что нетрудно было бы... Какъ это Вѣра можетъ быть дружна съ ней? Спокойная, серьезная Вѣра?

Дверь неожиданно отворилась.

— Все учитесь? Бѣдный мальчикъ!

Нина смѣялась. И лукавые глаза, и ямочки на щекахъ и подбородкѣ, и яркія губы дрожали отъ смѣха.—Милая! грѣшная, грѣшная!

Викторъ старался смотрѣть на нее спокойно. Завтра зачетъ! Завтра, завтра..,

— А прогулка вышла чудесная! И на лодкѣ покатались, и побѣгали... Жаль, что васъ съ нами не было.

Онъ отвѣтилъ сдержанно:

— У меня экзаменъ завтра.

— Пустяки! Все равно всего не переучишь и если не судьба...

— Она вскарабкалась на столъ.

— Затворите-ка дверь, не то окно распахнется, сквознякъ. И подите сюда, поболтаемъ. Я не долго. Назанимаетесь еще, успѣете. Этотъ мрачный дуракъ тамъ, надоѣлъ мнѣ своимъ умнымъ вздоромъ. Ученый!

Викторъ усѣлся рядомъ съ нею на столъ. Отъ

нея пахло какими-то сильными пряными духами. Сквозь прозрачную ткань блузки просвѣчивали круглыя покатыя плечи и часть пышной груди.

— Черемухи нарвала... вотъ! — Она придвинулась къ нему вплотную, протянула къ самому его носу вѣтку. Онъ взялъ ея руку, и закрывъ глаза и вдыхая запахъ черемухи, медленно сталъ цѣловать отъ кисти и выше, выше локтя до того мѣста, гдѣ начинался короткій рукавъ. Она присмирѣла, не отнимала руки. Викторъ слегка откинулся назадъ и долгій тяжелый, упорный взглядъ его погрузился въ ея глаза. И вдругъ чуть-чуть затуманились эти блестящіе, лукавые глаза, вдругъ отяжелѣли вѣки. . Онъ охватилъ ее рукой почти грубо, почти больно. Она не сопротивлялась... прильнула къ нему. Нѣсколько секундъ протекло въ душномъ поцѣлуѣ. Отпустилъ ее.

— Сегодня? да? Сегодня! — Онъ говорилъ хриплымъ чуть слышнымъ шопотомъ.

Она покорно отпустила глаза.

— Да! Я оставлю дверь незапертой.—И уже смѣялась, оправляя прическу. Спрыгнула со стола, бросила въ него вѣткой черемухи и сверкнувъ улыбкой и глазами, исчезла, оставляя за собой запахъ крѣпкихъ пряныхъ духовъ.

Свѣтлая ночь смотрѣла въ раскрытыя окна, свѣтлая сѣверная майская ночь. Вспыхивали блѣдныя зарницы, слабо грохоталъ далекій громъ и неразразившаяся гроза томила воздухъ. Тяжко было дышать и напряженно дрожали нервы.

Долго тянулся вечеръ. Виктору казалось что никогда не разойдутся гости, никогда не угомонятся домашніе. Приходили кузены-гимназисты съ молоденькой кузиной и ея подругой. Изъ столовой доносились ихъ еще по дѣтски звонкіе голоса. Пѣли хоромъ подъ аккомпанементъ гитары.

Уже начало свѣтать, когда Ниночка усталымъ голосомъ попрощалась съ гостями, отговорившись головной болью.

У Виктора радостно стукнуло сердце. Выпроваживаетъ.—Хитрая, милая!

Въ бѣломъ легкомъ халатикѣ, съ распущенными каштановыми косами скользнула она въ его комнату, пока Вѣра провожала гостей въ переднюю.

Обвилась горячими руками его шеи, трепетно къ нему прижалась.

— Видишь, какая я умная! Теперь они скоро...

— У звѣренышъ!—Обожгла поцѣлуемъ, убѣжала.

Въ передней все еще говоръ, смѣхъ... Захлопнулась дверь. Наконецъ! Тихо... Что это? Мужской голосъ...—Къ вамъ можно, Вѣра Алексѣевна?—Знакомый голосъ! И спокойный отвѣтъ:—„Пожалуйста, пройдите сюда".—Не можетъ быть! Вѣра—его сестра, чистая, безупречная Вѣра! Неутѣшная вдова, пять лѣтъ вѣрная памяти мужа... Не можетъ быть! Виктора охватила бѣшеная злоба. Противъ воли руки сжимались въ кулаки. Тихонько подошелъ къ двери смежной съ его комнатой гостиной. Теперь онъ узналъ голосъ... Господи, неужели Кузнецовъ?! Ну и вкусъ у сестры! Прислушался.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за то, что вы позволили мнѣ высказаться...—Замолкъ, должно быть руку цѣлуетъ. Тоже вѣдь кавалеръ... Подумаешь! Чучело гороховое! Андрей Ивановичъ... а! Ну скажите пожалуйста!

— Съ мужчиной я бы не рѣшился быть совсѣмъ откровеннымъ...

Что такое?! Да онъ съума сошелъ!

... — Но открыть душу передъ женщиной и передъ такой женщиной, какъ вы... А мнѣ нужно высказаться, я слишкомъ долго молчалъ, слишкомъ долго. Въ... 905 году, когда всѣ мы горѣли...

— Ахъ вотъ оно что!—обрадовался Викторъ,— а я Богъ знаетъ что подумалъ!

Онъ пересталъ прислушиваться къ тому, что говорилось въ гостинной. Острая радость за Вѣру, за то что она, его сестра, не „такая", смѣнилась безпокойствомъ. Какъ же Ниночка? Вѣдь этотъ чеховскій типъ до поздняго утра будетъ изливаться. Потомъ прислуга встанетъ... Безобразіе!

Онъ рѣшительно направился въ гостинную. Вѣра сидѣла на подоконникѣ. Четкій силуэтъ ея рисовался на блѣдномъ фонѣ раскрытаго окна. Кузнецовъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней. Безпомощно висѣли длинныя худыя его руки и понуро склонилась лохматая голова. Услышавъ шаги, онъ обернулся, вскочилъ на ноги и мучительный стыдъ залилъ краской его блѣдное истощенное лицо.

Викторъ, сдерживая насмѣшливую улыбку, спокойно закуривалъ папиросу, какъ будто ничего не замѣтилъ.

— Вы еще здѣсь, Андрей Ивановичъ? А я думалъ, всѣ ушли. — Сѣлъ на подоконникъ рядомъ съ сестрой. — Хорошая ночь, правда? Немного душно только...

— Мм. . .угу!—проворчалъ лохматый студентъ. И заходилъ широкими неуклюжими шагами вдоль гостиной.

Вѣра дѣлала брату знаки, но тотъ ничего не хотѣлъ замѣчать.

Пооткровенничаешь ты тутъ у меня, злобно думалъ онъ. Не знаетъ времени... сидѣть въ чужомъ домѣ до утра...

Всѣ молчали. Было неловко, Кузнецовъ повидимому не имѣлъ намѣренія уходить.

— Витя, голубчикъ,—мягко сказала Вѣра,— намъ съ Андрей Иванычемъ поговорить надо... ты бы шелъ къ себѣ!

Дѣлать было нечего. Викторъ раскланялся съ преувеличенной любезностью, ядовито сказалъ: пожалуйста!—и вышелъ.

— ...пустяки!—говорила Вѣра, не обращайте вниманія, онъ ничего не слышалъ.

— Когда наступаетъ весна, — продолжалъ Кузнецовъ прерванныя изліянія—особенно чувствую свою ненужность, негодность. Такъ мощно живетъ природа, такія кипучія въ ней силы просыпаются весной, могучія космическія силы, а мы маленькіе съ нашей жалкой городской культурой, словно муравьи въ кучѣ пыли... Осенью все человѣческое кажется важнымъ, нужнымъ, значительнымъ, весной же..

— Ну завелъ волынку!..—брезгливо подумалъ Викторъ. Взялъ мохнатое полотенце, прошелъ въ ванную. Холодный душъ освѣжилъ его. Глядя какъ блестящія капельки воды катились по атласистой, горячаго тона кожѣ его молодого сильнаго тѣла, онъ бормоталъ:

— Тоже придумаетъ... космическія силы! Что онъ въ этомъ смыслитъ? И не догадается вѣдь, чеховская отрыжка этакая, что своимъ муравьинымъ нытьемъ онъ въ эту самую минуту мѣшаетъ двумъ космическимъ силамъ...

Виктору вдругъ стало неудержимо весело. Снъ почувствовалъ, что никто и ничто не помѣшаетъ сегодня ему съ Ниночкой, что то, чего они оба такъ хотятъ, совершится, хотя бы десять неудачниковъ-Кузнецовыхъ пришли изливаться къ сестрѣ Вѣрѣ.

Выкинулъ фантастическое антраша. Залюбовался собой въ зеркалѣ. Потомъ сталъ продѣлывать обычную гимнастику, передъ сномъ, вытягивая тонкія, мускулистыя, упругія, какъ сталь руки и ноги, изгибая стройный станъ, широкій въ плечахъ и узкій, какъ у дѣвочки, въ таліи и бедрахъ. Знакомое чувство гордой радости отъ сознанія своей молодости, силы, ловкости овладѣло имъ. Даже какъ будто Ниночку забылъ.

Дверь комнаты Нины Павловны выходила тоже въ гостиную. Она не была заперта, только чуть-чуть прикрыта.

Ниночка не ложилась. Сидѣла въ глубокомъ креслѣ, поблѣднѣвшая, притихшая, закрывъ усталыя вѣки. Ждала. Окно затворила и шторы спустила, чтобъ обмануть себя—не видѣть быстро наступавшаго разсвѣта. Съ ненавистью прислушивалась къ жидкому тенорку Кузнецова. И создастъ же Господь Богъ такое! Нелѣпое, никому ненужное...

— ...Жить безъ эмоцій невозможно, Вѣра Алексѣевна—говорилъ тотъ.—Въ человѣческомъ организмѣ есть рядъ психологическихъ навыковъ... Они обращаются въ такія же насущныя потребности, какъ и физіологическія...

Нина злилась:

— Вотъ ученый дуракъ, прости Господи!

— ...мы жили общественными эмоціями—не унимался Кузнецовъ — и теперь, когда затихла соціальная борьба, намъ нечѣмъ жить, нечѣмъ.. теперь...—голосъ студента понизился до шопота— ...такъ хочется другихъ эмоцій, личныхъ.. личной жизни, женской любви. Родная, вы не осудите меня, вы поймете ..

— Да за что осуждать?— ласково сказала Вѣра.—Это такъ естественно, вы молоды... Но съ моей внѣшностью... развѣ можно разсчитывать... Я не заблуждаюсь... И я такъ одинокъ, такъ одинокъ...

Глухія сдержанныя рыданія донеслись до Нины. Вѣра утѣшала.

— Ахъ бѣдный!—думала Нина съ любопытствомъ и внезапно проснувшейся нѣжностью и состраданіемъ—бѣдный. вотъ онъ какой! И тотчасъ же съ гордостью вспомнила „своего" Виктора, и сильнѣе застучало сердце и съ новой силой нахлынуло жгучее нетерпѣніе и досада на Кузнецова.

Не смотря на спущенныя шторы, въ комнатѣ было почти совсѣмъ свѣтло. Нина подошла къ трюмо, всмотрѣлась близко въ свое лицо, нашла себя блѣдной, томной. интересной, улыбнулась своему отраженію радостно и высунула языкъ. Потомъ сбросила халатикъ, спустила тонкую сорочку, опрыскивалась духами и стала разглядывать въ зеркалѣ свое пышное, крѣпкое тѣло. Осталась довольна собой.

— Вѣра—нетерпѣливо позвалъ вдругъ Викторъ.—Вѣра!

Нина вздрогнула, набросила халатикъ, притаилась.

Вѣра прошла къ брату.

— Что тебѣ?

— Долго вы еще будете тамъ... Уснуть невозможно... У меня завтра экзаменъ... И Нинѣ Павловнѣ тоже спать не даете... Богъ знаетъ что.

— Нинѣ Павловнѣ? Ты почемъ знаешь?

Вѣра улыбнулась. Она уже нѣсколько дней наблюдала игру между братомъ и пріятельницей. И нина загостилась дольше, чѣмъ предполагала. Подозрительно... Взяла брата за подбородокъ

— Ты что то затѣваешь мальчишка!

— Ну вотъ еще, вздоръ!—притворно сердитымъ тономъ сказалъ онъ, улыбкой и блескомъ глазъ подтверждая догадку сестры.

—Негодяй!—ласково потрепала его по щекѣ, помолчала, потомъ засмѣялась.

—А это забавно, знаешь... Кузнецовъ и вы.... Смѣхъ Чехова съ... съ Декамерономъ!—Ха-ха-ха. Какая ты остроумная, Вѣрочка!

—Ну да ужъ ладно, не подлизывайся, скверный мальчишка! Сейчасъ, сейчасъ онъ уйдетъ.

—Спокойной ночи!—Викторъ съ благодарностью поцѣловалъ ей руку.

Вѣра вышла изъ комнаты брата, съ нѣжной гордостью думая о немъ.

Такъ вотъ какой онъ, этотъ мальчикъ—Витя, котораго она, старшая, воспитала послѣ смерти матери. Настоящій мужчина, не то что...

О Кузнецовѣ подумалъ съ жалостью, смѣшанной съ легкимъ презреніемъ.—А Нинка-то Нинка-то какова.

Но спровадить Кузнецова долго не удавалось.

Долго еще Ниночка широкораскрытыми, усталыми, окружившимися синевой глазами упорно вглядывалась въ щель двери, колдовала, внушая Кузнецову, чтобъ уходилъ. Вскакивала, въ нетерпѣніи ходила по комнатѣ, злилась, нервничала. ... Снова ложилась. Долго негодовалъ и возмущался Викторъ, теряя надежду на то, что уйдетъ когда-нибудь этотъ несносный Кузнецовъ. Долго томилось его напряженное молодое тѣло въ насыщенной грозовой атмосферѣ.

Наконецъ все смолкло. Ушелъ студентъ. захлопнулась дверь Вѣры.

И вслушиваясь въ звенящую тишину, Ниночка уловила легкій скрипъ паркета подъ осторожными шагами босыхъ ногъ Виктора. Не шевелилась—прислушивалась. Онъ подошелъ и открылъ дверь ..

Когда Викторъ возвращался къ себѣ, въ окна стучалъ дождь, а они и не замѣтили его за поцѣлуями. Доносился откуда-то запахъ освѣженной зелени.... Викторъ съ наслажденіемъ протянулъ на постели свое сладостно уставшее тѣло, съ наслажденіемъ выкурилъ папиросу и въ полудремотѣ сталъ думать о сестрѣ. Какая она милая! Чистая, безупречная и такая терпимая къ чужимъ слабостямъ—И вдругъ его ужалила мысль, что вѣдь и она, его сестра, тоже женщина, что она молода, красива и что она могла бы такъ же, какъ и та... другая... И воспоминаніе о недавнихъ поцѣлуяхъ, нестерпимо волнующихъ ласкахъ снова обожгло его.... Его сестра! Это было бы ужасно!... Но что за вздоръ! Вѣдь сестры всегда... изъ Чехова, а эти.. ну словомъ... любовницы изъ Декамерона. Нѣтъ, положительно, все на свѣтѣ великолѣпно устроено! И уже совсѣмъ засыпая, онъ думалъ о своей молодости, о томъ что много еще у него будетъ прелестныхъ женщинъ, какъ Ниночка, о томъ, какъ хороша жизнь ..

Усталая и счастливая Ниночка тоже крѣпко спала.

Но всю ночь не могла заснуть Вѣра. Она мучительно—тяжело думала.... смотрѣла, какъ льетъ дождь и рскрывъ окно, вдыхала разрѣженный, холодноватый воздухъ.....

А бѣдный Кузнецовъ промокъ до костей. До дому ему было очень далеко, и извозчика взять не на что....

Софья Зарѣчная.

КОШМАРЪ.

(Этюдъ изъ недавняго прошлаго).

Соня чувствовала себя нехорошо. Она часто просыпалась вздрагиваясь, къ чему то прислушиваясь и опять падала на подушки.

Но часто что она начинала засыпать тяжелымъ сномъ, какъ что то ложилось ей на грудь и начинало ее давить. Она силилась сбросить эту тяжесть, силилась крикнуть, но изъ груди вырывался только хриплый свистящій стонъ—и обезсиленная она подчинялась. А тяжесть все давила и давила ее. Наконецъ собравъ послѣднія усилія, Соня освобождается и садится на постель. Кругомъ темно и тихо. Въ сосѣдней комнатѣ тикаютъ стѣнныя часы и это тиканье еще больше сгущаетъ и увеличиваетъ тишину. Гдѣ то на улицѣ прогромыхала телѣга и громко крикнулъ пѣтухъ и опять все смолкло. И только часы тихо, ровно и монотонно отбивали свое тик... такъ... тикъ... такъ...

Этотъ звукъ билъ по нервамъ, наполнялъ собою голову и чѣмъ больше прислушивалась къ нему Соня тѣмъ громче и нахальнѣе онъ становился. Тикъ... такъ... тикъ... такъ... скоро... смерть... скоро... смерть... ровно и спокойно отбивали часы. И страстно захотѣлось нарушить чѣмъ нибудь эту угнетающую тишину. Захотѣлось прервать этотъ жестокій проникающій въ самое сердце звукъ, крикнуть, убѣжать изъ этой комнаты, только бы не слыхать этого тиканья этой насмѣшки надъ изломанной жизнью, этого злораднаго смѣха смерти. Часы зашипѣвъ громко и отчетливо пробили два раза. Соня вздрогнула. Два, два часа... Осталось два часа жизни... Нѣтъ не могу... не могу... это слишкомъ жестоко отнимать у меня жизнь когда я еще совсѣмъ не жила. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Слезы облегчили ее и привели въ порядокъ ея мысли. „Но однако кто требуетъ отъ меня чтобы я умерла... Кто имѣетъ право требовать у меня жизни... Я пойду къ нимъ и скажу что считаю ихъ ученіе неправильнымъ. Скажу что они подъ маской любви къ народу, къ ближнему, подъ маской идеи скрываютъ гнусное убійство... Чѣмъ виновато то лицо которое мнѣ поручено убить. Неужели только тѣмъ что онъ губернаторъ. Что онъ человѣкъ совсѣмъ другой идеи, другого лагеря Они зовутъ его палачемъ, убійцей. Но сами то кто. Если убиваетъ онъ, то поступаетъ согласно правилъ и идеи которой онъ служитъ, такъ чѣмъ же онъ виноватъ что у него такія возрѣнія чѣмъ онъ виноватъ, что онъ ихъ врагъ“.

Начинало свѣтать. Занавѣска на окнѣ побѣлѣла и понемногу начали обрисовываться контуры предметовъ находящихся въ комнатѣ. Соня быстро встала съ постели и отдернула отъ окна занавѣску и въ комнату поползъ блѣдный матовый свѣтъ начинавшагося іюльскаго утра.

На улицѣ было тихо и безлюдно. Все спало безмятежнымъ сномъ. Вдругъ Соня вздрогнула и откачнулась отъ окна. На другой сторонѣ тротуара въ аркѣ воротъ низенькаго дома, съ поднятымъ воротникомъ пальто стоялъ студентъ Комовъ и блестящими изъ подъ надвинутой шляпы глазами, смотрѣлъ къ ней въ окно. Это слѣдили за ней. Она вспомнила приказъ отданный Комову, когда ей попался жребій со словомъ убить: если въ четыре часа Соня не выйдетъ изъ дома и не пойдетъ по направленію къ станціи желѣзной дороги, то Комовъ долженъ ее убить. Она знала Комова и не сомнѣвалась въ точномъ исполненіи отданнаго ему приказанія. Она поняла что спасенія ей нѣтъ. Она должна или убить или умереть.

Но если я не могу... Если я хочу жить... Если я хочу чтобы жили и другіе... Тогда тебя убьютъ.. Убьютъ? За что? Неужели за то, что я сдѣлала ошибку увлекшись новой идеей... Но вѣдь она такой соблазнительной такой великодушной мнѣ показалась... Такъ увлекли меня эти люди—а потомъ вмѣсто любви и всепрощенія которыя они проповѣдывали, дали мнѣ въ руки ножъ. Нѣтъ этого не можетъ быть... За ошибку не казнятъ... До этого не допуститъ Богъ которому я разучилась вѣрить, но который все таки есть. Глаза ея искали образа, но не найдя таковаго она обернулась лицомъ къ востоку и опустившись на колѣни начала молиться.

Сонѣ показалось, что кто то ее позвалъ. Она встала съ колѣнъ и спокойно оглянулась кругомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло. Ярко свѣтило солнце. Одно окно было открыто, и подъ окномъ стоялъ Комовъ и тихо называлъ ее по имени.

— Что пора?!

— Да пора. Тихимъ шипящимъ голосомъ проговорилъ Комовъ. Вы вѣдь знаете данныя мнѣ инструкціи, я и такъ уже четвертъ часа. Вы сейчасъ же должны идти на станцію и убить проѣзжающаго Стахова или...

— Или вы убьете меня! Не нужно ни того ни другого... Я сама себя убью... Уйдите... Или спрячьте на время свое лицо... Вы мнѣ мѣшаете.

Комовъ повиновался. Отойдя на нѣсколько шаговъ онъ остановился и прислушался. Но все было тихо. Комовъ подождалъ нѣсколько минутъ и быстрыми шагами подошелъ къ окну и заглянулъ въ комнату.

Соня лежала на кровати. Ея глаза были широко открыты и съ ненавистью обращены на Комова. Правая рука прижимала холодное дуло браунинга къ виску, а лѣвая была подложена подъ щеку. Глаза Сони и Комова встрѣтились. Нѣсколько мгновеній Соня смотрѣла на него, потомъ закрыла глаза, раздался сухой трескъ выстрѣла, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и замерла.

Комовъ быстро оглянулся, вскочилъ въ комнату и подошелъ къ Сонѣ. Удостовѣрившись что она мертва онъ также быстро выскочилъ на улицу и скрылся зауглом дома.

Н. Шумскій.

Н. Бродскій.

Двѣ миніатюры.

1. КАМЕЯ.

На Лунгарно уже вспыхнули фонари, кажущіеся всегда зеленоватыми въ эти часы дня, нѣтъ не дня, а прелюдіи къ вечеру. Нигдѣ такъ не чувствуется тотъ переходъ во времени и природѣ, который нельзя опредѣлить сумерками, но который, между тѣмъ еще не вечеръ. Нигдѣ такъ не ясна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не сказочна эта предвечерняя прелюдія, какъ у берега тусклаго и шумящаго Арно.

Съ одной стороны, по ровной, пустынной набережной, такой холодной, будто камень здѣсь холоднѣе и мертвеннѣе, чѣмъ повсюду, гулко проѣзжала коляска, останавливая своимъ отчетливымъ силуэтомъ мое разсѣянное вниманіе.

Съ другой, направо, въ ароматномъ туманѣ, можно было различить старыя стѣны полуразвалившейся крѣпости, ея коричневатую тѣнь...— Навстрѣчу мнѣ, изрѣдка, попадались люди вѣрнѣе скользили призраки и я испытывала неизвѣданное чувство, мелькавшее сначала какъ мысль и незамѣтно переходившее въ ощущеніе: появлялась неземная легкость въ походкѣ, будто меня нѣтъ, будто нѣтъ костей и тѣла будто я безтѣлесный призракъ этого туманнаго зеленоватаго вечера... Точно осталась только душа моя и все-таки она мыслила, оторванная отъ тѣла, отъ мозга и ощущала, истомленная невысказанными переживаніями, почти физически, свое новое бытіе. Въ немъ мерещилось мнѣ и намѣчалось то, что называютъ безсмертіемъ души, то чего сколько-бы мы не думали, мы не можемъ постичь и увидѣть. И только здѣсь на Лунгарно охватилъ меня сонъ

жизни, онъ былъ жизненъ, потому, то я ощутила его. И перенеслась въ прошлое: я увидѣла ваши строгiе глаза, безмолвную улыбку губъ и рука моя отвѣтила на ваше пожатiе... Это было давно, у насъ на сѣверѣ, на островахъ съ голубовато-сѣрыми, похожими на датскiй фарфоръ, лужами воды и бѣлымъ свѣтомъ iюльской ночи, когда все кажется безжизненнымъ, а люди думаютъ, что живутъ и любятъ ярче.

Тогда жило тѣло, а сейчасъ вспыхнула моя душа и вспомнила о Вашей такъ ясно... И стало томительно, тоскливо... Почему теперь, а не тогда? Почему и утромъ сегодня синяя камея не ожила въ музеѣ, а только приковала мнѣ взглядъ къ своему профилю и стоитъ въ туманномъ облакѣ моихъ, переживанiй, снова между нами?

2. БЕЗЪ ЗАГЛАВIЯ.

... Солнце ранняго утра сверкнуло въ комнатѣ, когда она подняла штору и сразу все потускнѣло,—стало обыденнымъ, печальнымъ.

И даже цвѣты въ узкомъ, хрустальномъ бокалѣ, правда увядшiе уже, но которыми за нѣсколько часовъ до этого они вмѣстѣ любовались—стали ненужными и казались просто засохшими... А еще такъ недавно они говорили и заставляли упиваться своимъ шопотомъ! Потому что всѣ цвѣты, умирая говорятъ, и тогда дѣлаются необычайно прекрасными: словно начинаютъ другую, нездѣшнюю жизнь...

И она печально поникла, будто озаренная вмѣстѣ съ лучами солнца, недобрыми мыслями, преобразившими красивое, полное любви лицо, въ чужое, страдальческое. Глаза, горѣвшiе и улыбавшiеся ему, цѣловавшiе его вмѣстѣ съ губами, смотрѣли теперь холодно и устало. Ничего какъ будто и не было; можетъ быть и она здѣсь чужая, сейчасъ, въ своей комнатѣ?

Почему?

Что произошло прекраснаго или печальнаго, что могло преобразить ее, что могло обезобразить весеннее солнце, розово-желтое, веселое?

Вѣдь только радости и горести разнообразятъ жизнь...

А потому, что предутренняя ночь этого яркаго солнца была бѣлая...

Потому что они долго молчали, успокоенныя ея отчетливой тишиной; потому что, когда, случайно, они взглянули въ окно и увидали всегдашнiе высокiе дома, полными неизъяснимой красоты, точно одухотворенными, а тамъ, на углу, причудливо мелькнула береза, они почувствовали невысказанную правду, притаившуюся въ душахъ ихъ.

Та правда боялась раскрыться при свѣтѣ дня, точно стыдилась своей силы...

Тогда оба, одновременно, прочли эту правду любви въ глазахъ своихъ.. Такъ почувствовали ее, что не говоря ни слова, долго прислушивались къ грезамъ красныхъ розъ и молча вдыхали сладостный воздухъ бѣловато-сѣрой ночи, длящейся мгновенiе, кажущееся вѣчностью, заслонившей все прошлое и не покрывающей будущаго.

Но солнцу дня суждено было неизмѣнно ослѣплять ихъ и тогда самый драгоцѣнный изъ самоцвѣтныхъ камней жизни тускнѣлъ вмѣстѣ съ померкшими душами...

Т. Шенфельдъ.

ПО ТУ СТОРОНУ.

Тотъ вечеръ тихой больной грустью живетъ во мнѣ. Больной грустью...

Какъ зовъ, замирающiй гдѣ то далеко,—далеко, по ту сторону широкой рѣки, въ черной глубинѣ невѣдомаго лѣса. Призывъ жизни...

И казалось отвѣтъ долженъ долетѣть, ибо уходила вся душа моя въ этотъ призывъ.

Но звуки медленно замираютъ.

Минуты—годы... И острое молчанiе все сковываетъ...

Такъ было у меня.

Я разскажу объ этомъ.

Тогда былъ хорошiй вечеръ. Ароматный какой то съ яркими красками неба.

Но восторженно угасающiй день былъ мнѣ чужимъ.

Отъ этого было еще больнѣе...

Я сидѣлъ на скамейкѣ сада. Рядомъ со мною сидѣла женщина—моя жена.

Откуда то долетали граммофонные марши.

Они вливали досаду.

Мы молчали. Такое молчанiе уже давно опутывало насъ. Дни, недѣли, мѣсяцы тянулись въ этомъ молчанiи.

Иногда зажигалась въ груди искренность, такая свѣтлая и правдивая. Она какъ потокъ должна была унести съ собой все мутное, комкающее умъ и душу.

Но она погасала. Погасала, раздавленная рабствомъ.

Снова медленно скользили дни съ безумножуткой тишиной.

Быстро опускались сумерки.

Подъ деревьями, гдѣ сидѣли мы, было черно.

У нея рѣзко бѣлѣлъ профиль на черномъ фонѣ.

Я всталъ и сказалъ безпечнымъ тономъ:

— Вотъ и ночь. Пойдемъ.

Она не двигалась. Я чувствовалъ какъ будто меня ловитъ врагъ въ темной ложбинѣ. Хочешь выбѣжать на открытое мѣсто и не можешь. Хочешь крикнуть, но что то стискиваетъ грудь.

Она заговорила. Какимъ то чужимъ страннымъ голосомъ, деревянно-однотоннымъ.

То, что она говорила, я давно зналъ. Давно. Я ненавидѣлъ это, буйно ненавидѣлъ въ душѣ.

Я хотѣлъ сказать объ этомъ вслухъ, но не смѣлъ.

Какъ часто человѣкъ хочетъ и не смѣетъ...

Когда звонятъ въ колоколъ, я представляю его языкъ чѣмъ то чужимъ, злымъ. Онъ бьетъ въ бока и раздается звонъ... Такой звонъ, какой хочетъ языкъ.

Я почти не слушалъ ее. Зачѣмъ бы я ее слушалъ?..

Долетали обрывки, безсвязныя слова, слезы слышались, замученныя, надломленныя, тоска.

Я даже представлялъ себѣ какъ дрожитъ у нея губа. У нея всегда въ это время дрожала губа и подбородокъ.

— Я все вижу... все...—шептала она.—Давно... Вижу что ты меня не любишь... Не любишь больше...

Она какъ будто испугалась, что я буду говорить...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я знаю... Ты не любишь... ты жалѣешь... мнѣ больно... ну, зачѣмъ я тебѣ... какъ ребенокъ... это не то... это не то... Конечно, и

больно... мечется моя раздавленная гордость... Я должна уйти... давно уйти... давно тебѣ сказать это... но это казнь... я хочу немного отсрочки... немного... хоть нѣсколько дней... и такъ каждый день нависаетъ тяжесть близости...

Я думалъ: да, это она правду говоритъ... Да, нависаетъ...

Да, нависаетъ... И тяжестью близости. Это хорошо.

И отъ этихъ словъ замираетъ во мнѣ протестующiй врагъ.

Если бы у меня не было слуха и глазъ, и всѣхъ моихъ другихъ чувствъ, всѣхъ безчисленныхъ чувствъ, которыя мнѣ мѣшаютъ.

Это было бы хорошо.

Вотъ еще недавно я чувствовалъ ненависть къ этому существу. Холодную трезвую ненависть.

Теперь ея нѣтъ. Теперь вмѣстѣ со скорбью во мнѣ загорается восторгъ жалости.

Да, восторгъ жалости.

Я уже слушаю ея голосъ. Жадно хватаюсь за каждое слово, за каждое слово.

— Да, милый, скорбь.. Сними съ меня скорбь... скажи, скажи правду... Не надо жалости... жалости обмана...

„Она такъ чутка, такъ чутка", думаю я.— И еще больше загораюсь чѣмъ то болѣзненнымъ.

— Ты знаешь... Я не буду ползать и просить... Скажи...

Она помолчала.

— Скажи...

Я стоялъ какъ скованный. Какъ будто въ неподвижности искалъ побѣду. Какъ дымъ мелькали обрывки думъ. То была явь какъ сонъ.

И также легко неслись и захватывали воспоминанiя о торжественности первой любви.

Я въ неподвижности искалъ побѣду. Въ неподвижности...

„Скажи, скажи",—какъ будто звучало у меня въ душѣ.

Восторгъ переполняетъ меня.

Я бросился къ ея ногамъ. Я обнялъ ихъ, я шепталъ, безумно шепталъ что-то, что облегчало мою грудь.

Я говорилъ о любви, смѣялся цѣловалъ ея руки.

Я называлъ минувшее призраками ночи.

И горѣли на глазахъ слезы. Какъ будто хорошiя слезы.

Она вся какъ затихала какъ-то. Затихала съ тихими облегчающими слезами.

Я чувствовалъ, что это я касаюсь ея муки и снимаю ее.

Я шепталъ безумныя слова ласкъ. Шепталъ быстро, быстро, горячо, какъ-будто заговаривалъ что-то наростающее.

Это былъ зовъ, а позади уже накипало отчаянiе.

Я это чувствовалъ за моимъ восторгомъ но уходилъ въ него.

— Милый, милый, какъ хорошо,—шептала она,—неужели это правда... Да это—правда... Я знаю... У тебя что то другое, тяжелое... Что—ты мнѣ разскажешь... Боже мой... вотъ и счастье опять тутъ...

Во тьмѣ ея лицо такъ тонко бѣлѣло.

Счастье...

И мой зовъ замиралъ по ту сторону... Далеко, далеко...

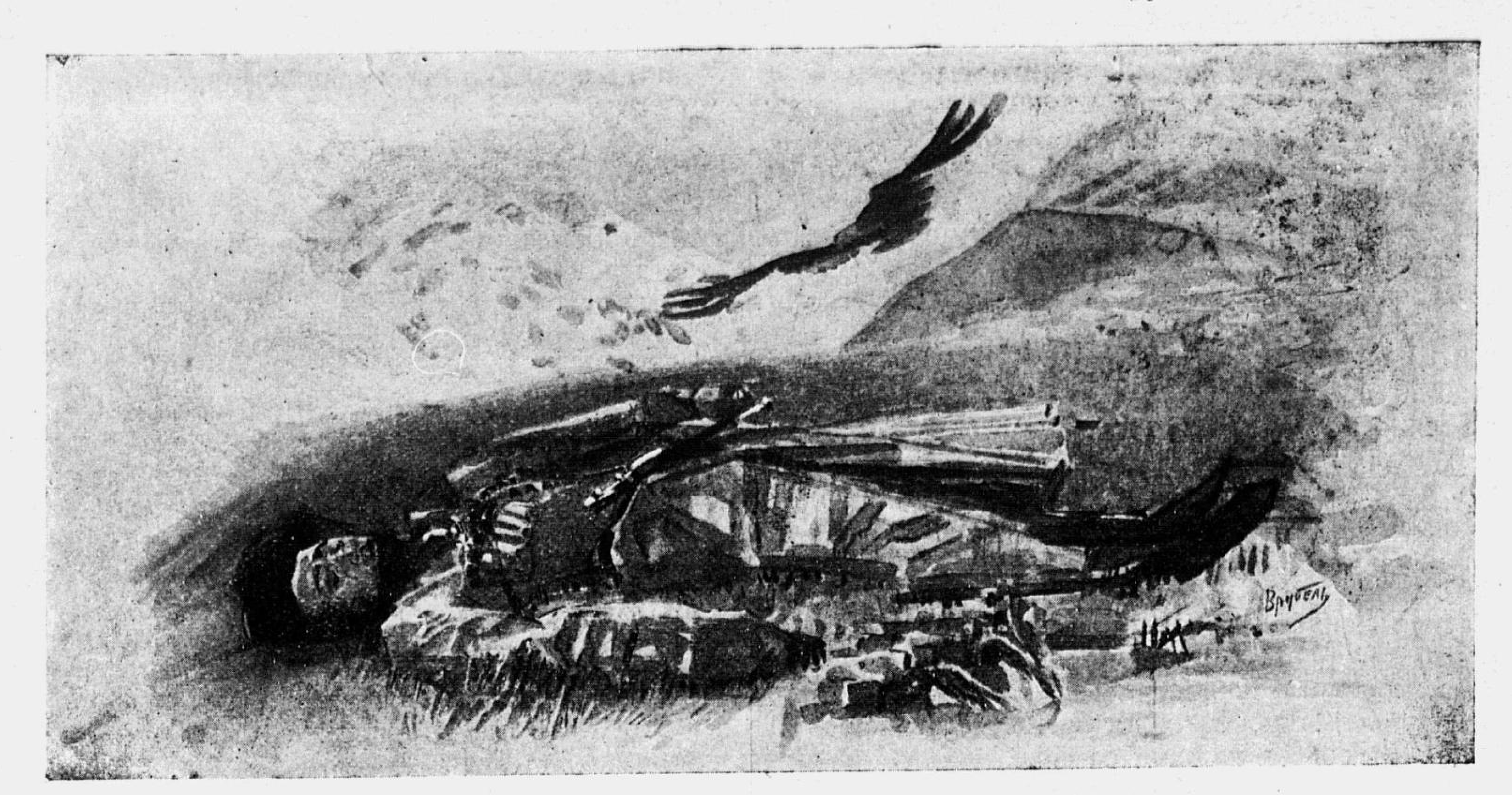
Надвигались новые дни молчанiя...

Но когда нибудь я-же долженъ заставить звучать это беззвучiе?..

Iеремiя Добровольскiй.

Н. М. Грабовскiй. «Витязи».

М. Врубель. «Богатырь».

Голосъ съ того свѣта

1.

Получилъ конвертъ. Въ немъ письмо—и рукописи.

Письмо напечатано на машинкѣ.

„Господинъ Шебуевъ! Вы меня не знаете и я не скажу вамъ своего имени, потому что не хочу что-бы вы меня ругали, а ругать меня слѣдуетъ потому что по отношенію къ Вамъ и „Веснѣ" я сдѣлалъ огромное свинство. Я--другъ извѣстнаго вамъ поэта „Весны" Никанорова-Каринскаго, какъ вамъ извѣстно скончавшагося, три года тому назадъ отъ чахотки. Передъ смертью онъ писалъ Вамъ письмо въ „Весну", но отправить его не успѣлъ и просилъ это сдѣлать меня. А я по глупой безпечности и легкомыслію все откладывалъ день за днемъ, пока не услыхалъ, что „Весна" прекратила свое существованіе. Однако конвертъ я не уничтожилъ и онъ пролежалъ у меня до сихъ поръ въ завѣтномъ ящикѣ конторки. Теперь съ радостью узнавъ, что „Весна" возрождается для новой жизни, спѣшу исправить мою вину и посылаю письмо Никанорова. Я совѣтую вамъ напечатать его, потому что хотя покойный поэтъ и работалъ въ десяткахъ другихъ изданій (преимущественно провинціальныхъ) но всегда считалъ себя питомцемъ „Весны" и гордился тѣмъ, что въ письмѣ вы ему пожелали здоровья, и назвали „весенникомъ". Даже не прошу прощенія за то свинство, которое я сдѣлалъ по отношенію къ „Веснѣ", не выславъ этихъ стиховъ и письма во время. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Другъ Никанорова-Коринскаго.

2.

Вспоминаю, что незадолго до смерти талантливаго весенника я послалъ ему письмо одобренія и ободренія.

Я зналъ, что чахотка уже дотачивала его организмъ, зналъ что онъ ужъ не встанетъ.

Но все-таки обнадеживалъ его и указывалъ ему какъ на разительный примѣръ на самого себя.

На экзаменъ въ университетъ меня сторожа внесли на рукахъ.

Я былъ живымъ трупомъ.

Доктора гнали меня на кумысъ и взяли слово, что я не буду держать экзаменовъ.

Выдержавъ экзамены въ жару и слабости, я поѣхалъ въ Башкирію, за Оренбурггъ, въ Сейткулово.

Тамъ жарился въ постоянномъ зноѣ степи, пилъ ведрами изумительное башкирское „бѣлое шампанское" и къ осени вернулся въ Петербургъ молодымъ и здоровымъ.

Съ тѣхъ поръ я ни разу не кашлянулъ подозрительно.

3.

Въ отвѣтъ на это письмо Никаноровъ Коринскій пишетъ:

„Дорогой Николай Георгіевичъ!

Спасибо, спасибо Вамъ за ободреніе. Какъ разъ тотчасъ же по прочтеніи Вашего отвѣта попалъ къ нѣкоему доктору Бѣлоусову, который болѣлъ самъ туберкулезомъ, вылѣчился, имѣетъ уже 60 лѣтъ за плечами и благодушествуетъ. Оказался прекраснѣйшимъ человѣкомъ. И радостно какъ то на душѣ. Глядишь, столько людей поправилось, почему же, молъ, и тебѣ нельзя? На кумысъ врачъ не пустилъ изъ-за высокой температуры. Теперь замѣчаю, что здоровье если не лучше то и не хуже. Развитіе бациллъ какъ бы остановилось. И слава Богу. Вотъ только все свое состояніе пролѣчилъ. Что называется до послѣдняго сантима. Но это дѣло поправимое. Будутъ силы,—будутъ и деньги. Однако, объ этой скучной матеріи довольно. Поговоримъ о „Веснѣ". Каждый новый номеръ беру съ трепетомъ, читаю и радуюсь. Все такъ вкусно и въ большинствѣ случаевъ искренно. Не мало, конечно, у нашей современной молодежи и вывертовъ, но они, какъ я замѣчаю, благоразумно идутъ въ Вашу корзину. И хорошо, что Вы воспитываете изящный вкусъ въ молодежи. Я самъ во многомъ Вамъ благодаренъ за указанія себѣ и другимъ, которыя часто примѣняю къ себѣ. Можетъ быть, нѣкоторымъ самомнительнымъ писцамъ такія указанія и непріятны, но онѣ, во всякомъ случаѣ, полезны очень и очень. Иногда въ той же „Веснѣ" замѣчаешь досадныя юношескія незрѣлости или маленькіе промахи, но про каждое произведеніе невольно говоришь: „что-то есть". И хочется сказать этимъ пишущимъ: „господа! да вы всѣ поэты! Истинные или не истинные—это, конечно, другое дѣло. Можетъ быть и пустоцвѣтовъ много окажется, но пока вы всѣ цвѣтете. Или хочется сказать еще теплѣе: славные мои друзья!

Много васъ, страшно много. Даже жуть беретъ. Долготерпѣливый нашъ редакторъ и тотъ волкомъ отъ насъ взвылъ. Да, много насъ. Затираемъ мы другъ друга въ своей огромной массѣ. Но, все таки, и весело въ этой массѣ. Мы какъ оркестръ птицъ и насѣкомыхъ въ высокой іюньской травѣ. Трещимъ, поемъ, звенимъ, звенимъ, безъ конца звенимъ. И всѣ пѣсни такія радостныя. Прорываются, правда, мрачныя пѣсни скорби и смерти. Это поютъ подстрѣленныя, помятыя и приплюснутыя. Но молодость и не то заживляетъ. Кланяюсь же вамъ земно, славные и неивѣстные друзья мои, за ту красоту, которую вы носите въ душѣ и къ которой все болѣе стремитесь. Кланяюсь вамъ за то, что вы, какъ пчелы, со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, несете лучшій медъ своего сердца въ журнальный улей. И кормите другія души сокомъ и прелестью своихъ душъ. И пища эта настолько хороша, что подчасъ духъ захватываетъ отъ наслажденія. Не меньше никого изъ насъ, конечно, стремитесь къ этой красотѣ невѣдомой и стремитесь, видимо, всю жизнь Вы сами. Это видно по тому, что Вами одинаково сильно владѣютъ и поэзія, и живопись, и театръ. И не хватаетъ человѣческихъ силъ отдаться безраздѣльно сразу всему прекрасному въ мірѣ. Ради Бога не примите всего этого за лесть. Если бы я Васъ не уважалъ за порываніе къ изящному и за теплое отношеніе къ молодымъ дарованіямъ, никогда бы этого не написалъ. Посылаю и на этотъ разъ два стихотворенія, причемъ одно циклистое.

Кланяюсь. Дай Богъ Вамъ долгоденствія.

Никаноровъ-Каринскій.

4.

Какъ голосъ съ того свѣта звучитъ это письмо.

Конечно преувеличеніемъ звучатъ всѣ эти милыя слова умирающаго поэта касающіяся меня лично.

Но то, что онъ говоритъ о „Веснѣ"—правда.

Я съ гордостью и радостью могу сказать:

„Весна" была такою, какою ее описалъ Никаноровъ-Коринскій.

— Была и будетъ.

5.

А вотъ и тѣ два стихотворенія которыя приложены были къ письму.

Одно изъ нихъ—циклъ „Телеграфистъ".

Другое—„Кенассиримъ".

ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

1.

Вступивъ на часы какъ солдатикъ,
Онъ долженъ свой сонъ превозмочь,
И будетъ стучать аппаратикъ
И лента вертѣться всю ночь.
Глубокія сумерки мглисты,
Отпрянули тѣни въ углы,
Бѣгутъ паровозные свисты,
Отрывочны, рѣзки и злы.
О, если-бы были деньжонки,
Уволиться, лечь-бы въ постель;
Дни мугно текутъ, какъ подонки,
И мысль ударяетъ: гдѣ цѣль?
А утромъ пойдетъ умываться,
Пройдетъ мимо кассы и дамъ
И будетъ чуть-чуть улыбаться
Дразнящимъ подъ шляпкой глазамъ.
Прочтетъ на платформѣ приказы
Разсѣянно, какъ невзначай,
Безъ всякой улыбки и фразы
Допьетъ холодѣющій чай.
И смѣнится... желтъ аппаратикъ,
Игрушка, но выйди-ка прочь,
Вступай на часы какъ солдатикъ,
Вступай и работай всю ночь.

2.

Бѣдны, простеньки родители,
Кое-кто доселѣ живъ;
Вотъ начальникъ въ бѣломъ кителѣ
Входитъ, поѣздъ проводивъ.
Рѣзко крякнулъ, кинулъ взорами,
Что-то въ книжицѣ черкнулъ
И опять за семафорами
Въ тепломъ мракѣ потонулъ.
Тяжелы пути желѣзные,
Змѣи сумрачной глуши,
Бездны темныя и звѣздныя,
Точно глубь чужой души.
Спится сумерками мглистыми,
Скоро три часа утра,
Сонно входятъ съ машинистами
Въ тусклый залъ кондуктора.

3.

О эти пестрые флаги
Красныхъ, зеленыхъ цвѣтовъ,
Смерть въ каждомъ словѣ и шагѣ,
Тяжкій развалъ поѣздовъ.
Надо быть зоркимъ и бодрымъ,
Путь неразгадно—далекъ;
Къ лавочкѣ, къ метламъ и ведрамъ
Съ сумкой прильнулъ мужичекъ.
Всѣмъ, видно, скучно и тяжко,
Каждый страдаетъ и ждетъ,
Снова краснѣетъ фуражка,
Снова начальникъ идетъ.
Грузно вагоны во мракѣ
Сонную землю гнетутъ;
Четкіе, ровные знаки
Быстро по лентѣ бѣгутъ...
Точки, тире, промежутки,
Поѣздъ прошелъ семафоръ,
Сумерки глухи и жутки,
Время усилить надзоръ
Трудно просиживать ночку,
Хочется вольно пожить,
Хоть бы поповскую дочку
Что-ли собою плѣнить.
Проще въ провинціи души,
Перевестися легко,
Будетъ свой домикъ и груши,
Куры, цвѣты, молоко.

4.

Или дождаться вакансіи,
Тоже въ движенье уйти,
Будетъ начальникомъ станціи
Гордо стоять на пути,
Въ красной фуражкѣ, увѣренно
Приметъ кондукторскій листъ;
Тьма колыхнулась растерянно,
Утренникъ будетъ лучистъ.
Зарево вспыхнетъ пожарищемъ,
Долго зари не унять;
Надо сходить-бы къ товарищамъ
И на гитарѣ сыграть.

5.

Звенятъ телеграфныя струны,
Какъ будто бормочатъ слегка,
А мысли усталы и юны,
Въ нихъ радость и пылъ и тоска.
Смыкаются вялыя очи,
Какъ вечеромъ никнутъ цвѣты,
Нырнули видѣнія ночи
Въ пространство далекой версты.
Игрою причудливой пѣны
Одѣлъ полусвѣтъ облака;
Бодритъ ожиданіе смѣны
И таетъ ночная тоска.

КЕНАССИРИМЪ.

Я—царь Кенассиримъ! владыки, трепещите
Со всѣми слугами и воинствомъ своимъ,
Скорѣе предо мной съ покорностью падите,
Несите жемчуга, сокровища везите,
Я—царь Кенассиримъ.
Я—царь Кенассиримъ! моей покорна власти
Великая земля съ обиліемъ своимъ,
А я, весь полный силъ, могущества и страсти,
Могу помиловать и изрубить на части,
Я—царь Кенассиримъ.
Отъ сдвинутыхъ бровей моихъ родятся громы
И смертный падаетъ безмолвно-недвижимъ,
Законы жалости мнѣ съ дѣтства незнакомы,
Чужихъ пословъ я гну, какъ пукъ сухой соломы,
Я—царь Кенассиримъ.
Ослушниковъ на колъ! на раны крѣпкой соли!
Пусть знаютъ, какъ претить владыкамъ міровымъ,
И внемлетъ плѣнный міръ моей премудрой волѣ
До самыхъ крайнихъ льдовъ, гдѣ нѣтъ и чаекъ болѣ,
Я—царь Кенассиримъ.
Наложницы мои... такихъ не знали боги:
Богини ихъ подчасъ, со всѣмъ умомъ своимъ,
Имѣли грубый бюстъ, уродливы ноги,
Я плѣнницъ бы такихъ зарѣзалъ на дорогѣ,
Я—царь Кенассиримъ.
Нѣтъ, мой гаремъ не то: невольницы на диво
Подобраны въ дворецъ отрядомъ удалымъ,
И каждая изъ нихъ такъ женственно-красива,
Что я предъ ихъ красой самъ гнуся, какъ олива,
Я—царь Кенассиримъ.
Коня! ничтожный сбродъ толпящійся у трона,
Коня и не шутить съ велѣніемъ моимъ!
Иначе истреблю... на что мнѣ оборона?
На мнѣ и такъ крѣпка монаршая корона,
Я—царь Кенассиримъ.

Н. Никаноровъ-Каринскій

Эпатисты.

1.

Самое поношенное слово нашего лексикона—футуризмъ.

Оно же и самое поносимое.

Вѣдь стало общимъ мѣстомъ доказывать, что футуристы ничего общаго съ futurum не имѣютъ.

Что всѣ они въ perfectum.

Даже въ plusquamperfectum.

Вѣдь они стремятся не только къ идеаламъ, но и къ пріемамъ первобытныхъ дикарей.

Первобытный дикарь краской размалевывалъ себѣ физіономію.

Первобытный дикарь не зналъ въ рисункѣ рисунка и перспективы.

Первобытный дикарь танцовалъ танецъ еще циничнѣе танго.

Первобытный дикарь члено—и—нечленораздѣльными звуками выражалъ свои переживанія.

Первобытный дикарь самъ создавалъ себѣ языкъ.

Первобытный дикарь не умѣлъ сдерживаться и дикіе выходки его напоминали скандалъ нынѣшнихъ „будущниковъ“.

Почему лица, идеалы которыхъ — идеалы дикарей называются будущниками?

Почему они футуристы, а не дикаристы?

2.

Говорить о русскихъ футуристахъ значитъ повторять то, что извѣстно всѣмъ.

Это—группа бездарныхъ молодыхъ людей пожелавшихъ во что бы то ни было „прославиться“.

Для этой цѣли они примѣнили къ себѣ готовую молодую заграничную этикетку и пошли на проломъ.

У нихъ не было ни искренности, ни таланта:

Ихъ не хватило даже на то, чтобы сорганизовать красивый скандалъ.

Но и некрасивыми хулиганскими выходками они заставили говорить о себѣ печать.

Хотя объ нихъ нужно было-бы печатать не въ отдѣлѣ критики, а въ отдѣлѣ происшествій.

Каждое публичное выступленіе русскаго футуризма было для нихъ пирровой побѣдой,—оно показывало всѣмъ ясно, съ кѣмъ имѣешь дѣло и съ чѣмъ.

Съ уголовною хроникою.

Будь среди этихъ рекламистовъ хоть одинъ мало-мальски талантливый человѣкъ, онъ могъ бы натворить великихъ дѣлъ, такъ какъ аудиторія, стосковавшаяся о новомъ, напряженно ждала и внимательно ловила каждый намекъ.

Такой пріятной и удобной аудиторіи, какъ та, которая собралась на футуристическій спектакль въ театрѣ Луна Паркъ давно не бывало.

Спектакль оказался послѣдней пыткой общественнаго долготерпѣнія.

Послѣ него къ „футуристамъ“ ни у кого не осталось интереса.

3.

Но вотъ пріѣхалъ Маринетти—талантливый, живой, остроумный, блестящій лекторъ.

Его выходъ былъ новымъ пораженіемъ нашего доморощеннаго „футуризма“.

Потому что показалъ, какая разница между настоящимъ футуристомъ и доморощеннымъ апплике.

Маринетти заявилъ:

— Молодость всегда права. Даже тогда, когда она говоритъ не правду!

И этимъ блестящимъ афоризмомъ сразу привлекъ къ себѣ молодежь.

Онъ опубликовалъ свой пародоксальный, блестящій, талантливый манифестъ и заставилъ о себѣ спорить съ пѣной у рта.

Манифестъ этотъ касающійся живописи и поэзіи говоритъ о томъ, о чемъ уже давно мы знаемъ отъ Валерія Брюсова: что въ нашъ электрическій вѣкъ и стихи и картины должны быть электрическими:

Прочтите стихотворенія Брюсова въ № 1 „Весны“.

Мы—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой...

Маринетти призываетъ къ тому, что давно уже воспѣвается нашими лучшими поэтами—къ воспѣванію города, къ воспѣванію современности:

Качаясь на стебляхъ высокихъ,
Горя въ преддверьяхъ синема
И искрясь изъ витринъ глубокихъ,
Мы—дрожь, мы—блескъ, мы—жизнь сама!
Что было красочнымъ и пестрымъ,
Мѣняя властнымъ волшебствомъ,
Мы дѣлаемъ безцвѣтно—острымъ.
Живѣй и призрачнѣй, чѣмъ днемъ.
И женщинъ, съ ртомъ, какъ рана, алымъ
И юношей, съ тоской въ зрачкахъ,
Мы озаряемъ небывалымъ
Вѣнцомъ, что обольщаетъ въ снахъ.
Даемъ соблазнъ любви продажной,
Случайнымъ встрѣчамъ—тайный смыслъ;
Угрюмый домъ многоэтажный
Мы превращаемъ въ символъ числъ.
Изъ быстрыхъ уличныхъ мельканій
Лишь мы поэзію творимъ,
И съ нами—каждый на экранѣ,
И, на экранѣ кто,—мы съ нимъ!
Заливъ сіяньемъ современность,
Ее впитали мы въ себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю бренность
Преобразили мы любя...

Для русскихъ поэтовъ ничего новаго нѣтъ въ призывахъ Маринетти.

Потому что они сами давно уже тамъ, куда зоветъ онъ: всю мишуру современной цивилизаціи они изображаютъ любя.

И Бальмонтъ, и Брюнцъ, и Блокъ, Соло губъ и тѣ кто съ ними.

А въ особенности Игорь Сѣверянинъ.

Гдѣ же тутъ футуризмъ? гдѣ futurum, когда это praesens русской поэзіи!

Быть можетъ футуризмъ всего ярче и нагляднѣе выявленъ въ той части манифеста Маринетти, которая касается театра.

Вотъ этотъ наиболѣе любопытный документъ въ прекрасномъ переводѣ М. А. Потапенко.

ПОХВАЛА ТЕАТРУ ВАРЬЕТЭ.

Мы испытываемъ глубочайшее отвращеніе къ современному театру (въ стихахъ, прозѣ или музыкѣ), такъ онъ безсмысленно мечется между историческими воспроизведеніями (фальшь или плагіатъ) и фотографическимъ изображеніемъ нашей повседневной жизни.

Въ то же время мы усердно посѣщаемъ театры Варьетэ (Music Hall'ы, кафешантаны или цирковыя представленія), которые въ наше время одни лишь представляютъ настоящее театральное зрѣлище, достойное дѣйствительно футуристическаго ума.

Футуризмъ признаетъ театръ Варьетэ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Театръ Варьетэ, возникшій одновременно съ нами, къ счастью, не имѣетъ никакихъ традицій, никакихъ учителей или правилъ и питается отъ творчества дня.

2) Театръ Варьетэ, безусловно практиченъ, такъ какъ онъ задается простою цѣлью развлекать и увеселять публику представленіями комическаго, эротическаго или фантастическаго направленія.

3) Авторы-актеры и машинисты театра Варьетэ могутъ существовать и пользоваться успѣхомъ лишь при условіи постояннаго изобрѣтенія новыхъ элементовъ зрѣлища. Отсюда абсолютная невозможность застоя или повторенія, а также усиленное соревнованіе ума и мускуловъ, чтобы превзойти всевозможные рекорды ловкости, быстроты, силы, изобрѣтательности и изящества.

4) Театръ Варьетэ, будучи подходящей средой для безконечной изобрѣтательности, естественно порождаетъ то, что я называю футуристической „чудесностью“, производимой современной техникой. Тутъ одновременно находишь: яркую карикатуру, тонкую, очаровательную иронію, запутанные и опредѣленные символы, потоки неудержимаго смѣха, глубокую аналогію между человѣчествомъ, животнымъ, растительнымъ и неорганическимъ міромъ, умозаключенія смѣлаго цинизма, кружево остроумія, каламбуры и загадки, пріятно освѣжающіе умъ,—цѣлую гамму смѣха и улыбокъ, успокаивающихъ нервы, всѣ градаціи глупости, нелѣпости, слабоумія, незамѣтно граничащія съ безуміемъ, всѣ новѣйшія проявленія свѣта, звука, шума рѣчи съ таинственными и непонятными дальнѣйшими откликами въ наименѣе изслѣдованныхъ центрахъ нашей чувствительности.

5) Театръ Варьетэ представляетъ въ настоящее время плавильную печь, въ которой смѣшаны элементы совершенно новой нарождающейся чувствительности. Въ немъ мы находимъ ироническое отношеніе къ разрушеннымъ первообразамъ Красоты, Величія, Торжественности, Религіозности, Жестокости, Соблазна и Ужаса также, какъ и отвлеченную выработку новыхъ прообразовъ, долженствующихъ придти на смѣну прежнимъ.

Театръ Варьетэ представляетъ такимъ образомъ синтезъ всей той утонченности, съ которой человѣчество проявляетъ свое юмористическое отношеніе къ матеріальному и моральному страданію. Помимо того онъ является кипящимъ сплавомъ всяческаго смѣха, улыбокъ, шутокъ и судорогъ будущаго человѣчества. Въ немъ можетъ быть намѣчается та веселость, которую будутъ испытывать люди черезъ сто лѣтъ, изслѣдованія ихъ живописи, философіи, ихъ взглядовъ и возрожденіе новой архитектуры.

6) Театръ Варьетэ представляетъ наиболѣе

гигиеническое изъ всѣхъ зрѣлищъ, благодаря динамикѣ формъ и красокъ (одновременное движеніе жонглеровъ, танцовщицъ, гимнастовъ, разноцвѣтныя группы наѣздниковъ). Быстрымъ или же длительнымъ ритмомъ танца театръ Варьетэ дѣйствуетъ на самые неподвижные умы, заставляя ихъ выйти изъ оцѣпенѣнія.

Дѣйствіе одновременно происходитъ на сценѣ, въ ложахъ и партерѣ. Оно продолжается подъ конецъ представленія среди толпы поклонниковъ, молодежи, толпящейся у входа на сцену въ погонѣ за „звѣздой“, заканчиваясь роскошнымъ ужиномъ и спальней

7) Театръ Варьетэ является хорошей школой искренности для мужчинъ, такъ какъ въ немъ женщина является безъ всякихъ покрововъ, фразъ, вздоховъ и романтическихъ слезъ, искажающихъ и маскирующихъ ее. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ всѣ восхитительныя животныя стороны женщины, силу ея власти, обольстительности, вѣроломства и сопротивленія.

8) Театръ Варьетэ представляетъ школу героизма благодаря тѣмъ трудностямъ и усиліямъ, которыя приходится превозмогать, что и образуетъ на сценѣ сильную и здоровую атмосферу опасности (какъ напр. „Мертвая петля“ на велосипедѣ, автомобилѣ или на лошади).

9) Театръ Варьетэ есть школа мозговой изощренности, сложности и синтеза благодаря всѣмъ этимъ клоунамъ, фокусникамъ, чтецамъ мысли, молніеноснымъ счетчикамъ, и имитаторамъ и пародистамъ, музыкальнымъ эксцентрикамъ, американцамъ, фантастическая изобрѣтательность которыхъ порождаетъ самые невѣроятные приспособленія и механизмы.

10) Театръ Варьетэ единственная школа, которую можно рекомендовать подростающему поколѣнію и талантливой молодежи, такъ какъ она самымъ нагляднымъ и быстрымъ способомъ выясняетъ наиболѣе загадочныя задачи и сложныя политическія событія.

Напримѣръ: годъ тому назадъ въ Фоли-Бержеръ, два танцовщика изображали нерѣшительность дебатовъ между Кальбаномъ и Киндерле-Вехтеромъ по Марокскому вопросу, посредствомъ выразительнаго, символическаго танца, стоющаго по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ изученія иностранной политики.Оба танцовщика, обращаясь къ публикѣ. съ перекрещенными руками, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, изображали, какъ они взаимно стараются уступать другъ другу мѣсто, прыгая впередъ и назадъ, влѣво и вправо, ни на минуту не разъединяясь, каждый не теряя изъ виду своей цѣли, т. е. желанія поставить другого въ затрудненіе. Они производили впечатлѣніе необычайной учтивости, искусной эквилибристики, свирѣпости, недовѣрія, упорства, невѣроятной дипломатической застѣнчивости.

Кромѣ того театръ Варьетэ ярко иллюстрируетъ и толкуетъ преобладающіе жизненные законы:

a) сплетеніе различныхъ ритмовъ,

b) неизбѣжность лжи и противорѣчій (примѣръ: англійскіе двуликіе танцовщики, пастушки и грозный воинъ),

c) синтезъ быстроты и превращенія (Фреголи),

d) образованіе и разложеніе минераловъ и растеній (появленіе и исчезновеніе свѣтовыхъ объявленій, какъ наиболѣе яркая иллюстрація къ этому).

11) Театръ Варьетэ систематически обезцѣниваетъ идеальную любовь и ея романтическое навожденіе, до пресыщенія повторяя съ монотонностью и автоматичностью ежедневной обязанности о томительномъ однообразіи страсти, вышучиваетъ чувства, здраво осуждаетъ плотское обладаніе, принижаетъ страсть до естественной функціи организма, лишаетъ ее всякой таинственности, ореола страданія и всего нездороваго идеализма.

Театръ Варьетэ даетъ взамѣнъ чувство и вкусъ къ легкой, свободной и юмористической любви. Зрители открытыхъ кафешантанныхъ сценъ присутствуютъ при забавнѣйшемъ состязаніи судорожно дрожащаго луннаго свѣта и электрическаго освѣщенія, ярко отражающагося на фальшивыхъ брилліантахъ, неровной кожѣ, на пестрыхъ юбочкахъ, бархатѣ, блесткахъ и нарумяненныхъ губахъ. Естественно, что сильный электрическій свѣтъ торжествуетъ побѣду, а мягкій, колеблющійся свѣтъ луны принужденъ обратиться въ бѣгство.

12) Театръ Варьетэ разрушаетъ все торжественное, святое, серьезное, возвышенное въ искусствѣ. Онъ способствуетъ предстоящему уничтоженію, безсмертныхъ произведеній, измѣняя и пародируя ихъ, представляя ихъ кое-какъ, безъ всякой обстановки, не смущаясь, какъ самую обыденную вещь. Такимъ образомъ, предстоитъ постановка „Парсифаля“ въ одномъ изъ большихъ лондонскихъ Music-holl'яхъ. Театръ Варьетэ разрушаетъ всѣ наши представленія о времени и пространствѣ. (Примѣръ: небольшая калитка съ рѣшеткою въ 30 сантиметровъ вышины, поставленная посреди сцены, сквозь которую проходятъ нѣкіе американскіе эксцентрики, открывая и затворяя съ вполнѣ серьезнымъ видомъ, какъ еслибъ они и не могли поступить иначе).

13) Театръ Варьетэ представляетъ всевозможные рекорды, достигнутые до сихъ поръ и образцы наиболѣе яркой женской красоты.

14) Театръ Варьетэ вкратцѣ представляетъ всѣмъ странамъ, не обладающимъ одной единственнэй столицей (какъ Италія), блестящее резюме Парижа, считающагося единственнымъ, подавляющимъ вмѣстилищемъ рафинированной роскоши и наслажденій.

Футуризмъ стремится усовершенствовать театръ Варьетэ, превративъ его въ театръ диковинъ и рекордовъ.

1) Необходимо абсолютно уничтожить всякую логичность въ спектакляхъ Варьетэ, замѣтно преувеличить ихъ экстравагантность, усилить контрасты и предоставить царствовать на сценѣ всему невѣроятному. (Примѣръ: заставьте куплетистовъ выкрасить шеи, руки и въ особенности волосы во всевозможные цвѣта, до сихъ поръ считавшіеся не привлекательными. Зеленые волосы, фіолетовые руки, голубая грудь, оранжевый парикъ и т. д.). Прерывайте пѣвицу. Сопровождайте пѣніе романсовъ ругательными и оскорбительными словами. (!! *Прим. ред.*).

2) Необходимо не допускать никакихъ традицій, которыя могли бы утвердиться въ театрѣ Варьетэ. Въ виду этого всячески препятствовать и уничтожать парижскія „Révues“, столь же безтолковыя и утомительныя, какъ греческія трагедіи, съ ихъ „Compère“ и „Commère“, исполняющими роль античнаго хора, съ ихъ процес-

сіями политическихъ персонажей и событій, отличающимися остроумными замѣчаніями и строгой послѣдовательностью и логичностью. Въ дѣйствительности театръ Варьетэ не долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ къ несчастью, является въ настоящее время, почти во всѣхъ случаяхъ—фельетономъ, болѣе или менѣе юмористическимъ.

3) Заставить зрителей партера, ложъ и галлереи принимать участіе въ дѣйствіи. Приводимъ нѣсколько примѣровъ: намажьте какимъ-нибудь крѣпкимъ клеемъ кресла такимъ образомъ, чтобы посѣтитель или посѣтительница, приклеенные къ креслу, могли бы возбудить общую веселость, (испорченное платье, конечно, должно быть оплачено при выходѣ).

4) Продайте одно и то же мѣсто десятку посѣтителей: отсюда задержка, столкновеніе и споры. Раздавайте свободныя мѣста людямъ съ замѣтными причудами, раздражительнымъ или эксцентричнымъ, съ расчетомъ чтобы они могли произвести переполохъ неприличными жестами, приставаньемъ къ дамамъ и другими эксцентричностями.

Посыпайте кресла какимъ нибудь порошкомъ, возбуждающимъ чиханье, чесотку и т. п.

5) Систематически профанируйте классическое искусство на сценѣ, изображая, напримѣръ, всѣ греческія, французскія и итальянскія трагедіи одновременно въ одинъ вечеръ, сокращенными и комически перепутанными вмѣстѣ.

Оживляйте произведенія Бетховена, Вагнера, Баха, Беллини, Шопена, вплетая въ нихъ неаполитанскіе пѣсни. Совмѣстите на одной сценѣ Цаккони, Дузе, Майоля, Сарру Бернаръ и Фреголи.

Исполняйте симфоніи Бетховена съ конца. Поступайте такимъ же образомъ и съ другими, наиболѣе почитаемыми авторами. Поставьте „Эрнани“ съ актерами, завязанными по горло въ кули. Намыльте подмостки такимъ образомъ, чтобы въ самыя трагическія моменты могли произойти забавныя паденія.

6) Поощряйте всячески жанръ американскихъ эксцентриковъ, ихъ гротескные эфекты, поражающія движенія, ихъ неуклюжія выходки, ихъ безмѣрныя грубости, ихъ жилетки, наполненныя всяческими сюрпризами и штанами глубокими, какъ корабельные трюмы, изъ которыхъ вмѣстѣ съ тысячью предметовъ исходитъ великій футуристическій смѣхъ, долженствующій обновить физіономію міра.

Такъ какъ, не забывайте, что мы, футуристы, принадлежимъ къ числу пылкихъ, юныхъ воителей и, какъ сказано въ нашемъ манифестѣ „уничтожимъ лунный свѣтъ“.

4.

Въ первой половинѣ этого манифеста Маринетти говоритъ о томъ что разъ Америка открыта, надо ею пользоваться.

Разъ варьете открыты надо въ нихъ ходить.

Но они ломятся въ открытую дверь.

То что онъ говоритъ о театрѣ-варьете относится въ ровной, если не въ большей мѣрѣ къ электрическому театру-кинематографу!

Широкая публика уже предпочитаетъ его обыкновенному театру.

Это не futurum а praesens.

Дѣти самаго театральнѣйшаго вѣка—Максъ Рейнгардтъ, Монеси и Бассерманъ, что кинематографъ подлинное искусство.

„Играющіе хороши какъ въ театрѣ, такъ и въ кинематографѣ выполняетъ задачу подлиннаго искусства. Тотъ кто думаетъ иначе и понятія не имѣетъ о трудности кинематографической игры“.

5.

А развѣ стихи нашихъ современныхъ поэтовъ не электростихотворенія.

Развѣ въ стихахъ того же Валерія Брюсова мы не присутствуемъ при состязаніи судорожно дрожащаго луннаго свѣта и электрическаго освѣщенія, ярко отражающагося на фальшивыхъ брилліантахъ, неровной кожѣ, на пестрыхъ юбочкахъ, бархатѣ, блескахъ и нарумяненныхъ губахъ!

Развѣ электрическій свѣтъ не празднуетъ побѣдъ надъ луннымъ!

Развѣ поэтъ не ставитъ посреди луны калитки съ рѣшеткой въ 30 сантиметровъ и не проходитъ сквозь нея съ серьезнымъ видомъ открывая и закрывая ее, какъ будто онъ не можетъ перешагнуть черезъ нее.

Развѣ современный поэтъ систематически не „обезцѣниваетъ идеальную любовь и ея романтическое навожденіе, до пресыщенія повторяя съ монотонностью и автоматичностью ежедневной обязанности о номинальномъ однообразіи страсти, вышучиваетъ чувства, здраво осуждаетъ плотское обладаніе, принимаетъ страсть до естественной функціи организма, лишаетъ ее всякой таинственности, ореола страданія и всего нездороваго идеализма“.

Почему все это futurum!

Это praesens.

И даже praesens historicum.

6.

Поэзія какъ и театръ должна быть поэзіей диковинъ и реккордовъ.

Но и это уже есть.

Нынѣшніе поэты только и заботятся какъ бы épater!

И эпатируютъ не ради будущаго, но для futurum.

А ради настоящаго—praesens!

Они ловятъ моментъ.

Какъ и самъ Маринетти.

Не футуристы они, а моменталисты.

Какъ самъ Маринетти, не футуристъ, а презенталистъ, моменталистъ, эксцентрикъ, эпотистъ,—какой угодно и дайте ему и оно будетъ удачнѣе чѣмъ футуристъ.

Эпатистъ вотъ слово которымъ я предлагалъ замѣнить ничего не говорящее слово футуристъ.

Epater буквально значитъ отбивать ножку у рюмки, стуча ею о столъ.

Въ переносномъ смыслѣ это значитъ обращать на себя вниманіе все равно какимъ чудачествомъ.

Чудачества, несомнѣнно, эксцентричнаго ищетъ эпатистъ.

И, если онъ талантливъ, онъ желанный гость въ нашемъ пиру.

А если онъ безъ таланта, какъ наши футуристы, „забросаемъ его гнилыми яблоками“.

Эпатистъ.

С. Судейкинъ.

Поэзоконцерты.

(Статья Пимена Карпова).

Если подразумѣвать подъ словомъ „футуризмъ“—взрывъ чувствъ, вдохновеніе, новые горизонты, новую, дотолѣ невѣдомую красоту, то — каждый поэтъ футуристъ, иначе онъ не поэтъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Фетъ, вдохновенно проложившіе столько новыхъ загадочныхъ и манящихъ путей къ предвѣчной красотѣ, пользуясь для этого *новыми*, неожиданными словами, оборотами рѣчи, намеками,—футуристы въ подлинномъ смыслѣ, и было-бы ложью и оскорбленіемъ памяти великихъ поэтовъ называть ихъ просто стихотворцами, сочинителями и т. д., какъ эго дѣлалъ прежде (Писаревъ) да и теперь дѣлаетъ нигилистическая критика. Такъ называемые трезвые (т. е. ограниченные) реалисты любятъ ссылаться на Толстого, Тургенева, Достоевскаго—вотъ, молъ, реалисты. Но прочтите любое описаніе весны, пробуждающейся природы у Толстого, у котораго здѣсь все дышитъ мистическимъ чувствомъ, прочтите „Клару Миличъ“ Тургенева, не говоря уже о всемъ Достоевскомъ, соприкасавшемся „мірамъ инымъ“—ради Бога, гдѣ-жъ тутъ реализмъ?

Итакъ, всѣ поэты—мистики и футуристы. Но, впрочемъ, дѣло не въ кличкахъ и ярлыкахъ. Игорь-Сѣверянинъ не оттого вѣдь пѣснопѣвецъ-поэтъ, что объявилъ себя „эго—футуристомъ“, а оттого, что Богъ вложилъ въ него при рожденіи душу поэта. Я встрѣчалъ его стихи еще задолго до пресловутаго футуризма, когда поэтъ выпускалъ „тетрадь тридцать третью тома двадцать четвертаго“ (что-то въ этомъ родѣ)—стихи эти были такъ-же ярки, оригинальны и трогательны, какъ и теперь. Но критика замалчивала ихъ. Это было обидно, и можно извинить поэта, что онъ рѣшилъ пойти на дерзость, на крайность, даже на скандалъ, чтобы добиться вниманія. Именно этимъ объясняется его величаніе себя „геніемъ“, печатаніе на обложкахъ книжекъ сногшибательныхъ извѣщеній о томъ, что „свѣто-

зарный Игорь Сѣверянинъ интервьюеровъ (40 тысячъ!) принимаетъ тогда-то и тогда-то, И этимъ-же объясняется его—то приклеиваніе къ себѣ, то отклеиваніе футуристическаго ярлыка (нѣсколько разъ онъ вступалъ и выходилъ изъ кружка футуристовъ). Теперь, кажется, основательно утвердился въ эго футуризмѣ.

Если эго-футуризмъ—не ярлыкъ, то его можно привѣтствовать. Поэтъ всегда долженъ быть индивидуальнымъ, т. е. внутренно свободнымъ, всегда долженъ творить, не связывая себя ничѣмъ. А ужъ Богъ позаботится чтобы достояніе поэта было всенароднымъ. Ибо, поэзія—дыханіе Бога. Народъ-ли не пойметъ поэзіи, пусть и неясной, но истинной? онъ-ли, кто живетъ Богомъ и тайнами, не постигнетъ, поэта Божьей милостью? Какой абсурдъ! Нигилисты считаютъ бредомъ всю Библію, народъ-же ею живетъ.

Въ кружкѣ эго-футуристовъ истинные поэты Божьей милостью; это—Игорь Сѣверянинъ и Дмитрій Крючковъ. Недавно—всѣ газеты обошло извѣстіе объ ихъ „поэзо-концертахъ“. Мысль удачная. Кому-же и свѣтить съ эстрады, кому-же и будить „преступно-равнодушную“ толпу, какъ не поэтамъ?

Но знаютъ-ли они, что тутъ неизбѣжно явятся гешефтмахеры, которые предупредятъ и осквернятъ само имя поэта?

Такъ, кажется и случилось.

Объ этомъ повѣствуетъ И. Сѣверянинъ въ № 3 „Очарованнаго Странника“. Какой-то „парень въ желтой кофтѣ“, выдавъ себя за „розоваго слона“, примазался къ поэту, и тотъ,

Какъ поводырь, повелъ по Крыму.
Столь розовѣвшаго слона.

Въ результатѣ „желтокофтецъ“. слонъ, оказавшійся „изъ гутаперчи“ обдѣлалъ дѣльце, поэту-же ничего не оставалось, какъ утѣшать себя:

Поэтъ! поэтъ совсѣмъ не дѣло
Ставать тебѣ поводыремъ.

Но подробнѣе обо-всей этой трагикомедіи, о поэтахъ и гешефмахерахъ—„желтокофтцахъ“,—въ „Одесскихъ Новостяхъ“.

«ЭГО» и «КУБО».

Тѣснымъ сплоченнымъ кружкомъ сошлись въ мирной бесѣдѣ гости-футуристы: тутъ и одаренный Игорь Сѣверянинъ, и теоретикъ новаго теченія «директоръ» издательства «Очарованный странникъ» и Викторъ Ховинъ, и «лирикопоэтъ» Вадимъ Баянъ, и, наконецъ, «первая артистка-футуристка» Эсклармонда Орлеанская—всѣ «лучезарно» соучаствовавшіе въ «поэзо-концертѣ». Все это не кубо, а эго-футуристы, а это не одно и то же!

— Въ чомъ разница и гдѣ точки соприкосновенія?

— Въ томъ-то и дѣло,—замѣчаетъ Игорь Сѣверянинъ,—что никакихъ точекъ соприкосновенія и нѣтъ! Мы совершенно не признаемъ ихъ!

— Но въ состоявшемся уже выступленіи кубо-футуристовъ въ Одессѣ, кажется, предполагалось и ваше участіе?

— Да, дѣйствительно, было время, когда я считалъ возможнымъ наши совмѣстныя выступленія. Но ничего не вышло! Поѣхали мы вмѣстѣ, посѣтили рядъ городовъ. Одно время держали себя прилично! Но потомъ, какъ пошли они расписывать свои физіономіи, появились эти золоченые носы, желтые кофты и проч.—я понялъ, что намъ не по пути.

Они очень рѣзко, въ выраженіяхъ, не допускающихъ различныхъ толкованій, отмежевываются отъ тѣхъ «смѣяльныхъ смѣхачей», которые уже почтили Одессу своими изліяніями.

Межъ нами нѣтъ и не можетъ быть никакой связи—подхватываетъ въ качествѣ теоретика Викторъ Ховинъ.—Собственно, общее только названіе. Но тутъ уже ничего не подѣлаешь. При зарожденіи того или другого теченія никто не застрахованъ, что не появятся спекулянты на новаторство, которые позаимствуютъ новое названіе. Эго-футуризмъ возникъ еще въ 1911 г., внѣ всякой связи даже съ итальянскимъ футуризмомъ. Если можно связать его съ какимъ-нибудь изъ предшествовавшихъ литературныхъ теченій, то развѣ только съ декадентствомъ, въ отношеніи котораго—по крайней мѣрѣ насколько можно говорить объ его формахъ въ теченіе послѣдняго времени—мы занимаемъ оппозиціонное положеніе. Декаденты какъ-то расчленились на двѣ различныя группы, изъ коихъ одна (Ивановъ, Чулковъ) ушла въ сторону теоретизма, другая (Мережковскій и др.) круто повернула назадъ къ общественности. Эго-футуристы протестуютъ какъ противъ одного превращенія, такъ и противъ другого. Мы служимъ прежде всего свободному искусству, не знающему другихъ лозунговъ, кромѣ творческой свободы. Поэтому наша школа и сводится прежде всего къ совершенному отсутствію какой бы то ни было школы. Эго-футуристы интуитичны, они интуитивно воспринимаютъ творчество, индивидуально оцѣнивая его каждый по своему.

— Я скажу: прекрасенъ Пушкинъ! Вы же возносите лиру Лермонтова! И мы никогда не сумѣемъ переубѣдить другъ друга. Вѣдь доказать прекрасное—невозможно! Такъ же интуитивно относимся мы къ словотворчеству. Въ порывѣ вдохновенія, въ моментъ подъема поэтъ рождаетъ новое слово, относительно котораго тоже не можетъ быть одной какой-либо оцѣнки, потому что оно воспринимается индивидуально. Я, напр., понимаю красоту новыхъ словъ Игоря Васильевича—«олуненный», «центритъ», «озерзамокъ» и т. д. Однако же, никогда истинное его творчество не можетъ принимать такихъ формъ, въ какія вылилось оно у нашихъ кубистовъ. У нихъ вы найдете цѣлое стихотвореніе, сплошь состоящее изъ новыхъ словъ. Это ужъ совершенно мѣняетъ дѣло. Это не та творческая жажда освѣженія, что родитъ новыя формы—это просто надуманное, нарочито проводимое экспериментаторство. Возьмите, напр., это новое слово «Сарча-Бухра» Крученыхъ! Не то, собственно, важно, что они золотятъ свои носы и выступаютъ въ желтыхъ кофтахъ! Это куда еще ни шло! Гораздо ужаснѣе ихъ литература, какъ они пакостятъ слово, книгу. Ну, что значитъ «Сарча-Бахра»? Кто знаетъ? Вчитываешься, и ничего не понимаешь!

— Я тоже какъ-то рѣшилъ одолѣть писанія кубистовъ—разсказываетъ Игорь Сѣверянинъ.—Я посвятилъ имъ три недѣли, изучалъ, вчитывался, размышлялъ,—но такъ ничего и не понялъ! Почему слово «лилія» должно быть замѣнено словомъ «уэль»? Нѣтъ, это все люди конченные, съ смущенной душой, извѣрившіеся, безнадежные. Или, того и гляди, просто спекулянты!..

— И вотъ трагизмъ нашего положенія—волнуется Викторъ Ховинъ.—Мы больше, чѣмъ кто бы то ни было, ненавидимъ кубо-футуристовъ! И насъ-то именно и смѣшиваютъ съ этими обывателями, которые вздумали придти въ литературу, чтобы создать что-то новое, въ то время, какъ у нихъ и предъявить-то нечего... Вотъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ экспериментовъ Бурлюковъ!

И долго еще они, наперерывъ другъ предъ другомъ, варьировали на разные лады свои безконечныя расхожденія съ кубизмомъ и его странными адептами...

Неудивительно, что „публика“, толпа („преступно-равнодушна“) смѣшавъ поэтовъ, истинныхъ писателей и творцовъ красоты съ гешефтмахерами, отвергаетъ всѣхъ и вся. Есть впрочемъ и чуткія души, что идутъ навстрѣчу поэтамъ. Но истинныхъ цѣнителей такъ мало.

НАСТОЯЩІЕ.

(На поэзо-концертѣ эго-футуристовъ).

Да, это они, настоящіе футуристы. Безъ пунцовыхъ кофтъ и размазанныхъ носовъ и лбовъ. Съ серьезнымъ намѣреніемъ ознакомить съ собою и своимъ творчествомъ публику, но публика разсыпалась жиденькими горсточками по просторному залу. И это говорило о матеріальной неудачѣ вечера. Разложенію декаданса и возрожденію футуризма докладчикъ г. Ховинъ посвящаетъ цѣлый часъ, минуя недостойные выпады противъ «подлой критики», журналовъ, «этихъ торгово-промышленныхъ базаровъ», «уличной прессы» и т. п. Докладъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ.

Первая часть—надгробная литія декадансу. Рожденное еще К. М. Фофановымъ декаденство процвѣтало, пока исходилъ изъ протеста противъ утилитаризма въ искусствѣ. Но едва оно сошло со стези индивидуализма, какъ стало хирѣть. Бальмонтъ принялся за скверные политическіе стихи. Блокъ измѣнилъ своимъ мотивамъ. Дальше

пошло еще хуже. «Символизмъ не хочетъ быть только искусствомъ»,—заявилъ Вячеславъ Ивановъ. «Въ наши дни нужно больше любить Некрасова, чѣмъ Пушкина»—сказалъ Мережковскій. И самъ Антонъ Крайній чье имя такъ связано съ декадентствомъ, заговорилъ о «дѣлѣ», о «словахъ одобряющихъ». Потому это вылилось въ „чудовищное позорное письмо“ М. Горькаго о Художествен. театрѣ: «искривленная душа,—чѣмъ въ ней любоваться», писалъ о постановкѣ Достоевскаго. А—«квити-оздоровители», критики съ теплымъ сердцемъ» все оправдывали и все привѣтствовали Оффиціальное о кончинѣ декаданса возвѣстили «Вѣсы». И надгробное слово заканчивалось исторической аналогіей. «Кому оставляешь ты власть» спросили у умирающаго Александра Великаго—«достойнѣйшему»—отвѣтилъ монархъ.

Читатель. конечно, догадывается, что этотъ« достойнѣйшій»—эго-футуризмъ. Никто иной,—доказывалъ референтъ. За аргуминтаціей г. Ховина остается, въ видѣ предательскихъ слѣдовъ, рядъ вопіющихъ противорѣчій. недоумѣнныхъ вопросовъ. Почему столпы декадентства именно въ наши дни свернули на путь »ободряющихъ словъ». порыва къ «дѣлу» Почему мистикъ-богоискатель Мережковскій взыскуетъ гражданской поэзіи Некрасова. Что это «сумерки божковъ», развалъ душъ или всплескъ «духа живого», голодъ и жажда гражданскаго возрожденія. И почему уже не «подлая критика», а самъ лучезарный г. Ховинъ дѣлаетъ явную подтасовку въ освѣщеніи извѣстнаго выступленія Горькаго. Онъ будто бы не знаетъ, что Горькій выступалъ противъ инсценировки не всего вообще Достоевскаго, а только тѣхъ его произведеній, гдѣ выражена его «искривленная душа», которую, какъ наготы, Ноя, надо прикрыть, а не выставлять наружу.

Но не замѣчая оставленныхъ слѣдовъ, по которымъ такъ легко придти къ цесоссоятельности чистѣйшаго индивидуализма, «индивидуализма въ напряженіи», какимъ точно взятымъ на прокатъ графскимъ гербомъ украшенъ эго-футуризмъ,—г. Ховинъ продолжаетъ восхвалять «Вифлеемскую звѣзду» искусства. Правда, онъ даетъ очень красочные портреты поетовъ своей группы. Вотъ Игорь Сѣверянинъ, творящій «лунофейную сказку». Ему чудятся «росные туманы» липовые мотивы, всхлипы улицъ. Онъ иногда увлекается душой города (урбанизмъ) демимонденкой. Футуристическій гимнъ городу действительно ярокъ и новъ:

Солнце. Моторы. И грохотъ трамвайный.
Гулы. Шуршанье безчисленныхъ ногъ,
А наверху голубой и безкрайный
Блѣдный, магическій, древній цвѣтокъ.
Сумракъ. Лученье. Поющіе свѣты.
Улицы точно ликующій залъ.
Смѣхи улыбки. Наряды. Кареты,
А наверху—березовый опалъ.
Тѣни. Молчанье. Закрытыя двери.
Женщины. Вскрики. Темно и темно
Прежнее. Страхи и власть суевѣрій,
А на верху до истомы черно.

Игорь Сѣверянинъ, пророчествуетъ г. Ховинъ, не будетъ родоначальникомъ школы. Онъ только провозвѣстникъ, т. к. эго-футуризмъ—отрицаніе школы.

Эго футуристъ Дм. Крючковъ— аскетъ, затворникъ («надѣла любовь мнѣ кровавую схиму...»), любитъ природу, любитъ лѣсофею и чуждъ демимонденкѣ. Какъ яркій индивидуализмъ, борется съ неуловимымъ логизмомъ. Вадимъ Шершеневичъ, ничего не знаетъ о лѣсофеѣ, онъ урбанистъ, влюбленный не въ самый городъ, а въ «столбцы афишъ», въ гримассѣ города· «Мои стихи есть бронза пепельницъ, куда бросаю пепелъ я», говоритъ Шершеневичъ. Вадимъ Баянъ себя опредѣляетъ такъ: «Я геній, страстью опьяненный, огнемъ экзотикъ развращенный. Я экзаотическій поэтъ»...

Вотъ почти и вся группа футуристовъ, объединившаяся вокругъ издательства «Очарованный странникъ. Нѣсколько расхолаживающее заключеніе даетъ г. Ховинъ продемонстрированный галлереѣ эго футуристовъ.

Никто изъ нихъ,—говоритъ онъ, не создалъ большого и всѣ тяготѣютъ къ Игорю Сѣверянину».

Выступающая въ концертномъ отдѣленіи г-жа Эсклармоода Орлеанская, юная, изящная и довольно трогательно, съ какою-то подкупающей нѣжностью читающая стихи артиста.

Ей много апплодируютъ, особенно молодежь. Вадимъ Баянъ, юный бѣлокурый, съ едва опущеннымъ лицомъ, сологубовской тихій мальчикъ», читающій стихи тихо, съ уставленнымъ вверхъ мечтательнымъ взглядомъ.

Игоря Сѣверянина встрѣчаютъ оваціями. Его знаютъ. Ему громко заказываютъ его стихи. Онъ баритональнымъ голосомъ напѣваетъ свои стихи. Сначала странно слышатъ этотъ примитивный и заунывный напѣвъ: «Оттого что груди женскія, тамъ не груди, а дюшессъ». Но потомъ замѣчаешь, что сама мелодичность стиха переходитъ въ напѣвность. И это пріемлемо.

Вообще-же эго-футуристическіе тріо-Эсклармонда Орлеанская, Вадимъ Баянъ и Игорь Сѣверянинъ—по просту богато одаренная молодежь, достаточно культурная, внимательная, дружная, пріятная на видъ, для слуха. И въ этомъ ея несомнѣнный успѣхъ у публики.

Но при чемъ тутъ революція въ искусствѣ, Вифлеемская звѣзда, эго-футуризмъ или, какъ любилъ спрашивать амфитеатровскій профессоръ: «А почему сіе важно, въ пятыхъ.

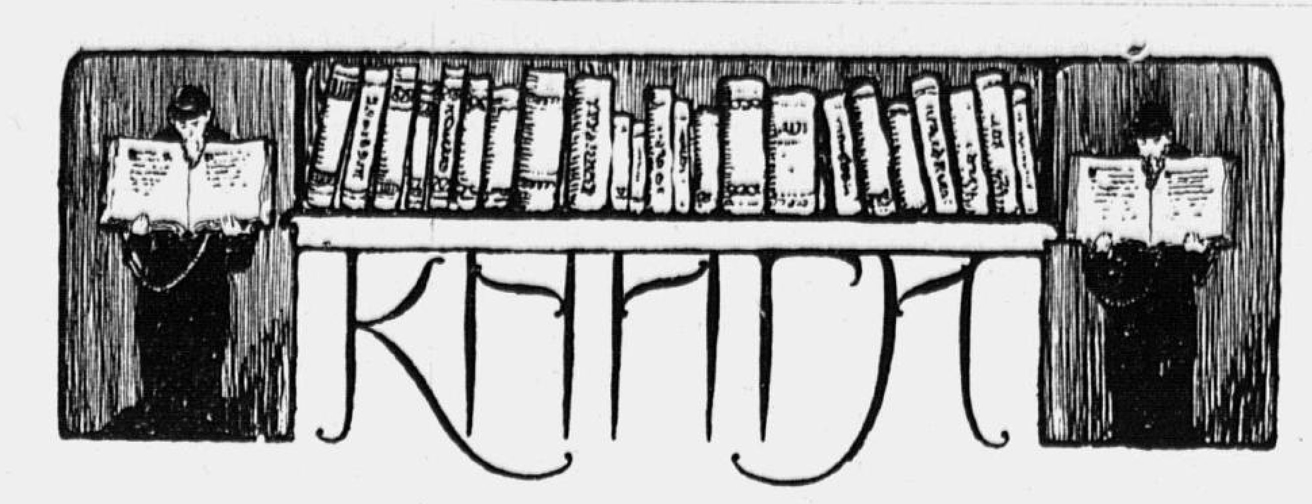
Ал. К—ій.

Повторяю, мысль о выступленіяхъ поэтовъ съ эстрады, о поѣздкахъ ихъ по городамъ и даже весямъ—вѣрна и жизненна. Въ древности поэты также ходили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе напѣвали жадно внимавшему имъ народу свои саги и пѣсни.

Иногда недостаточно прочесть про себя въ книгѣ вещь. Нужно къ зрительному прибавить нѣчто слуховое, и притомъ изъ другого міра, изъ міра и души, родившихъ эту вещь, чтобы углубить въ своей душѣ смыслъ постигаемаго. Тутъ просто взглядъ, легкій жестъ, дрожь и тонъ голоса, поэта, напѣвающаго (какъ Игорь-Сѣверянинъ) или декламирующаго свои стихи можетъ сказать больше встократъ чѣмъ бездушныя буквы.

Пименъ Карповъ.

Чудесные вымыслы

Д. С. Дарскій какъ разъ кстати посвятилъ цѣлую книгу „Чудеснымъ вымысламъ“ несправедливо забытаго, недоцѣненнаго и даже не оцѣненнаго вообше поэта нашего Тютчева.

Между тѣмъ онъ не только лирикъ, но и проповѣдникъ теоріи, которую изслѣдовалъ и Достоевскій, и Нитцще, и Вильде д-Лиль-Аданъ, и Беккъ, и древніе іоги.

Сущность этой теоріи красиво и ясно разсказана въ предисловіи къ „Чудеснымъ Вымысламъ“.

„Земная жизнь есть процессъ перерожденія“.

Такими словами высказалъ Достоевскій свою самую кровную и трагическую идею.

Всю жизнь носилъ ее въ одиночествѣ, изъ нея питалось все его творчество, ея неуловимымъ духомъ овѣяны его писанія. Но рѣдко и всегда недомолвками и косноязычно выговаривалъ ее открыто,—и какъ-ко стыдливо, съ больною напряженностью. Точно боялся, что слишкомъ громко назвавъ ее, онъ разрушитъ ея незрѣлую дѣйственность, разсѣетъ темноту и молчаніе, гдѣ ей надлежало еще выростать до времени. И только иногда неясной рѣчью или бѣглой замѣткой пріоткрывалъ ее.

„Мы, очевидно, существа переходныя, и существованье наше на землѣ есть, очевидно, процессъ, безпрерывное существованье куколки, переходящей въ бабочку“.

Таково было убѣжденіе Достоевскаго въ неминуемомъ преображеніи человѣческой природы. въ ея коренномъ обновленіи.

И его западный братъ и единомышленникъ Нитцще тѣмъ-же прорицаніемъ начинаетъ свою проповѣдь;

„Я учу васъ сверхчеловѣку. Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть преодолѣно„, А издалека еще третій голосъ присоединяется къ нимъ, родившійся среди норвежскихъ скалъ. голосъ „сѣвернаго богатыря“, голосъ Ибсена:

„Близко то время, когда людямъ не придется умирать, чтобы жить на землѣ, какъ боги“.

И тотъ-же голосъ предрекаетъ наступленіе „третьяго царства“.

Наконецъ, Вилье де-Лилль Аданъ бросаетъ свои заклинанья въ сонмѣ геніевъ.

„Боги тѣ, которые не сомнѣваются. Подобно имъ уходи вѣрой въ несозданное. Стань цвѣткомъ самого себя“.

И далѣе:

„Одухотвори свою плоть.. возвеличь себя“

Надо быть совершенно лишеннымъ слуха ко всему высшему. чтобы не внять этимъ согласнымъ предвѣщаніямъ провидцевъ. Человѣчество, видимо, приблизилось къ новымъ областямъ, пока скрытымъ за поворотомъ, и вотъ передовые развѣдчики ихъ увидали, другъ съ другомъ перекликаются и посылаютъ вѣсти идущимъ слѣдомъ. Многіе другіе признаки даютъ знать, что „исполнились сроки“, и ничтожное разстояніе отдѣляетъ насъ отъ неизмѣримыхъ перемѣнъ. Безпокойство самое нервное и неизъяснимое расходится все болѣе широкими кругами, упорныя предчувствія вызываютъ въ наиболѣе впечатлительныхъ невразумительныя признанія и дерзновенныя попытки и,—какъ всегда бываетъ наканунѣ міровыхъ переворотовъ.—острѣе и непримиримѣе переживается недовольство старымъ.

Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ переворотахъ. которые установятъ новую эпоху въ исторіи, но о тѣхъ глубочайшихъ, измѣненіяхъ, которыя совершатся въ самой психикѣ человѣка. Именно, въ такое „перерожденіе“ вѣровалъ Достоевскій, его же предсказывали другіе. И вотъ встаютъ самые пугливые и страшные вопросы: въ чемъ выразится предстоящее преобразованіе души, какіе новыя способности она пріобрѣтетъ, въ какомъ нарядѣ выпорхнетъ изъ своего кокона бабочка.

За послѣдніе годы въ философской литературѣ появился терминъ которому, несомнѣнно принадлежитъ великое будущее: это „космическое“ или „вселенское чувство“.

Канадскій психіатръ Бэккъ, который впервые ввелъ этотъ терминъ, видитъ въ космическомъ чувствѣ высшую фазу въ развитіи человѣческаго духа.

По мнѣнію Бэкка, существуютъ три формы или степени сознанія:

1) простое сознаніе, которымъ обладаютъ высшія животныя,

2) самосознаніе, которымъ надѣленъ человѣкъ,

3) космическое сознаніе.

„Характерной чертой космическаго сознанія является, прежде всего, чувство космоса, т.-е. міровой жизни и ея порядка; и въ то-же время это интеллектуальное прозрѣнье, которое одно можетъ перевести индивидуума въ новую сферу существованія; къ этому присоединяется состояніе особой моральной экзальтаціи, непосредственное чувство душевнаго возвышенія, гордости и радости; нужно прибавить еще обостренность нравственнаго чутья, не менѣе важную для нашей духовной жизни, чѣмъ просвѣтленность разума, и наконецъ, еще то, что можно было-бы назвать чувствомъ безмертія, сознаніемъ вѣчности жизни и не въ формѣ убѣжденія, что такая жизнь будетъ у меня, а какъ сознаніе, что она у меня уже есть“.

„Космическое сознаніе состоитъ въ сознаніи того, что космосъ состоитъ не изъ мертвой мате-

ріи, управляемой безсознательнымъ, неизмѣннымъ и безцѣльнымъ закономъ, а наоборотъ—нематеріаленъ, духовенъ и живъ. Космическое сознаніе есть сознаніе того, что идея смерти нелѣпа, что все и всѣ имѣютъ вѣчную жизнь, что Богъ есть вселенная, и что вселенная есть Богъ, и ничто никакое зло никогда не входило и не войдетъ въ нее. Значительная часть этого съ точки зрѣнія человѣческаго сознанія нелѣпа, но между тѣмъ это вѣрно".

Въ результатѣ своихъ изслѣдованій Бэккъ приходитъ къ убѣжденію, что новое человѣчество уже наслѣдуетъ землю. И онъ называетъ тѣхъ, кто уже озаренъ совершеннымъ сознаніемъ: это основатели религій, пророки, философы и поэты.

Пересмотрѣть съ точки зрѣнія именно такой эволюціи духа произведенія великихъ творцовъ является самой настоятельной и насущной задачей современной критики. Попытки разглядѣть въ безсмертныхъ твореніяхъ проявленія вновь образующихся духовныхъ свойствъ неузнаваемо рисширили и обогатили-бы кругъ литературной мысли привели-бы къ установленію небывалой связи между искусствомъ и жизнью, по новому освѣтили-бы пути будущаго.

Такую попытку и дѣлаетъ В. С. Дарскій и находитъ, что нѣтъ источника болѣе обильнаго для указанныхъ изученій, нежели лирическія пьесы Тютчева.

Среди русскихъ поэтовъ нѣтъ другого, кто бы съ одинаковой полнотой испыталъ тѣ верховныя состоянія, которыя выше были обозначены именемъ космическаго чувства. И если у всѣхъ остальныхъ поэтовъ это чувство, ярче или слабѣе выраженное, таится въ подпочвенной глубинѣ, какъ необходимая психологическая предпосылка творчества, то у Тютчева оно становится объектомъ творчества воспроизведенія.

Психологическое изученіе Тютчева особенно облегчается насквозь субъективнымъ и непроизвольнымъ характеромъ его произведеній.

Тютчевъ какъ-бы оправдалъ на себѣ афоризмъ Нитцше:

„Лучшимъ авторомъ будетъ тотъ, кто стыдится стать писателемъ".

„Поэзія не была для него сознанною спеціальностью,—говоритъ о Тютчевѣ его біографъ Аксаковъ,—общественнымъ, официальнымъ положеніемъ или-же такою обязанностью. которую и самъ поэтъ признаетъ за собой, признаютъ и другіе за нимъ".

„Онъ былъ поэтъ по призванію, которое было могущественнѣе его самого. но не по профессіи".

„Стихи у него не были плодами труда, хотя-бы и вдохновеннаго, но все же труда, подъ часъ даже усидчиваго и иныхъ поэтовъ. Когда онъ ихъ писалъ, то писалъ невольно, потому что онъ не могъ не написать: вѣрнѣе сказать, онъ ихъ не писалъ, а только записывалъ. Они не сочинялись, а творились. Они сами собой складывались въ его головѣ, и онъ только ронялъ ихъ на бумагу на первый попавшій лоскутъ".

„Его поэзія... субъективна; ея поводъ—всегда въ личномъ ощущеніи, впечатлѣніи и мысли; она не способна отрѣшаться отъ личности поэта и гостить въ области вымысла, въ мірѣ внѣшнемъ, отвлеченномъ, чуждомъ его личной жизни. Онъ ничего не выдумывалъ, а только выражалъ.

„Изъ глубочайшей глубины его духа била ключемъ у него поэзія, изъ глубины, недосягаемой даже для его собственной воли; изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка"...

Такія свойства Тютчевскихъ произведеній даютъ возможность отнестись къ нимъ безъ подозрительности и предосторожности, безъ всякой боязни ошибочныхъ заключеній, позволяютъ довѣриться имъ какъ подлинному, безыскусственному, еще свѣжему, еще не остывшему психологическому матерьялу.

Автора „Вымысловъ" надо поблагодарить за то, что онъ взялъ на себя трудъ заплатить Тютчеву нашъ долгъ,—долгъ долгомолчанія.

Изученіе лирики Тютчева составляетъ неотложную, на полвѣка запоздавшую обязанность критической литературы.

„Одинъ изъ величайшихъ лириковъ,—по словамъ Фета,—существовавшихъ на землѣ," Тютчевъ едва понаслышкѣ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ интеллигентнаго общества.

Положить конецъ этому позорному явленію долгъ каждаго кто-бы ни полюбилъ несравненнаго поэта.

Сейчасъ у меня на столѣ лежитъ книга „Новый человѣкъ" А. А. Суворина, „Основа міросозерцанія индійскихъ іоговъ" Іога Рамогарака и Хатха Іога" того же мудреца.

Всѣ они говорятъ на разныхъ языкахъ ободномъ и томъ-же о чемъ и поэзія Тютчева—о „космическомъ сознаніи".

Эпиграфомъ „Основамъ" должны стоять такія строки:

Ети слова могъ бы написать и Тютчевъ.

Да и написалъ уже.

Этотъ міросозерцатель дошелъ до той-же проповѣди молчанія, о которой толкуютъ и іоги.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ-ли онъ, чѣмъ ты живетъ?
Мысль изреченная есть ложь...
Взрывая ими возмутить ключи:—
Питайся ими и молчи!..

Пынтеистическія теоріи іоговъ помимо красоты, благородства и предвѣдѣнія божества сейчасъ широкой волной разливаются по Руси и Европѣ.

Особенно красиво изложилъ ученіе Будды въ видѣ афоризмовъ ученикъ іога Рамакришны Вивскананда:

Знай, о ученикъ, что тѣ которые прошли черезъ молчаніе и почувствовали его міръ и удержали его силу, хотятъ, чтобы ты тоже прошелъ черезъ него. Поэтому, кто способенъ войти въ храмъ знаній всегда найдетъ тамъ своего учителя».

(«Свѣтъ на пути»).

1. Человѣкъ рожденъ завоевать природу, а не слѣдовать за ней. Двѣнадцать львовъ могутъ овладѣть вселенной, милліонъ овецъ не сдѣлаетъ этого.

2. Воля человѣка не свободна—она есть явленіе, подчиненное закону причины и слѣдствія,—но есть нѣчто, стоящее за нею—то свободно.

3. Можетъ ли спасеніе быть достигнуто помимо милости Бога?—Въ спасеніи нечего дѣлать съ Богомъ. Свобода вѣдь уже *есть*!

4. Корень зла въ томъ, что мы собою считаемъ наши тѣла. Это первородный грѣхъ.

5. Вы не можете повѣрить въ Бога, не повѣривъ сначала въ себя.

6. Богъ есть душа нашихъ душъ.

7. Я никогда не говорилъ объ отмщеніи, я всегда

говорилъ о силѣ. Мечтать-ли намъ объ отмщеніи на этой каплѣ морской пѣны? Но это—большое дѣло для москитовъ!

8. Религія не есть дѣло воображенія, а прямого познанія.

9. Тотъ, въ комъ открылась книга его сердца, уже не нуждается болѣе ни въ какой другой книгѣ.

10. Когда я знаю кусокъ глины, знаю всю глину. Когда вы знаете себя, вы знаете все.

11. Высшее алканіе духа—найти что либо мѣняющееся. Это достигантся состояніемъ совершенства.

12. Веды ищутъ «единое».

13. Изъ всѣхъ священныхъ писаній міра только однѣ Веды объявляютъ, что даже и знаніе Ведъ—дѣло второстепенное. Дѣйствительное познаніе есть то, посредствомъ котораго познаніе есть то, постигаемъ «Неизмѣняемое». А это достигается не чтеніемъ, не вѣрою, не умозрѣніемъ, а только сверхосознательнымъ постиженіемъ въ состояніи

14. Когда-то мы были животными. Теперь мы думаемъ, что мы съ ними различны. Я слышалъ на западѣ: «Міръ созданъ для насъ!» Если бы тигры умѣли писать книги, они утверждали бы, что человѣкъ созданъ для нихъ и что онъ самое порочное въ мірѣ существо, ибо не дается тиграмъ поймать себя легко. Червякъ, который копошится сегодня подъ вашей крышей,—Богъ въ будущемъ.

15. Истинный христіанинъ есть истинный индусъ и истинный индусъ—истинный христіанинъ.

16. Треугольникъ любви по Ведамъ—безкорыстіе безсмертіе и безсоперничество.

17. Что должно быть идеаломъ человѣческаго характера?—Самоотреченіе. Безъ самоотреченіи нельзя достигнуть Бога, хотя бы самъ Брама вмѣшался съ другой стороны.

18. Веды учатъ, что душа человѣка безсмертна. Тѣло подвержено закону роста и упадка,—то, что ростетъ, неизбѣжимо должно и распадаться. Но пребывающій въ тѣлѣ духъ имѣетъ жизнь безконечную и вѣчную: онъ никогда не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца. Одно изъ главныхъ различій между индусами и христіанами то, что христіанская религія учитъ, что каждая человѣческая душа имѣла начало при своемъ рожденіи въ этотъ свѣтъ, тогда какъ индусская религія утверждаетъ, что духъ человѣка есть эманація Вѣчнаго Существа и имѣетъ начало не болѣе чѣмъ самъ Богъ. Безчисленны его проявленія при переходѣ изъ одной личности въ другую, подчиненномъ великому закону духовной эволюціи, пока онъ не достигнетъ совершенства, въ которомъ ужъ нѣтъ измѣненій.

19. Величайшая ложь изъ всѣхъ лжей это будто мы—тѣла, которыми мы никогда не были и быть не могли. Величайшая ложь изъ всѣхъ лжей, будто мы просто люди—мы—Богъ вселенной. Поклоняяся Богу, мы поклоняемся нашему скрытому «Я». Наихудшая изъ лжей—когда вы говорите себѣ, будто вы родились грѣшникомъ, или слабымъ человѣкомъ. Грѣшникъ самъ и одинъ—тотъ, кто видитъ грѣшника въ другомъ человѣкѣ.

20. Люди боятся, что когда они станутъ жить по вѣрѣ, что есть только Одинъ,—высохнутъ фонтаны любви, все въ жизни пройдетъ, и то, что они любили, станетъ для нихъ призрачнымъ. Люди никогда не останавливаются мыслью на томъ, что тѣ кто напряженнѣйшимъ образомъ работали надъ собою, были величайшими работниками для міра. Тогда только человѣкъ любитъ, когда онъ находитъ, что предметъ его любви не есть существо низкое, маленькое, смертное. Тогда только любитъ человѣкъ, когда онъ находитъ, что предметъ его любви—не комокъ глины, но Самъ Истинный Богъ. Жена будетъ любить мужа болѣе, когда она будетъ думать, что онъ—Самъ Богъ. Мужъ будетъ любить жену болѣе, когда онъ будетъ знать, что жена—Самъ Богъ. Та мать будетъ любить своихъ дѣтей болѣе, которая будетъ думать, что дѣти—Самъ Богъ. Человѣкъ будетъ любить своего злѣйшаго врага, если онъ будетъ знать что врагъ его—Самъ Богъ.

Словомъ:

„Всяческая и во всѣмъ Господь"!..

„СОЛНЦА ПОЦѢЛУИ".

Такъ называется книга стиховъ Арнольда Волковысскаго.

Авторъ пытается выдать себя за паитеиста:

Мой свѣтелъ храмъ, мой храмъ высокъ,
Мой храмъ—свободы ширь.
И Солнце въ немъ мой первый богъ,
Второй есть Женщина-цвѣтокъ—
Лучъ селнца и любви потокъ.
Мой храмъ весь свѣтлый міръ!

Но это только въ предисловномъ стихотвореніи авторъ помнитъ о мірѣ.

Въ большинствѣ его стихи.

„О пади на грудь"

и

„О тоскѣ забудь"...

Глубины нѣтъ.

Поетъ о бѣлой мечтѣ, о голубой мечтѣ, объ алой мечтѣ...

ЖЕЛАННОМУ.

Въ день ненастный, въ день туманный
Приходи ко мнѣ, желанный,
И пади на грудь
Я твоей души мятежной,
Словно мать, коснуся нѣжно.
О тоскѣ забудь!
Горе лаской прогоню я,
Знойной нѣгой поцѣлуя,—
Милъ ты мнѣ и любъ.
И твоей души я раны
Исцѣлю, о, мой желанный,
Сокомъ алыхъ губъ!

И самъ сознается, что не удивитъ міръ ни риѳмой и, ни словомъ новымъ.

НѢКОТОРЫМЪ.

Пусть риѳмы мои и банальны,
Слова и созвучья не новы,
И стиль отраженно-зеркальный,—
Я пѣсенъ для васъ не пою.
А сердца горячаго зовы
Я тѣмъ лишь сердцамъ посвящаю,
Чьи чуткія души, я чаю,
Почуютъ въ нихъ душу мою.

Горячихъ зововъ я не нашелъ въ книгѣ.

Все отраженно зеркально.

Зайчики на стѣнѣ.

Поется и поетъ себѣ на здоровье...

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОТОКЪ.

„Весна" сейчасъ въ полосѣ лирическаго потока.

Со всѣхъ сторонъ на нее льются стихи и стихи.

Вадимъ Баянъ свою книгу „Лиріонеттъ (slc!) и баркороллъ" такъ и озаглавилъ:

„Лирическій потокъ".

Въ предисловіи къ „потоку" Игорь Сѣверянинъ рекомендуетъ друга:

Изнѣженная жеманность—главная особенность творчества Вадима Баяна. Его напудренныя поэзы, несмотря иногда на нѣкоторую рискованность темы, всегда остаются цѣломудренными. Стихъ легкій, мелодичный.

Его поэзія напоминаетъ мнѣ прыжокъ, сдѣланный на лунѣ: подпрыгнешь на вершокъ, а прыжокъ аршинный.

Это и мѣтко и зло.

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ.

Я жестокимъ презрѣньемъ увѣнчанъ,
Но безсмертенъ мой жизненный путь!
Я сплету ожерелье изъ женщинъ
На свою упоенную грудь!
Я создамъ величавую чару,
Ожерельемъ ее обовью;
Я любовь превращу въ Ніагару,
Я любовью весь міръ оболью!..
На вѣнцѣ свѣтозарномъ и гордомъ
Загорится надменный брильянтъ
И міры мнѣ отвѣтятъ аккордомъ
На гремящій каскадный талантъ.

Ну развѣ не прыжокъ на лунѣ—ожерелье изъ женщинъ!

А Ніагара?

А каскадный талантъ?

Браво, Игорь Сѣверянинъ!—это все прыжки на лунѣ.

СИРЕНЕВЫЕ ХМЕЛИ.

Въ моей душѣ сиреневые хмели...
Я пью любви сверкающій фіалъ,
Ты снишься мнѣ на бархатной постели,
Гдѣ я дюшесъ грудей поцѣловалъ.
Твоихъ очей кинжальныхъ метеоры
Горятъ опять безумьемъ и мольбой;
Вздохнулъ альковъ, и прошептали шторы,
Какъ вѣера сирени голубой...
И я несусь на крыльяхъ сновидѣній
Въ миражный міръ кудесницы-весны.
Чтобъ раскидать, какъ свѣтозарный геній,
Моей души сверкающіе сны...

„Сиреневые хмѣли“, „сверкающій фіалъ“, „бархатная (sic!) постель“, „дюшесъ (sic!) грудей“, „кинжальные метеоры“,—развѣ все это не прыжки на вершокъ, кажущіеся аршинными!

А авторъ „каскаднаго таланта“ уже превратился въ „свѣтозарнаго генія“.

А если-бы не эти подражанія Козьмѣ Пруткову быть можетъ изъ автора вышелъ-бы трогательный лирикъ.

У него есть счастливыя удачи.

ДѢВУШКИ.

Моя душа цвѣтетъ въ жасминахъ,
Въ шатрѣ сиреневыхъ небесъ,—
Люблю я дѣвушекъ невинныхъ,
Моихъ мечтательныхъ принцессъ.
Онѣ, какъ нимфы на бассейнахъ,
Танцуютъ пляску вѣтерка
И прячутъ въ трепетахъ кисейныхъ
Бровей смолистые шелка...
Еще ихъ розы не измяты,
Имъ снятся солнечные сны,
Онѣ божественно-крылаты,
Онѣ—посланницы весны!
Какъ фіолетовыя зори,
Огнемъ стыдливой красоты
Онѣ зажгли въ потухшемъ взорѣ
Любовь и пѣсни. и мечты!..

Положительно вспоминаешь „Весну“ Ботичелли.

„Синь“, „пьянь“, „фіоль“, „одоль“... ахъ много новыхъ словъ придумалъ авторъ.

Сказалъ много новыхъ словъ, но новаго слова не сказалъ.

И не скажетъ.

СКРИПКА ВѢДЬМЫ.

Онъ элегантенъ и красивъ и вѣчно застегнутъ на всѣ пуговицы его черный сюртукъ,—какъ сюртукъ Валерія Брюсова.

Онъ любитъ путешествовать, хотя всего болѣе путешествуетъ по книгамъ и тѣнямъ прошлаго.

Онъ любитъ женщину и чернокнижіе и въ женщинѣ видитъ великую чернокнижницу міра.

Вмѣсто лиры у него—скрипка:

Былъ часъ глухой, былъ вечеръ длинный,
Цвѣли видѣнья безъ числа...
И въ даръ тоскѣ моей старинной
Мнѣ скрипку вѣдьма принесла.
Я зналъ изъ книгъ, что вѣдьмы гибки
И увлекательны, и злы.
Она играла мнѣ на скрипкѣ
Свои мятежныя хвалы:
«Приди... прильни къ земному зною,
Забудь слова ненужныхъ книгъ ..
Тебя я властью неземною
Освобождаю отъ веригъ.
Въ тебѣ душа неутолимѣй
Весеннихъ бурь. Довольно лгать!
Не властенъ ты печальной схимѣ
Ее, смятенную, отдать.
Нѣтъ, боязливый! Нѣтъ, суровый.—
Ея томленій не таи...
Тяжелъ твой шлемъ средневѣковый,
Доспѣхи мѣдные твои.
Но будетъ шлемъ въ красивыхъ перьяхъ,
И въ сильномъ тѣлѣ вспыхнетъ кровь:
Потонетъ въ сказкахъ и повѣрьяхъ
Твоя унылая любовь!..»
Она играла мнѣ на скрипкѣ,
Шептала дикія слова,
И въ повелительной улыбкѣ
Змѣилась тайна колдовства.
И вотъ ушла ночной дорогой.
Я—въ заколдованномъ кругу
И, разлученъ съ печалью строгой,
Я скрипку вѣдьмы берегу.
Глухая жизнь моя—ошибка,
Но въ полночь... въ полночь будетъ пѣть
Ея колдующая скрипка,—
Я буду слушать .. и пьянѣть.

Его Муза—Царевна-Недотрога:

Я въ злыхъ путяхъ изранилъ ноги,
Но горькой доли не кляну...
Иду къ Царевнѣ-Недотрогѣ
Въ обѣтованную страну.
И въ жуткомъ помыслѣ единомъ
Невнятный страхъ съ любовью слитъ:
Предстать шутомъ иль паладиномъ
Она бездомному велитъ?
Она -Царевна-Недотрога,
Я—бѣдный рыцарь и поэтъ.
Глядитъ задумчиво и строго,
Въ глазахъ печаль, въ улыбкѣ свѣтъ.
Заговоритъ—мнѣ станетъ сладко,
Но словъ царевны не пойму,
И будетъ радовать загадка
И влечь въ таинственную тьму.
И буду плакать я невольно,
И сказки вить, и пѣсни пѣть...
Царевна сдѣлаетъ мнѣ больно
И... будетъ ласково глядѣть...
И въ сердцѣ смутная тревога,
И въ сердцѣ вспыхиваетъ свѣтъ...
Она—Царевна-Не отрога,
Я—бѣдный рыцарь и поэтъ.

Его Муза—Незнакомка:

Я не видѣлъ ее никогда,
Но ребенкомъ я думалъ о ней...
И отъ сладкаго, злого стыда
На душѣ становилось темнѣй.
Я пугливый и сумрачный росъ.
Я извѣдалъ паденье и страхъ,
И остался безмолвный вопросъ
У меня въ потускнѣвшихъ глазахъ.
Отдаваясь незримымъ рукамъ,
Я какъ будто касался огня,
И она ревновала меня
Къ сновидѣньямъ, къ молитвамъ, къ стихамъ.
Но я звалъ незнакомку мою
На яву и въ пророческомъ снѣ...
Оттого я теперь и пою,
Что она наклонялась ко мнѣ.
Я угасну въ юдоли ночной,
И она для полночныхъ забавъ
Будетъ гладить мой лобъ ледяной,
Къ бездыханному тѣлу припавъ.

Его Муза—Средневѣковая Дама:

ТАЛИСМАНЪ.

Я сохранилъ въ земной пустынѣ
Ея волшебный талисманъ.
Мы съ ней вдвоемъ въ тотъ вечеръ синій
Читали рыцарскій романъ.
Изъ яркихъ словъ свивались рѣки,
И былъ цвѣтами зацвѣла.
Весна въ одиннадцатомъ вѣкѣ

Н. Бродскій.

Такой же свѣтлою была.
Благоуханныя страницы
Я перелистывалъ во снѣ...
Я жадно вѣрилъ блѣднолицый,
И старой книгѣ и веснѣ.
Отъ золотыхъ вечернихъ оконъ
Струился сладостный обманъ,
Когда она дала мнѣ локонъ,
Изъ талисмановъ талисманъ.
Въ старинномъ домѣ, въ строгомъ залѣ,
Другъ другомъ были мы пьяны,
И тихій плѣнъ заколдовали
Видѣнья жуткой старины...
Въ печальный вѣкъ сѣдыхъ безсилій
Былое пѣло и цвѣло.
Мы жили въ сказкѣ, мы любили
И окрыленно и свѣтло.
Пусть вѣщій сумракъ будетъ строже—
На мнѣ мой вѣрный талисманъ...
Все это было такъ похоже
На длинный рыцарскій романъ.

Его муза—Лилитъ.

ЗАКЛИНАНІЯ.

У меня фіалковый вѣнокъ,
Вѣера изъ крыльевъ лебединыхъ...
Въ темный часъ, пугливъ и одинокъ,
Помню я о скорбныхъ паладинахъ.
Я зажегъ свѣтильники мои.
Я воззвалъ къ видѣнію и чуду...
Древнихъ винъ священныя струи
Въ кубокъ лить молитвенно я буду...
Перстень мой рубиновымъ огнемъ,
Какъ вино, заискрится, волнуя...
И, молясь, почувствую на немъ
Тайный зной и легкость поцѣлуя.
Я затеплилъ древнюю мечту—
Я сожгу и ладанъ и алоэ,
Чтобъ вѣнчать и славить чистоту,
Схоронить мятежное и злое.
И она придетъ и утолитъ
Плясками, любовью и слезами—
Вѣчная, бездомная Лилитъ,
Дѣвочка съ полночными глазами.
И тогда у этихъ бѣлыхъ ногъ,
Что прошли въ невѣдомыхъ долинахъ,
Положу фіалковый вѣнокъ,
Вѣера изъ крыльевъ лебединыхъ.

Онъ изященъ, строгъ, корректенъ и холоденъ въ самыхъ пламенныхъ мѣстахъ, — авторъ „Скрипки стиховъ“ Д. Коковцовъ.

Риѳмы свѣжи:

Росахъ—посохъ, вражій—пряжи, движимъ—Парижемъ, скверны—таверны, хроникъ—каноникъ, высямъ—писемъ, бретонцу—солнцу и т. д.

Стихъ почти безукоризненный.

Нѣсколько новословій не портятъ дѣло.

РАЗВИНЧЕННАЯ МУЗА.

Послѣ кованаго стиха Коковцова кажутся развинченными, разстроенными стихи М. Моравской въ книгѣ „На пристани“.

Вотъ первое, руководящее по настроенію стихотвореніе этой занятной книги:

ФІАЛКИ.

Каждой весной мнѣ кажется,
Что жизнь надо измѣнить,
Что прошлое съ будущимъ не вяжется,
Что надо порвать нить.
И когда на гулкой мостовой
Таетъ снѣгъ, грязный и жалкій,
Мнѣ хочется выращивать фіалки—
Каждой весной!
Не всходятъ у меня зерна,—
Я живу на тѣневой сторонѣ...
Но я поливаю ихъ упорно
И вижу фіалки во снѣ.
И каждое утро мнѣ кажется,
Что комната стала иной...
Неужели ничто не развяжется
И этой весной?

Она тоже рвется къ скитаньямъ:

НА ПРИСТАНИ.

Батавія, Чили, Гонолулу...—
Не туда ли уходятъ корабли?
Какъ радостно отъ топота и гула,
Сколько тюковъ къ пристани снесли!
Я гляжу на мерцанье маяка,
Улыбаюсь, волнуюсь и мечтаю...
Быть можетъ, я тоже уѣзжаю?—
Не надо послѣдняго гудка!

Но въ ея скитаніяхъ чувствуется даже не книжность, какъ въ скитаніяхъ Коковцова, а дѣтскость.

Съ Китаемъ она ознакомилась по коробкѣ:

ЗА ЖЕЛТОЙ ЗАНАВѢСКОЙ.

Я опечалена этимъ сѣрымъ маемъ,
Вѣдь есть сверкающія, золотыя страны!..
И я разглядываю караваны
Шатры и пальмы—на коробкахъ съ чаемъ...
Страною солнца мнѣ отрадно бредить,
Дороги южной жду я, какъ свиданья,
И „чша“ китайское изъ свѣтлой мѣди
Храню межъ писемъ, словно обѣщанье.

Съ Суданомъ—по маркѣ:

МАРКА.

Я сегодня встала очень рано,
Я была въ марочномъ магазинѣ
И купила марку Судана
Съ верблюдомъ, бѣгущимъ по пустынѣ.
Закатъ сегодня, какъ пески Сахары,..
Меня волнуютъ намеки заката
И мнѣ жаль эту марку старую
Отдать маленькому брату.

Съ Кавказомъ—по картѣ.

Я ЗЯБНУ.

Всегда мнѣ холодно. И я люблю дрова
Въ каминѣ, въ печкѣ, въ уличныхъ кострахъ...
И неба зимняго ненавистна синева
И вьюга снѣжная внушаетъ страхъ.
И устремляется тоска моя
Въ тотъ уголъ карты, радостный для глаза,
Гдѣ грѣются на окраинахъ Кавказа
Огнепоклонники, безкровные какъ я.

Не билбіотекой, а дѣтской вѣетъ отъ этихъ вычурно-наивныхъ стиховъ.

Даже о моряхъ Моравская вспоминаетъ по обоямъ ея дѣтской.

ЮЖНЫЕ ЦВѢТЫ.

Здѣсь весна—сѣрая и хилая,
И такъ поздно прилетаютъ птицы...
Почему я гіацинтовъ не купила
Въ магазинѣ, гдѣ „цвѣты изъ Ниццы?“
Мнѣ бъ отъ запаха не было тоскливо
И кружилась бы тревожно голова,
И приснилась бы, пожалуй, синева
Южнаго веселаго залива.
. . . .
Запахи тоски не утоляютъ,
Сны о югѣ наяву со мною,—
Даже темно-синіе обои
О моряхъ теперь напоминаютъ!

Все время ей холодно.

Все время ей хочется спать.

Она сладко потягивается и тоскуя ищетъ риѳмы.

ХОЛОДНО.

Я жду неожиданныхъ встрѣчъ,—
Вѣдь еще не прошелъ апрѣль,—
Но все чаще мнѣ хочется лечь
И заснуть на много недѣль...
Мосты, пароходы, все встрѣчное,—
Какъ съ видами мертвый альбомъ,
И съ набережной прирѣчной
Все тянетъ ледянымъ холодкомъ
Я жду неожиданныхъ встрѣчъ,
Но такъ сѣръ сѣверный апрѣль...
И все чаще мнѣ хочется лечь
И заснуть—на много недѣль.

Ея тоскѣ—вѣришь.

Когда она дорывается до дѣйствительнаго юга ей и тамъ югъ кажется не достаточно южнымъ, горы не достаточно высокими и воды не достаточно синими.

И она опять тоскуетъ о родинѣ и въ память о югѣ везетъ увядшія бусы.

УВЯДШІЯ БУСЫ.

Изъ плодовъ шиповника бусы красно-желтыя,
Шпилькою проколотыя, на шнурокъ нанизаны.
Изъ моей отчизны, гдѣ песокъ, какъ золото,
Южной, не родимой, но родной отчизны,
Привезу на сѣверъ бусы красно-желтыя.
. . . .
Сморщились, увяли солнечныя бусы,
Онъ будетъ смѣяться—другъ мой свѣтлоусый,
Что изъ юга дальняго, изъ разлуки долгой
Привезла проколотыя ржавою иголкой,-
Привезла въ подарокъ,—полныя занозъ,
Сморщенныя, рыжія бусы дикихъ розъ.

Вмѣсто лиры у Моравской—стеклянные колокольчики, которые продаются въ посудномъ магазинѣ на Невскомъ.

Я ОДНА.

Подвѣшены два колокольчика
Къ моей туалетной полкѣ,
Хозяйская дочка Олечка
Глядитъ на нихъ сквозь щелку
И думаетъ вѣрно: „Большая...—
Зачѣмъ ей игрушки надобны?“
А я улыбаюсь жалобно
И локтемъ полку толкаю.
Звените, мои колокольцы,
Такъ тихо тутъ въ домѣ порой,
На самомъ краю дачной улицы
Такъ жутко жить одной...

Въ другомъ стихотвореніи она вспоминаетъ, что на посадѣ въ Бирмѣ также висятъ стеклянные колокольчики:

Описанія странъ перелистывая,
Часто думаю въ пыльной читальнѣ,
Какъ звучитъ эта музыка чистая
Въ ихъ странѣ, увлекательно-дальней...
И мнѣ хочется думать объ этомъ
Безъ зависти и безъ печали,
Безъ жалобъ, что другимъ поэтамъ
Они звучали.

Она по дѣтски сантиментальна:

ГОЛУБЫЕ ТЮЛЬПАНЫ.

Красный папоротникъ, голубые тюльпаны,
И—въ циркѣ—ребенокъ укротитель змѣй ..—
Чудеса города, красивыя и странныя,
А жить отъ нихъ все ярче, все ярче и больнѣй.
Рано вянутъ голубые тюльпаны,
Окрашенные нѣжно ѣдкимъ растворомъ...
Сегодня мнѣ снился на смерть ужаленный
Мальчикъ-укротитель съ безпомощнымъ взоромъ.

НЕМНОГО ЖАЛОСТИ.

Жалятъ меня жала мельче иголки,
Оставляютъ ранки на долгій срокъ.
Меня волнуютъ срубленныя елки
И заблудившійся щенокъ.
Утромъ я плакала надъ нищенкой печальной,
И была колюча каждая слеза!
Развѣ такъ ужъ страшно быть сентиментальной,
Если жалость давитъ глаза?

Но иногда умѣетъ не на шутку разжалобить:

ПЛѢННЫЙ.

По праздникамъ онъ съ утра былъ дома,
Садился на окованный сундукъ
И жаловался, какъ здѣсь все знакомо:
И всѣ дома, и въ скверахъ каждый сукъ...
Да, онъ уѣдетъ, далеко и скоро:
Онъ будетъ шкурками въ Сибири торговать..
И, вышивая на канвѣ узоры,
Насмѣшливо улыбалась мать.
А мы цѣплялись за его колѣни..
Ахъ, много маленькихъ и цѣпкихъ рукъ!
Онъ умолкалъ, и въ мундштукѣ изъ пѣны
Огонекъ медленно тухъ...
И всѣ мы знали: папа будетъ съ нами,
Не отдадимъ его чужой странѣ.
А онъ разглядывалъ печальными глазами
Все тотъ-же чахлый кактусъ на окнѣ.

Трогательна эта исторія о папѣ.

Но еще трогательнѣе о мамѣ.

ОКНО ОТКРЫЛИ.

Сонный, приторный запахъ хлороформа
И нога высоко на подушкѣ...
Припомнилась гимназическая форма
И дѣтскія игрушки...
Подходитъ рано умершая мать...
Не хочется очнуться,
Не хочется, не нужно вспоминать,
Что за окнами революція!
Кто окно распахнулъ въ палатѣ?
Дальній взрывъ глухо грохнулъ гдѣ то...
Я судорожно сѣла на кровати:
«Пожалуйста, вечернюю газету!»

Вотъ вамъ—революція черезъ призму дѣтской.

М. Моравская принесла мнѣ въ „Весну“ четыре новыхъ своихъ стихотворенія.

Печатать ихъ или нѣтъ?

Та же манерность, та же вычурность, тотъ же вывихъ метра и растрепанность риѳмъ:

Жизни—укоризны—приз(на)ны униженье—изступлен(і)и, заливъ—счастлив(ой), отрепья—треб(у)я *).

Прочелъ разъ.

Прочелъ два...

И все таки напечаталъ...

*) См. о такихъ риѳмахъ и мастерскомъ владѣніи ими въ § 13 «Версификаціи».

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

У той-же М. Моравской есть и еще книга дѣтскихъ стиховъ—„Апельсинныя корки“.

Въ нихъ та же развинченность формъ и „сашачерность“ содержанія.

Мѣстами нельзя не улыбнуться навстрѣчу наивности.

ПОДДѢЛЬНАЯ ВЕСНА.

Продаютъ на вербѣ сухія травки,
И онѣ живыхъ зеленѣе.
И полны цвѣтовъ балаганныя лавки,
Но тамъ пахнетъ только клеемъ...
Желтымъ рыбкамъ плавать тѣсно и мелко,
Треплетъ флаги вѣтеръ холодный...
Даже чучело-филинъ, только что проданный,
Думаетъ: все поддѣлка..

Какъ чучело-филинъ, я тоже думаю:

— Все поддѣлка! Подъ наивность и дѣтскость...

Даже виньетки Чехонина.

„ПАЖЬИ НАПѢВЫ“.

Интересную клиническую картину представляетъ изъ себя манифестъ Алексѣя Ковалева въ его книгѣ стиховъ—„Пажьи напѣвы“:

4-го Октября 1912 года возникло Mago Lucifind Adelfiy (Великое Свѣтоносное Братство), полагающее начало новому времени въ жизни человѣчества, являющееся залогомъ возрожденія послѣдняго, источникомъ очередной образованности и корнемъ новой расы.

Mago Lucifind Adelfiy есть постоянный avan gard (передовой отрядъ) человѣчества, неуклонно идущій по пути всеобщаго совершенствованія къ наиболѣе здоровой, наиболѣе осмысленной и наиболѣе красивой жизни. Тѣмъ, которые рѣшили придерживаться того же самаго пути, предоставляется право считать себя по совѣсти свѣтоносцами домогаться дѣятельности въ качествѣ пажей и рыцарей, побѣдоносно работающихъ въ томъ или иномъ направленіи Mago Lucifind Adelfiy.

1. Рыцари Здоровья имѣютъ въ виду тщательный уходъ за своимъ тѣломъ ради его благосостоянія, для чего пользуются лошадью, лодкой, велосипедомъ, устраиваютъ путешествія, состязанія въ бѣгѣ, плаваніи, ѣздѣ, борьбѣ, стремятся къ упрощенію пищи, преобразованію одежды, облагороживанію тѣлеснаго труда, оздоровленію жилищъ, городовъ, деревень и пространствъ, насажденію садовъ, рощъ, цвѣтниковъ, открытію лѣтнихъ трудовыхъ поселеній и т. д.

2. Рыцари Мудрости изучаютъ исторіи, отрасли науки, философскія теченія, вѣроученія, общественныя движенія, поддерживаютъ распространіе безубойнаго питанія, борьбу съ пьянствомъ, невѣжествомъ, развратомъ, нищенствомъ, истязаніемъ животнымъ, мертвящими пріемами воспитанія, надѣются на появленіе и торжество въ мірѣ единаго стройнаго и всеобъемлющаго міровоззрѣнія.

3. Рыцари Дарованій набираются изъ поэтовъ, композиторовъ, художниковъ, ваятелей пѣвцовъ ораторовъ изобрѣтателей и другихъ лицъ, обладающихся для совмѣстной дѣятельности и стремящихся поддержать и выдвинуть изъ своей среды даровитѣйшихъ и полезнѣйшихъ собратьевъ для обществъ.

4. Рыцари Міровой Рѣчи распространяютъ братственный языкъ (Lingw Adelfenzal), какъ единственный учебно-вспомогательный и дѣйствительно международный, изучаютъ нарѣчія и заботятся объ упрощеніи, чистотѣ и вообще о развитіи родныхъ языковъ.

5. Рыцари Сокровенныхъ Знаній безкорыстно изучаютъ таинственныя явленія природы, внушеніе, чтеніе и передачу мыслей и желаній, предугадываніе и т. д., опредѣленіе человѣческихъ качествъ, наклонностей и настроеній.

6. Лучезарный Парнасъ имѣетъ въ виду художественнымъ словомъ и т. д. способствовать развитію у человѣка благороднѣйшихъ чувствъ и стремленій, общительности, мягкости, жизнеспособности, бодрости духа, жизнерадостности, восторженнаго пониманія всего высокаго прекраснаго и великаго.

Отвѣтственныя должности въ орденахъ занимаются паладинами Mago Lucifind Adelfiy.

Русскіе пажи и рыцари войдутъ въ составъ Россійскаго Свѣтоноснаго Легіона уставъ котораго готовится къ подачѣ властямъ на утвержденіе.

Для наглядности г. Ковалевъ снабдилъ свой манифестъ собственнымъ портретомъ въ гордой позѣ, беретѣ и съ футуристическимъ выраженіемъ лица.

За манифестомъ слѣдуетъ предисловіе. написанное подъ очевиднымъ вліяніемъ тенора Д. Смирнова, какъ извѣстно распубликовавшаго письма своихъ поклонницъ въ „Огонькѣ".

Вынувъ изъ ящика своего письменнаго стола накопившіеся плоды моихъ вдохновеній съ намѣреніемъ привести ихъ въ надлежащій порядокъ и отпечатать, чтобы открыть, такимъ образомъ, въ первый разъ тайники своего сердца, ума и души для всѣхъ, я изловилъ себя на честолюбивомъ желаніи снабдить эту книгу собственнымъ жизнеописаніемъ. Но укоризненныя лица Льва Толстого, Максима Горкаго и Моцарта въ изображеніяхъ невѣдомыхъ мнѣ ваятелей, гробовое молчаніе комнаты, цвѣты, разведенные на крыльцѣ моей заботливой матерью съ тѣмъ расчетомъ, чтобы привѣтливо кивали мнѣ, когда смотрю въ окно, и многое другое, все въ совокупности, смутило меня.

Вмѣсто непосредственнаго разглагольствованія о себѣ, о томъ что я родился въ такомъ-то году и въ такомъ-то городѣ, о томъ, что небрежно посѣщалъ такой-то университетъ, а «Прощаніе» написалъ, вдохновившись рукописнымъ стихотвореніемъ, написаннымъ по-французски моей пріятельницей, поэтессой Полимніей Мавро--дато и прочее, и прочее, и прочее, тисну-ка я нѣсколько писемъ отъ моихъ друзей и подругъ!

И дальше идутъ эти письма, передъ которымъ „Интимное" В. В. Розонова меркнетъ.

Къ чести г. Ковалева слѣдуетъ то, что перечитывая письма поклонницъ онъ не щадитъ и самого себя.

Ложный стыдъ не его добродѣтель:

Часто ли ты встрѣчаешь Женю и Марусю? Смотри, не развращай ихъ, а то я тебя знаю, хорошъ, нечего сказать!
Клавдія.

Самые „Напѣвы" г. Ковалева сдѣлали-бы честь любому почтовому ящику журнала.

Напримѣръ:

СНОВИДѢНЬЕ.

Ее во снѣ я увидалъ
И любовался ею
Безъ предѣла...
Но вдругъ, отъ счастья зарыдавъ,
Проснулся я, видѣнье-жъ
Улетѣло!

* * *

И влажная отъ раннихъ слезъ
Передо мной подушка лишь
Лежала.
Я былъ одинъ... Чрезъ сонмъ березъ
Въ окно свой блѣдный свѣтъ луна
Бросала!

* * *

Несчастный сонъ, кошмарный бредъ.
Минутное ночное
Наслажденье!
Еще далекъ дневной разсвѣтъ...
Усну—пусть повторится
Сновидѣнье!

„ПЛЯСКА СМЕРТИ".

Г. Швинкъ-Волоховъ также украсилъ свою книгу своимъ портретомъ и автографомъ.

Почеркъ у него форсистый.

Наружность—восхитительная.

Поза—талантливая.

Чего о самой книгѣ „Danse macabre" не скажешь.

Уже списокъ дѣйствующихъ лицъ характеренъ и краснорѣчивъ.

Андрей Зоринъ—литераторъ,
Дора—его возлюбленная,
Георгій Кайскій—художникъ.
Лакей.

Піеса написана подъ Дымова.

Стиль—ложно-талантливый

(Разъ существуетъ ложно-классическій стиль, отчего не быть и ложно талантливому)!

Вотъ образчикъ ложно-талантливаго стиля:

счастливъ, а теперь слышишь ты меня? Теперь она—твоя Дора будетъ моей. Мертвецъ слышишь?.. Дора не умерла, и она будетъ моей, ей не настало еще время раздѣлять удѣлъ мертвецовъ. (Медленнымъ, но сильнымъ движеніемъ рукъ, поднимаетъ съ полу Дору отходитъ съ ней въ дальній уголъ и садится въ кресло, держа ее на рукахъ. Луна изъ окна освѣщаетъ фосфорическимъ свѣтомъ лицо умершаго, который минутами кажется улыбающимся, открываетъ какъ-бы глаза и шевелитъ губами - любуясь Дорой). И это чудное существо хотѣло уйти, умереть; эти глаза, которые свѣтятся какъ ясныя звѣзды, хотѣли навсегда сомкнуться; эти губы, способныя еще тысячу разъ шептать слова любви и нѣжныхъ признаній, хотѣли навсегда... Нѣтъ, дорогая, славная, тебѣ еще рано умирать; ты вѣдь еще такъ молода, такъ прекрасна, ты еще можешь принести человѣку огромное счастье; какъ я люблю тебя... какъ я страдалъ до сихъ поръ... но за то теперь... (онъ страстно припадаетъ къ ея губамъ).

Дора:
(Бредитъ): Дай мнѣ отцвѣтшую вѣтку сирени...
Кайскій:
Дорогая, очнись. Это я съ тобою... я люблю тебя.
Дора:
(Далекимъ голосомъ). Отцвѣла сирень, завяла...
Кайскій:
Дора!..
Дора:
Милый, ты спросилъ меня, цвѣтетъ-ли жасминъ... жасминъ еще цвѣтетъ.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

Многіе ли изъ молодежи знаютъ, что вотъ уже пятый годъ въ Москвѣ издается прекраснѣйшій журналъ журналовъ — „Бюллетени литературы и жизни"!

А между тѣмъ эти скромненькія на видъ сѣренькія книжечки должны быть настольнѣйшими книгами каждаго интеллигентнаго человѣка.

Ведутся они культурными людьми съ такою любовью, знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и вкусомъ, что положительно любуешься на дѣло какъ таковое.

А дѣло это не маленькое: бюллетени поставили себѣ цѣлью держать своихъ читателей au courant современной литературы искусства и науки.

Они по каждому замѣтному литературному явленію даютъ сводку отзывовъ всѣхъ лучшихъ критиковъ.

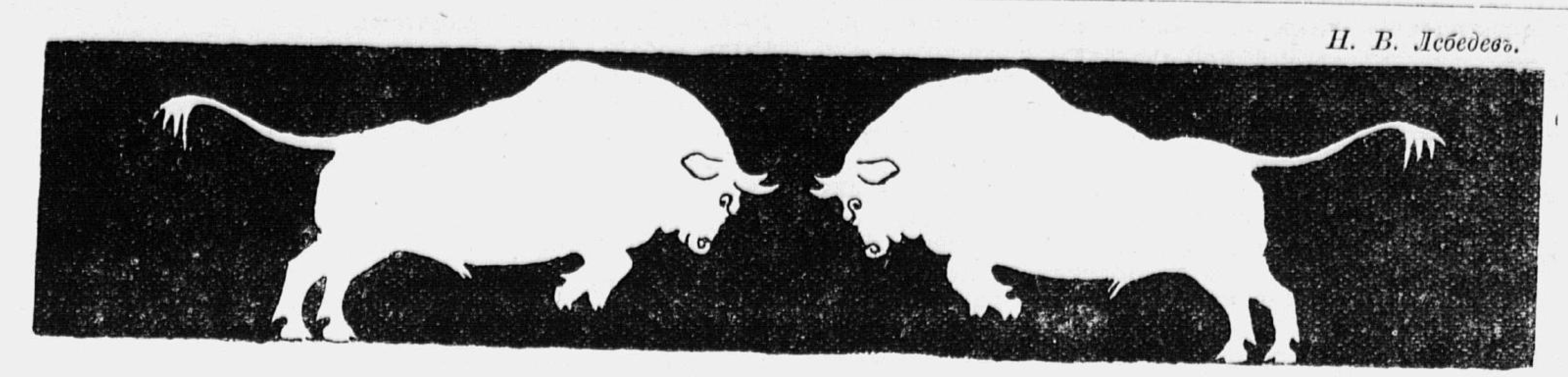
Они изъ каждой замѣтной книги приводятъ въ цитатахъ самыя яркія мѣста и даютъ квинтэссенцію содержанія каждой стоющей вниманія новинки.

Все это дѣлается безъ малѣйшей слащавости, тенденціозности и намѣренія замѣнить книгу.

Напротивъ бюллетени ведутся такъ, что будятъ въ читателѣ любовь къ книгѣ, къ чтенію, къ литературѣ и искусству вообще.

Совѣтую всѣмъ весенникамъ выписывать „Бюллетени": за 4 рубля въ годъ вы будете застрахованы отъ того, что какое либо явленіе въ литературѣ и жизни ускользаетъ отъ васъ, а кромѣ того вы убережетесь отъ покупки массы не нужныхъ книгъ и пріобрѣтете только нужныя, полезныя, пріятныя и, главное литературныя.

Н. В. Лебедевъ.

Буриме.

(См. № 1 «Весны»).

Продолжаю печатаніе результатовъ богатѣйшаго изъ Буриме № 2-го.

Въ этотъ номеръ входитъ еще далеко не весь запасъ отвѣтовъ.

Весь этотъ сырой матеріалъ, содержащій массу неудачныхъ рѣшеній и уже самъ по себѣ любопытный, какъ „человѣческіе документы", послужитъ основаніемъ для статьи молодого ученаго на тему „Буриме и законъ ассоціаціи идей", заказанную редакціей для № 4 „Весны".

1.

Я въ жизнь пришелъ безстрастный, какъ анатомъ,
Гдѣ лживое, кривое зеркало
Васъ всѣхъ влекло плѣнительнымъ гранатомъ
И жизнь безжалостно коверкало.
Я хату покажу вамъ тамъ, гдѣ замокъ
Вы видѣли мечтою вашею,
Я вмѣсто женщинъ покажу вамъ самокъ
Вино—смѣню я простоквашею.

2.

Я знаю жизнь, какъ знаетъ трупъ анатомъ
И отражать ее могу, какъ зеркало.
Увы! Меня нельзя прельстить гранатомъ
Меня всю жизнь безжалостно коверкало.
Не вѣрю я въ прекрасный жизни замокъ,
Построенный мечтой, поэта, вашею:
Вездѣ ищу средь женщинъ только самокъ,
А докторъ прописалъ... питаться простоквашею.
П. Б.

ЗЕРКАЛО—МОЛОДОСТЬ—ЖИЗНЬ.

Купчиха, грандъ дамъ и модистка, юристъ, постовой и анатомъ –
Пока молодые, всѣ любятъ глядѣться въ безстрастное зеркало.
Имъ солнце сверкаетъ алмазомъ, имъ зори краснѣютъ гранатомъ:
Еще торопливое время ихъ лица и жизнь не коверкало.
Законы природы жестоки—мечтаній обрушится замокъ —
И зеркало васъ позабавитъ сѣдиной иль лысиной вашею;
Вся жизнь превратится—въ питомникъ, любовь — истязаніе самокъ;
А прежнее синее небо покажется вамъ простоквашею.
Студентъ В. Логиновъ.

И. М. П.

Пока Васъ не изрѣзалъ анатомъ,
Поглядитесь хоть разикъ Вы въ зеркало.
Носъ Вашъ, схожій съ кровавымъ гранатомъ,
Скажетъ самъ, что Вамъ жизнь такъ коверкало...
Мой совѣтъ: надо спрятаться въ замокъ,
Вамъ завѣщанный бабушкой Вашею;
Бросить пьянство и чувственыхъ самокъ,
И лечиться одной простоквашею.
Павелъ Смирновъ.

Вспоминая былое, въ душѣ я копался какъ старый анатомъ
И мой мозгъ мнѣ служилъ какъ прекрасное, чистое зеркало,
Отражая былые порывы души... Разсѣченнымъ гранатомъ
Сердце кровью сочилось и лицо мнѣ въ гримасу коверкало...
Вспоминалъ я, какъ гуляя съ тобою въ городскомъ разъ саду, тамъ гдѣ замокъ,
Объяснился тебѣ я въ любви, ты-жъ сказала «Быть Вашею?
Нѣтъ! не мнѣ раздѣлять безотвѣтный удѣлъ узаконенныхъ самокъ!
Жить хочу и любить, а не киснуть всю жизнь простоквашею»!..
А. Розенкранцъ.

Хирургъ я и славный анатомъ
Языкъ осмотрѣлъ я чрезъ зеркало:
Краснѣетъ зернистымъ гранатомъ,—
Знать, долго бѣднягу коверкало!
Совѣтъ мой: идите въ свой замокъ,
Живите съ болѣзнею вашею
Подальше отъ чувственныхъ самокъ,
Питаясь одной простоквашею.
Ник. З—ный

ВАНДАЛИЗМЪ.

Серьезный и хмурый анатомъ
На мраморѣ, гладкомъ, какъ зеркало,
Пилилъ... кровь краснѣла гранатомъ;
Пилою трупъ женскій коверкало.
Залъ тихъ, какъ таинственный замокъ...
Профессоръ, наукою вашею
Вы портите чудо изъ самокъ —
Бѣла наравнѣ съ простоквашею.
Константинъ Кантонистскій.

ГУЛЯКА.

Гуляку такъ журилъ шутникъ-анатомъ:
«Я, право, не могу сказать, чтобъ зеркало,
Что носъ сравнило вашъ съ пурпуровымъ гранатомъ,
У паціентовъ всѣхъ носы коверкало.
О нѣтъ! Воздушный вы не стройте замокъ—
И съ жизнью прежнею разстаньтесь вашею,
И, прочь бѣжавъ отъ подведенныхъ самокъ,
Шипучее вино смѣните простоквашею».
Я. Раскинъ.

Эй послушай ты жизни анатомъ!
Погляди на себя-ка ты въ зеркало,
Какъ твой носъ отливаетъ гранатомъ!..
Послѣ выпивки видно коверкало?
Чертъ! попалъ въ полицейскій я замокъ
Все (о женщины!) милостью вашею
Презирая, какъ Вейнингеръ «самокъ»,
Буду жить лишь одной... простоквашею.
К. Прокофьевъ.

КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ!

Поэты, писатели! Слово—вашъ ножъ. Какъ анатомъ
Рѣжьте, вскрывайте пороки всѣ наши. Какъ зеркало
Ихъ освѣтите и уничтожьте. Пріятнымъ гранатомъ
Станетъ все то, что давило, мутило, коверкало...
Вы словомъ своимъ озаряйте души нашъ таинственный замокъ
И наполняйте его лишь хорошею мыслію вашею...
Женщинъ, вы женщинъ создайте изъ нынѣшнихъ самокъ...
Сами не будьте лишь тѣмъ, что зовутъ... простоквашею.
Сергѣевъ.

ГИМНЪ КУЛАКУ.

(Посвящается Макарову и 3-й Думѣ).

Есть событій тѣхъ тьма, гдѣ жизнь шепчетъ сама: «будь спокойный анатомъ!

Будь безстрастенъ, какъ онъ. Жизни крикъ, жизни стонъ
отражай ты, какъ зеркало»...
Передъ залпомъ рожокъ... Златоносный песокъ вдругъ
зардѣлся гранатомъ.
Но такъ было всегда и ничто никогда нашъ престижъ не
коверкало.
Будетъ крѣпокъ и впредь нашъ кулакъ; твердъ, какъ
мѣдь; неприступенъ, какъ замокъ.
И средь жизненныхъ скалъ будетъ править свой балъ
онъ съ политикой вашею,
И межъ васъ его духъ, какъ всесильный пѣтухъ средь
довѣрчивыхъ самокъ,
О приманкѣ споетъ, бутербродомъ возьметъ, а кого просто-
квашею...

Д. Златниковъ.

1. ЛУШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

Однажды какой-то анатомъ
Увидѣлъ, взглянувъ какъ-то въ зеркало,
Что носъ его сходенъ съ гранатомъ!
«Экъ, рожу-то какъ исковеркало!
А все то «Веселія Замокъ»...
Проклятье вамъ съ жизнью вашею
И пьяное сборище самокъ
И мерзкій буфетъ съ простоквашею!

2. ДЯДЯ.

...«Что за странная
идея?»...
А. Толстой.

Мой дядя былъ анатомъ,
Любилъ «Кривое Зеркало»,
Любилъ пить чай съ гранатомъ...
Одно его коверкало—
Хотѣлъ купить онъ замокъ,
Что рядомъ съ виллой вашею,
Завесть лягавыхъ—самокъ,
Лечиться простоквашею!

П. И Тверезовскій.

ВЛЮБЛЕННОМУ АНАТОМУ.

Послушайтесь, старый и мудрый анатомъ:
Забросьте вы грезы и зеркало
На тоненькомъ пальцѣ колечко съ гранатомъ
Не вамъ лишь всѣ мысли коверкало...
Ахъ, бросьте-ка строить воздушный вы замокъ:
Не быть ей во вѣки вѣдь вашею!
Идите вскрывать своихъ кроличьихѣ самокъ
И день свой кончать простоквашею.

Н. Арго.

Онъ не анатомъ,
Легко риѳмуетъ зеркало
Съ чудеснѣйшимъ гранатомъ—
Онъ буримистъ—коверкало;
Сриѳмуетъ древній замокъ
Съ улыбкой вашею,
А новомодныхъ самокъ
Съ простоквашею.

Н. Н. Циммерлингъ.

Я.

Я въ поэзіи—анатомъ
Раздроблю мой стихъ какъ зеркало,
Ограню куски гранатомъ
Чтобы критиковъ коверкало.
Пестрыхъ словъ воздвигнувъ замокъ,
Посмѣюсь надъ жизнью вашею.
Накормлю безплодныхъ самокъ
Стихотворной простоквашею.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ.

Я признанный поэтъ и анатомъ:
Пишу стихи безъ размѣра, смотрясь на себя въ зеркало,
Какъ мнѣ было смѣшно, когда я подавился гранатомъ,
Смѣшно смотрѣть какъ лицо мое криво—коверкало.
Я изъ стиховъ моихъ давно бы построилъ замокъ.
Да стыдно мнѣ передъ скудостью вашею..
Плюю я на разныхъ тамъ самцовъ и самокъ..
А весной я питаюсь одной простоквашею..

А. Г.

УПРЕКЪ.

Пусть васъ оцѣнитъ лишь анатомъ,
Пусть душу отразитъ вамъ зеркало,
Любви, окрашенной гранатомъ,
Была рабой.—Меня коверкало.
Я строила волшебный замокъ,
Хотѣла быть всецѣло вашею,
А вы лишь обожали самокъ
И были сыты простоквашею.

К. Бекташевъ.

ОДА ПУРИШКЕВИЧУ.

Пуришкевичъ злой анатомъ,
Провокаторское зеркало
Съ головой пустымъ гранатомъ
Отъ эсъ-де его коверкало.
Въ желтый выслать его замокъ
Пусть заботой будетъ вашею.
Въ женщинахъ онъ видитъ самокъ
Медъ мѣшаетъ съ простоквашею.

А. П

ГРИМАСЫ ЗЕРКАЛА.

Старый лордъ пытливо, какъ анатомъ,
Созерцалъ свои морщины въ зеркало
Въ рамѣ—Буль, украшенной гранатомъ,
Издѣваясь, злобно ихъ коверкало.
— Пусть у васъ,—стекло смѣялось,—замокъ,—
Въ немъ любовь не будетъ гостьей вашею...
Подбодряйтесь для продажныхъ самокъ
Мечниковской простоквашею!..

Полтавецъ.

ЖАЛОБА ВДОВЦА.

Я женской души идеальный анатомъ,
Мой мозгъ—сумасбродствъ ея вѣрное зеркало.
Въ витринѣ кольцо золотое съ гранатомъ
Семейную жизнь безъ конца мнѣ коверкало.
„Купи“... Но жену, осаждаемъ какъ замокъ,
Стыдилъ я; „къ прикрасамъ наклонностью вашею
Въ себѣ выдаете вы, женщины, самокъ“...
И послѣ свой гнѣвъ охлаждалъ простоквашею.

Андрей Чубаровъ.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Прежде писатель,—онъ душу вскрывалъ какъ анатомъ,
Жизнь всю въ себѣ отражалъ онъ какъ зеркало,
Творчества жаръ въ немъ пылалъ самоцвѣтнымъ грана-
томъ
Душу его лишь безуміе часто коверкало.
Нынѣ ушелъ онъ въ мечтаній волнующій замокъ,
Гордо смѣется надъ правдою вашею,
Пишетъ о страстныхъ дерзаньяхъ самцовъ онъ и самокъ,
Духъ свой живитъ коньякомъ, а плоть- простоквашею.

Е. А. Г.

СМЕРТЬ И ПОШЛОСТЬ.

И вотъ вошелъ уже анатомъ...
Закрыто чернымъ флеромъ зеркало...
И кровь зардѣлася гранатомъ,
И остріе ножа коверкало
Тотъ мозгъ, гдѣ жилъ мечтаній замокъ..
Она не будетъ больше вашею,—
Другихъ ищите пошлыхъ самокъ
Съ толпой дѣтей и простоквашею...
Она-жъ ушла...

Я. Александровъ.

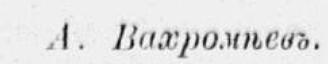
БУДНИ.

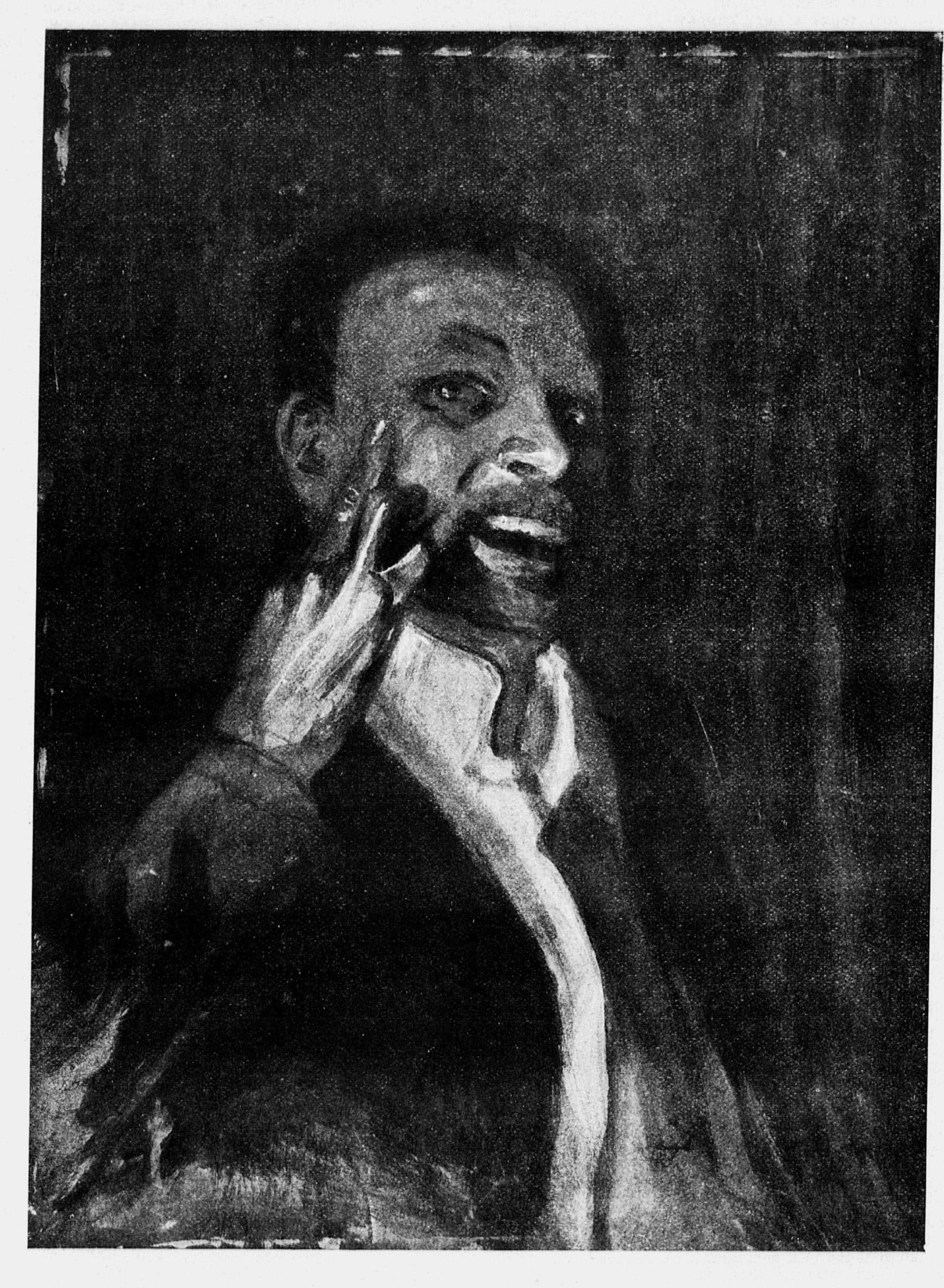
У дѣвочки въ гостяхъ анатомъ
Она глядѣлась съ боку въ зеркало
На брошку новую съ гранатомъ
А зеркало лицо ея коверкало
Анатомъ грезилъ будто замокъ
Съ принцессой шепчущей „я буду вашею“
На дѣлѣ жъ передъ нимъ пошлѣйшая изъ самокъ
Болтавшая про пиво съ простоквашею.

Г. де-Гужимъ.

СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦѢ.

Я, какъ опытный анатомъ,
Разбиралъ васъ, глядя въ зеркало;
Губки я сравнилъ съ гранатомъ,
И меня всего коверкало...
О, зачѣмъ въ мой мрачный замокъ
Вы пришли съ фигурой вашею?!

А. Вахромѣевъ.

Избѣгалъ всегда я самокъ,
Жилъ, питаясь простоквашею.

Константинъ Кантонисткій.

1. ПУРИЩКЕВИЧЪ.

Пуришкевичъ—вотъ анатомъ!
Онъ въ общественное зеркало
Вамъ запуститъ хоть гранатомъ,
Чтобъ Россіи не коверкало:
Потрясетъ весь думскій замокъ,
Даже и съ персоной вашею,
И ругнетъ самцовъ и самокъ
Вмѣстѣ съ думской простоквашею!

2. ПРИЗНАНІЕ.

Разберу васъ какъ анатомъ:
Ваши глазки—точно зеркало,
Губки—спорили съ гранатомъ,

Стань—корсетомъ не коверкало ..
Я бы васъ увезъ въ свой замокъ,
Цѣловался бъ съ шейкой вашею,
Если бъ... хоть терпѣть могъ самокъ,
Ставшихъ тѣломъ простоквашею!

3. СТРАДАЛЕЦЪ.

Онъ для женщины—анатомъ.
Прудъ предъ нимъ блестѣлъ, какъ зеркало,
Онъ усѣлся подъ гранатомъ,—
Ликъ досадою коверкало,
Ибо онъ увидѣлъ замокъ
И балконъ съ фигуркой вашею.
Вѣдь страдаетъ, видя самокъ:
«606» ѣстъ съ простоквашею!

4. КУХАРКА.

Мясо разрѣжетъ, какъ истый анатомъ,
Щеки блестятъ у нея, точно зеркало,
Носъ выдается корявымъ гранатомъ,
Рожу и оспой, и злостью коверкало,
Всею фигурой—такъ что твой и замокъ!
Рѣчь—непутевая: «Милостью вашею,
Баринъ, невиннѣй я всѣхъ вашихъ самокъ,
Лишь предъ пожарнымъ гляжу простоквашею!»

В. Таціевскій.

ВЕСНОЮ.

Весною любитъ анатомъ
Цвѣточки смотрѣть въ зеркало,
Ребенокъ возится съ гранатомъ,
А ледъ въ рѣкахъ коверкало.
Пустой остался замокъ,
Замкнутъ печатью Вашею,
Остался выводъ самокъ
Кормиться простоквашею.

И. Виноградовъ.

УШЕДШАЯ.

Стоялъ надъ ней въ раздумьи анатомъ:
«Погибла жизнь. Разбилась какъ зеркало.
Ея уста, расцвѣтшія гранатомъ,
Ужъ тлѣніе безжалостно коверкало.
Она ушла въ небесъ волшебный замокъ,
Ей на землѣ не суждено быть вашею—
Душѣ мятежной мѣста нѣтъ средь самокъ
Съ заботой о лѣченьи простоквашею».

Елена К.

В. А. МАКЛАКОВУ.

Васъ подробно какъ анатомъ
Осмѣетъ «Кривое Зеркало».
Какъ тагіевское злато, словно лакомымъ гранатомъ
Васъ прельщало и коверкало.
Ахъ!.. Оставьте Думскій Замокъ
И потеренную совѣсть съ роковой «защитой» Вашею
Въ цвѣтникѣ прекрасныхъ самокъ...
Вы залейте простоквашею...

Ст. Владимиръ Барскій

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Языкъ вашъ рѣжетъ какъ анатомъ,
Душа чиста, какъ это зеркало,
Глаза горятъ-блестятъ гранатомъ,
Видать, ничто васъ не коверкало...
Хотя жилье у васъ не замокъ,
Но я готова быть подругой вашей...
Я не похожа на модницъ-самокъ
И счастлива питаться простоквашей.

М. А. Зданевичъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВСТѢЧА.

Въ смущеньи надъ трупомъ склонился анатомъ—
Всю прежнюю жизнь увидалъ онъ какъ въ зеркало;
Невольно колечко онъ вспомнилъ съ гранатомъ...
Дуэль свою съ графомъ Коверкало.
Припомнилъ старинный готическій замокъ,
И ласковый шепотъ: «На вѣкъ буду Вашею!..»
Забылъ онъ ее въ вихрѣ жизни средь самокъ...
Вздохнулъ—и ушелъ... закусить простоквашею,

А. Погорѣлова.

МЫСЛИ ПЕССИМИСТА ВЪ АНАТОМИЧЕСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Міръ—это лишь препаратъ колоссальный, мудрецъ же—холодный анатомъ:
Жизни глубокія тайны вскрываетъ мыслитель, и смотритъ какъ въ зеркало,—
Видитъ: утратили люди подобіе Божье,—и яркимъ гранатомъ
Блещутъ въ нихъ... жажда наживы и все, что отъ вѣка лишь душу коверкало...
Евы потомки!.. Въ тотъ часъ, какъ Судья призоветъ въ свой Божественный замокъ,
Что предъявить передъ Нимъ вы сумѣете?—Вы, со всей ловкостью вашею?
Вы?—въ совершеннѣйшихъ перлахъ Творца разглядѣвшіе только лишь самокъ?..
Вы?—коимъ самый порывъ къ небесамъ замѣнилъ лишь... кувшинъ съ простоквашею?...

Алексѣй Макаровъ.

ВЫ.

Въ жизни печальной людской Вы точно холодный анатомъ,
Горе чужое Вы наблюдали въ Безстрастія—зеркало.
Раны сердечныя Вы называли «фальшивымъ гранатомъ»
И измышленьемъ—сомнѣнье, что жизнь такъ коверкало!
Вы отъ страданья ушли, скрывшись въ Бездушія-замокъ,
Что бы могло разсѣять чары безумія Вашего?
Что бы заставило вѣрить въ женщинъ-людей, а не въ самокъ
И разглядѣть, что небесъ глубина не бываетъ всегда «простоквашею»?

В, Щ.

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА.

Былъ онъ великой Россіи цѣлитель-анатомъ,
Совѣсти цѣлой страны былъ онъ блестящее зеркало.
Спитъ онъ теперь на чужбинѣ подъ старымъ гранатомъ
Душу скитальца «былое» терзало, коверкало,
Въ «думахъ» же насъ призывалъ въ свѣтлый свой замокъ.
Граждане! чтите писателя памятью вашею!
Въ женщинахъ онъ уважалъ человѣка не самокъ,
Книжною насъ не питалъ простоквашею.

В. Щербаненко.

КЪ * * *

Любовь отрицала,—и вотъ ты анатомъ!
Ну, что-жъ?!. Посмотрись теперь въ зеркало:
Гдѣ прежній румянецъ, что спорилъ съ гранатомъ.
Всю юность ученье коверкало.
Воздушный ни разу не строила замокъ,
Въ мечтахъ не шептала: «люблю.. буду Вашею»...
Теперь ты завидуешь участи самокъ,
Что запросто кормятъ ребятъ простоквашею.

Акенибертъ.

СОВРЕМЕННОМУ ПИСАТЕЛЮ.

Общественныя язвы вскрой смѣло, какъ анатомъ,
Передъ гримасой времени поставь—«кривое зеркало»;
Не замѣняй свой хлѣбъ сухой бананомъ иль гранатомъ—
Стремленье къ благамъ жизненнымъ всегда людей коверкало;
Идейный стягъ свой вознеси на неприступный замокъ,
Толпѣ-же брось: «я брезгую дешевой славой вашею!»—
И будетъ твое творчество—коль нѣтъ въ немъ «пола», «самокъ»—
Слезой гражданской чистою, не скисшей простоквашею!

Нина Литинская.

ВЕРШИТЕЛЬ.

Залитый кровью, какъ анатомъ,
Сержантъ глядѣлъ въ рѣку, какъ въ зеркало;
Краснѣли пятна тамъ гранатомъ,
И все лицо его коверкало...
Онъ многихъ сдалъ въ печальный замокъ—
Проститесь тамъ съ свободой вашею—
Въ немъ жизнь безъ радостей, безъ самокъ
Васъ можетъ сдѣлать простоквашею.

Константинъ Кантонистскій.

АНАТОМЪ.

Гляжу и не вѣрю! Великій анатомъ,
Во фракѣ, цилиндрѣ, глядитесь Вы въ зеркало;
Въ сорочкѣ сверкаютъ брильянты съ гранатомъ...
А сколько Васъ жизнью коверкало!
За матерью, помню, ворвались Вы въ замокъ,
Рыдая. Но скорбью не тронулись Вашею:
Ее промѣняли на гончихъ двухъ самокъ
За то, что разбила кувшинъ съ простоквашею.

М. Т.

ЗЕРКАЛО.

Мой пріятель художникъ-анатомъ
Мнѣ привезъ драгоцѣнное зеркало:
Все блистало камнями: гранатомъ
Бирюзою, а лица коверкало.
Такъ нерѣдко: вы создали замокъ,
А онъ былъ лишь фантазіей вашею,
И смѣнивъ идеалы на самокъ,
Утѣшаетесь все простоквашею!

С. Иремъ.

СОВѢТЫ ДѢТЯМЪ.

Дѣтки безпристрастны будьте какъ анатомъ:
Рожа коль—кривая не глядите въ зеркало;
(Напримѣръ, коль носъ Вашь будетъ схожъ съ гранатомъ,
Не кричите: „зеркало такъ его коверкало!").
Никогда не стройте Вы воздушный замокъ,
Созданный фантазіей безграничной Вашею,
Ибо то безплодно, какъ пингвиньихъ самокъ—
Пріучать питаться только простоквашею!

Б. К. Булгаковъ.

Огромный крабъ, морской анатомъ,
Медуза, скользкая какъ зеркало,
Полипъ, сверкающій гранатомъ,
При васъ «Титаникъ» льдомъ коверкало.
Былъ проченъ пароходъ какъ замокъ,
Но все же сталъ добычей вашею
Питаетъ васъ и вашихъ самокъ
Окровавленной простоквашею.

М. Строевъ.

УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Вонъ ужъ бредетъ деревенскій анатомъ...
Тихо покоится водное зеркало,
Солнышко кажется въ зыби гранатомъ...
Нѣтъ многолюдья, что нервы коверкало,
Лѣсъ на горѣ поднялся, словно замокъ,
Хаты... «Какъ милы вы съ ветхотью вашею!»
Снова я вижу крестьяночекъ-самокъ
Съ ихъ пирогомъ и родной простоквашею.

Александръ Клагесъ.

КОМУ-ТО.

Неурядицы Россійской умненькій анатомъ,
Одѣвая клякъ дурацкій посмотрѣлся въ зеркало.
Покраснѣлъ отъ самолюбья, весь сравнялся носъ съ гранатомъ
И такъ зеркалу онъ крикнулъ: «дикое Коверкало!
Если буду я у власти, то въ Литовскій замокъ
Всю я лѣвую сторонку съ позволенья Вашего,
И учащихся безхвостыхъ лошадиныхъ самокъ
Замурую!.. слѣдъ сравняю, съѣмъ всѣхъ съ простоквашею!!»

В. Щ.

«НИ-БЕ, НИ-МЕ, А—БУРИМЕ».

Какъ то разъ одинъ анатомъ,
Съ перепоя,—глянулъ въ зеркало,
Глянулъ—ахнулъ! носъ—гранатомъ!..
Долго пьяницу коверкало...
Но уѣхавъ въ старый замокъ,—
Ожилъ онъ молитвой вашею!
Слушалъ птицъ: самцовъ и самокъ
И питался простоквашею...

Agni.

ВЪ МЕРТВЕЦКОЙ.

Въ созерцаньи надъ трупомъ анатомъ...
Отражаютъ глаза словно зеркало:
«Упивались мной какъ гранатомъ,
Съ раннихъ лѣтъ меня жизнью коверкало.
Мнѣ все грезился царственный замокъ...
А сроднилася съ улицей вашею ..
И познала я радости замокъ.
И питалася все простоквашею»...

Н. Г. Мар—скій.

ГОЛОСЪ РАЗСУДКА.

Какъ, полный знанія, анатомъ
Я вижу все яснѣй, чѣмъ въ зеркало,—
Стекло не спутаю съ гранатомъ,
Я знаю то, что жизнь коверкало...
Химеры все!.. Воздушный замокъ!..
Безсильны вы съ мечтою вашею!
Хоть и ушли изъ ряда самокъ,
Но тутъ свернетесь простоквашею...

П. Ч.

В. М. П.

Государственный шутъ, не анатомъ,
Посмотритесь внимательно въ зеркало!
Покраснѣете камнемъ-гранатомъ,
Какъ давно васъ совсѣмъ не коверкало.
Сѣсть въ казенный вамъ нужно бы замокъ,
Съ пошло-гадкой моралью вашею:
Во всѣхъ женщинахъ видящій самокъ.
Ѣсть бы хлѣбъ вамъ сухой съ простоквашею!

Александръ Ч.

1.

Въ любви поэтъ, въ дѣлахъ—анатомъ,
Глядѣлъ я гордо въ жизни зеркало:
Добро влекло къ себѣ гранатомъ,
А зло мякиною коверкало...
Я изъ любви построилъ замокъ,
Его наполнивъ страстью вашею.
Я сливки снять стремился съ самокъ,
А угостили... простоквашею...

2.

Говорилъ мнѣ злой анатомъ:
«Не глядитесь часто въ зеркало:
«Вотъ цвѣтете вы гранатомъ,—
«Не такихъ еще коверкало...
«Сальварсанъ—воздушный замокъ,
«А съ привычкой скверной вашею
«Вы отъ этихъ милыхъ самокъ
«Не спасетесь простоквашею!..»

Михаилъ Злочевскій.

ТИПЪ.

Явленій жизни опытный анатомъ—
Даю портретъ вамъ: вотъ, глядяся въ зеркало,
Мечтаетъ нѣкто о кольцѣ съ гранатомъ...
Бездѣліе всю жизнь его коверкало:
Когда-то онъ имѣлъ свой домикъ. (Замокъ.
Коли сравнить хотя-бъ съ квартирой вашею!)
Имѣлъ десятки очень модныхъ самокъ
И кончилъ... хлѣбомъ, лукомъ, простоквашею!

А. Ѳ. Пановъ-Люсинъ.

ПРЫЩАВОМУ ГИМНАЗИСТУ.

Съ бритвой, важно, какъ анатомъ,
Сѣлъ онъ бриться. Глянулъ въ зеркало—
Видитъ носъ расцвѣлъ гранатомъ,
Рожу отъ прыщей коверкало!
Да-съ, пріятно строить замокъ
Для мечты любовью вашею!
Мой совѣтъ забудьте самокъ
И лечитесь простоквашею.

В. И. Викторовъ.

ДВА МІРА.

(Изъ женскихъ разговоровъ).
— «О, Арцыбашевъ—магъ, сердецъ анатомъ,
А слогъ его, ну, право зеркало.
Меня онъ какъ-то разъ сравнилъ съ гранатомъ,
Что солнце зноемъ исковеркало.
«Но все жъ»—сказалъ: «войди въ мой пышный замокъ,
Скажи: до завтра буду вашею...»
—«Ma chére, оставьте разсужденье самокъ,—
Полакомимся простоквашею»...

Г. И Вульфъ.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА.

Вѣтерокъ, шаловливо-безпечный анатомъ,
Водъ прозрачныхъ прорѣзалъ спокойное зеркало·
Небосклонъ засіялъ малахитомъ, гранатомъ,
Эхо вторило звукамъ и фразы коверкало...
Облака, то сходились въ таинственный замокъ,
Шаловливо играя фантазіей вашею,
То казались стадами испуганныхъ самокъ,
Или вдругъ представлялись горшкомъ съ простоквашею...

Иванъ Кулешовъ

ИЗЪ ДНЕВНИКА РАЗОЧАРОВАВШАГОСЯ.

Я теперь ничтожный лишь анатомъ.
Не гляжу давно-давно ужъ въ зеркало
Въ рамѣ разукрашенной съ гранатомъ:
Лгало вѣдь оно тогда, коверкало...
Рухнулъ золотыхъ мечтаній замокъ,
Сокрушенный злою силой вашею.
Вижу въ женщинахъ зовущихъ самокъ.
Много ѣмъ... Лечуся простоквашею.

Абе.

МЫСЛИ О ПРОШЛОМЪ.

Жизни своей буду строгій анатомъ:
Франтъ я былъ, моды ходячее зеркало,
Перстни сверкали алмазомъ, гранатомъ...
Счастье меня до смѣшного коверкало!
Было имѣніе, чудный былъ замокъ
Въ немъ—что создастся фантазіей вашею..
Сотни имѣлъ рысаковъ, кровныхъ самокъ;
А ужъ теперь—самъ кормлюсь... простоквашею!.

Павелъ Кузьминъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДВУХЪ УЧЕНЫХЪ МУЖЕЙ.

.. Напился пьянымъ Вашъ другъ анатомъ
И не узналъ себя онъ въ зеркало,
Казалась плѣшь ему гранатомъ.
Въ глазахъ двоилось, все коверкало...
И старый домъ принявъ за замокъ
Прельстился въ немъ онъ тещей вашею,
Онъ обѣщалъ ей пару самокъ,
Поклявшись гордо... простоквашею!..

БЛАГОЙ СОВѢТЪ.

Плохой психологъ и анатомъ!
Смотритесь вы почаще въ зеркало
Пока вашъ ликъ не цвѣлъ гранатомъ
И васъ отъ страсти не коверкало.
И удаляясь въ дивный замокъ,
Своей любви съ подругой вашею—
Великолѣпнѣйшей изъ самокъ—
Вы наслаждайтесь... простоквашею.

М. Ярославцевъ.

СОВѢСТЬ.

Грозный и сумрачный, совѣсть, анатомъ...
Жизнь передъ нимъ точно зеркало.
Жизнь ваша, люди, не блещетъ гранатомъ
Что ее, что не коверкало?
Въ сердцѣ у каждаго—совѣсти замокъ,
Совѣсти замокъ, предъ юностью вашею...
Жизнь человѣка—самцовъ жизнь и самокъ,
Тянется вѣчной она простоквашею.

Б. Королевъ.

ЮНОШАМЪ,

Будьте въ жизни, какъ строгій анатомъ,
И открыты, какъ четкое зеркало,—
И созрѣйте прекраснымъ гранатомъ,—
Чтобы васъ безъ труда не коверкало!
Съ осторожностью въ жизненный замокъ
Восходите дорогою вашею..
Берегитесь разнузданныхъ самокъ...
Ибо станете вы... простоквашею!

Ром. Ефремовъ.

Мысль расчленяетъ мнѣ душу опять, какъ искусный анатомъ
Сердце мое! Ты лишь жизни послушное зеркало.
Если бы вспыхнули въ жизни огни ярко-рдянымъ гранатомъ,
Сердце зажглось бы, забывъ обо всемъ что коверкало.
Но только тамъ,—только въ грезахъ сверкающій высится замокъ
Міръ озаренъ тамъ улыбкой, прекрасная, вашею.
Здѣсь-же гримаса любви у продажныхъ и чувственныхъ самокъ.
Страхъ за убогую жизнь, малокровье, обѣдъ съ простоквашею.

ПРОСТОКВАША.

Познакомьтесь съ Думой нашею! Милюковъ вотъ вамъ—анатомъ:
Разбираетъ все по косточкамъ. Пуришкевичъ—смѣло въ зеркало
Запускаетъ, чѣмъ попало,—апельсиномъ иль гранатомъ;
Засѣданія уродище это многія коверкало.
Замысловскій—полонъ бѣшенства. Кузнецовъ—пора-бы замокъ
Петропавловскій узрѣть ему, «патріоты», волей вашею.
Марковъ—кулаки здоровые! Противъ допущенья «самокъ»!
Съ чѣмъ-же Думу всю сравнить намъ, въ общемъ? Ну, хоть съ простоквашею.

Георгій Багриновскій.

ИСТИНА.

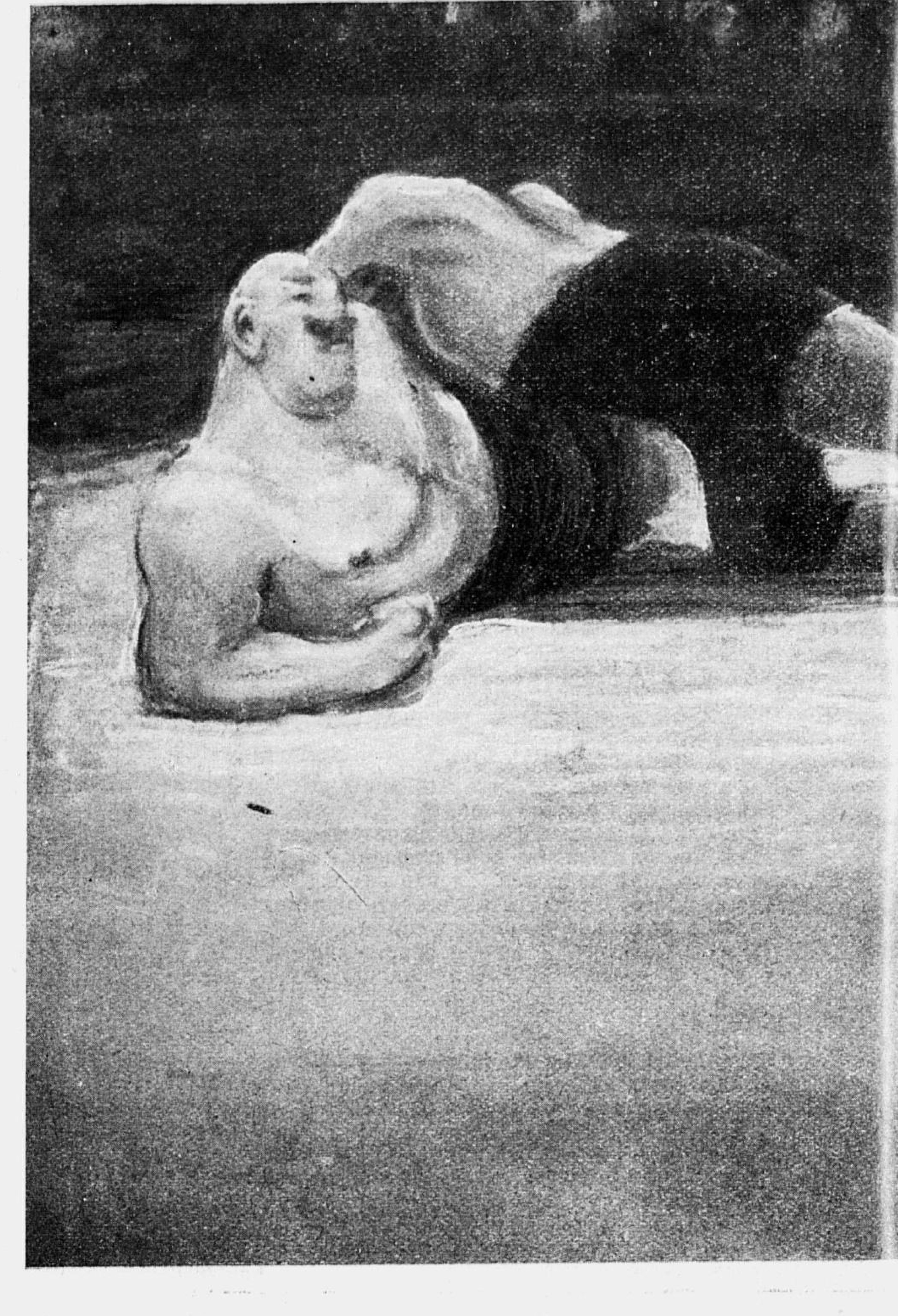
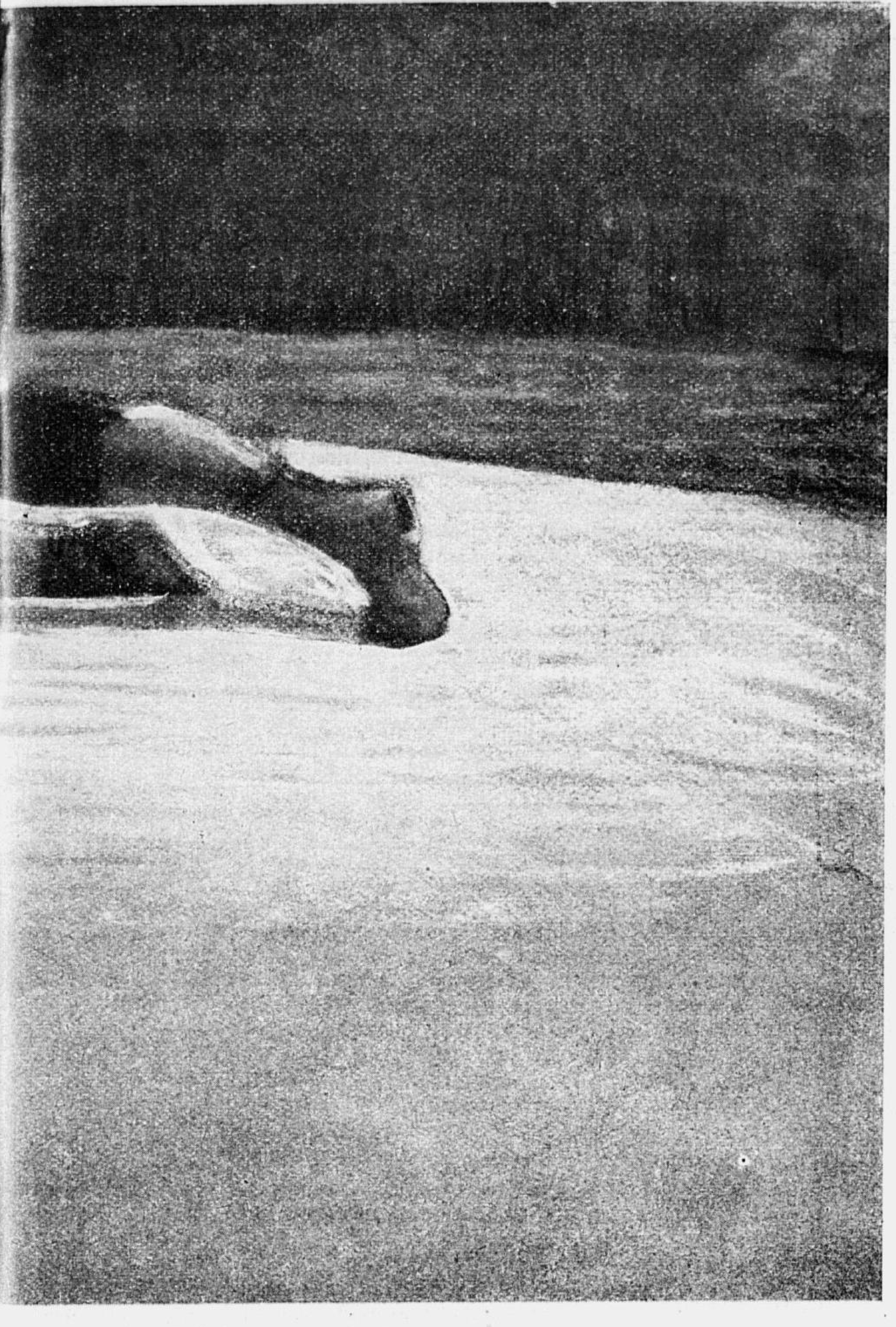
Не все-ль равно кто ты: купецъ или анатомъ,
Артистъ, мужикъ, судья, что правамъ нашимъ зеркало,
Питаешься-ли ты омарами, гранатомъ
Иль коркою сухой тебѣ нутро коверкало...
Ты человѣкъ—самецъ! Не все равно-ли замокъ
Иль хата твой пріютъ: подъ кровлей всякой вашею
Найдешься ты самецъ среди такихъ же самокъ,
Хоть кашей сытъ одинъ, другой же простоквашею!

Виталій Никифоровъ.

РЕДАКТОРУ.

Не трудно мысль изъ словъ анатомъ
Связать со словомъ зеркало,
Назвать уста легко гранатомъ,
Сказать, что жизнь коверкало,
Упомянуть про нѣкій замокъ,

А. Вахрамѣевъ.

Согласно съ волей вашею,
Но, хошь не хошь, придется самокъ
Кормить, братъ, простоквашею.

ДЖІОКОНДА.

Я срывалъ съ нея платье, какъ жадный анатомъ,
Заблестѣло мнѣ тѣло ея точно зеркало,
И уста ея рдѣли мнѣ алымъ гранатомъ,
И бѣжало меня все, что жизнь мнѣ коверкало.
И унесся я въ дальній, чарующій замокъ...
Но прошли вы, мгновенья, со страстью всей вашею
И я видѣлъ: съ довольствомъ упитанныхъ самокъ
Услаждалась богиня моя... простоквашею.

НА ТОКУ.

Пульсъ природы я слушалъ, какъ страстный анатомъ,
Отражала вода небосводъ, точно зеркало,
Подымалося солнце пурпурнымъ гранатомъ
И поверхность рѣки вѣтерочкомъ коверкало,
Громоздилися тучи, какъ царственный замокъ.
Вы далеко ушли, дни, съ заботою вашею!
И глухарь ужъ сзывалъ торжествующе самокъ,
На току, бѣломъ инеемъ, какъ простоквашею.

А. Амолинъ.

1.

Какъ любопытный анатомъ
Смотритъ женщина въ зеркало
Боится чтобъ жизнь какъ гранатомъ
Личико ей не коверкало
— «Имѣйте обширнѣйшій замокъ,
Тогда только буду я вашею
Вѣдь я изъ породистыхъ самокъ,
Не станешь кормить простоквашею».

2.

Ни дать ни взять анатомъ
Театръ «Кривое Зеркало»
Тамъ часто какъ гранатомъ
Всю публику коверкало
Вокругъ волшебный замокъ—
Любая будетъ вашею—
И личики у самокъ
Сличаемъ съ простоквашею..

3.

Пока не вскрылъ меня анатомъ,
Глядѣться буду часто въ зеркало;
Украшусь жемчугомъ, гранатомъ,
Чтобъ злостью всѣхъ подругъ коверкало.
Меня къ себѣ возьмите въ замокъ,
И буду я всецѣло вашею;
Со мной, прелестнѣйшей изъ самокъ,
Тамъ насладитесь... простоквашею.

Анна Ефимова

СТАРОСТЬ.

Задумчиво старый анатомъ
Смотрѣлся въ висѣвшее зеркало,
Вы, губы, вы рдѣли гранатомъ
Ахъ, какъ Васъ теперь исковеркало,
Да, жизнь заколдованный замокъ.
Всѣ встрѣтитесь съ старостью вашею.
Смерть ждетъ какъ самцовъ, такъ и самокъ
Ѣшь мясо иль медъ съ простоквашею...

Григорова.

В. М. П.

Васъ разбиралъ уже анатомъ,
И лысину являло зеркало,
Вы «фруктъ», но не сходны съ гранатомъ:
Васъ «красное» всегда коверкало,
Построили вы шаткій замокъ.
Съ программой всѣ знакомы вашею,
На женщинъ зрите, какъ на самокъ,
Такъ смажьте плѣшь вы простоквашею!!

К. Бекташевъ.

1. ПРІЯТЕЛЮ.

Я рѣжу ростбифъ, какъ анатомъ
Души моей—въ обѣдѣ зеркало;
Изъ фруктовъ пользуюсь гранатомъ,
Сіе—бюджетъ всегда коверкало.
Когда бъ имѣлъ я старый замокъ,
Я васъ, мой другъ, съ супругой вашею
Тамъ угостилъ бы парой самокъ
Пулярдокъ, кофе, простоквашею...

2. ТОРРЕРО.

Я для быка—какъ опытный анатомъ,
На мнѣ взоръ дѣвъ (украдкой только въ зеркало!)
Торреадоръ! Пусть кровь сверкнетъ гранатомъ,
Хотя бъ животное и все кругомъ коверкало...
О, не сулите мнѣ изъ грезъ воздушный замокъ,
О, донны, прочь съ ненужной страстью вашею:
Я вижу въ васъ лишь ждущихъ крови самокъ...
Пріявъ вѣнецъ—наѣмся простоквашею.

Р. Бѣлявскій.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ КОРРИДОРѢ.

— «Онъ кто: юристъ или анатомъ?»...
— «Возьмемъ сферическое зеркало»...
— «Да, въ книгѣ, изданной Гранатомъ»...
— «Разбило колбу, исковеркало»...
— «N. угодилъ въ Литовскій замокъ»...
— «Профессоръ, надъ задачей вашею»...
— «Борьба за жизнь—борьба за самокъ»...
— «Теперь всѣ бредятъ простоквашею»...

Студ. Сергѣй Розеноеръ.

МОРЕ.

Юноша пылкій, мудрецъ иль анатомъ
Всѣ вы глядитесь въ море, какъ въ зеркало,

Блещетъ оно изумрудомъ, гранатомъ
И никогда мирныхъ грезъ не коверкало.
Въ гребнѣ волны вамъ мерещется замокъ,
Сердце согрѣлось фантазіей вашею:
Вы позабыли нарядъ пошлыхъ самокъ,
Плѣсень обычную, жизнь съ простоквашею.

В. А. С.

ПОЗДНЕЕ РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Сердце растерзали мнѣ вы, какъ трупъ анатомъ;
Всѣ движенья ваши я ловилъ, какъ зеркало;
Подарилъ вамъ, помню я, кольцо съ гранатомъ;
И знакомство съ вами жизнь мнѣ исковеркало.
Строилъ горделиво свой воздушный замокъ,
Духомъ сочетался я съ душею вашею,—
Вы же оказались самкою изъ самокъ;
Сталъ не буйнымъ хмѣлемъ я,—кислой простоквашею.

Р. Н.

Ну, и глупъ же, мой добрый анатомъ!
Цѣлый день, напролетъ, смотритъ въ зеркало;
А съ чего? Вѣдь носище—гранатомъ,
И всего-то его исковеркало!..
Фантазируетъ: «Ѣдемъ въ мой замокъ!
»Часть владѣній моихъ будетъ вашею
«Покажу вамъ красавицъ я, самокъ,
«Угощу не одной простоквашею!»

М. Розенфельдъ.

Полно вздоръ болтать, анатомъ!..
Поглядитесь въ зеркало!
Споритъ цвѣтомъ носъ съ гранатомъ...
Что Васъ такъ коверкало?..
Нѣтъ!.. вернетесь лучше въ замокъ,
Я не буду Вашею...
Васъ утѣшутъ ласки самокъ,
Рѣдька съ простоквашею...

Вадимъ Бѣловъ.

ТИТАНИКЪ.

Чудо льда мощное - грубый анатомъ,
Гранью врѣзался, гладкой какъ зеркало,
Крови покрытое яркимъ гранатомъ,
Бѣдное тѣло «Титана» коверкало.
Дивный, плавучій назначило замокъ,—
Нѣдры морскія! добычею вашею,
Горы обломковъ, самцовъ трупы самокъ
Гнусной и дикой смѣшавъ простоквашею.

М. Ивановъ.

ЭКСПРОМТЪ.

Про вашъ конкурсъ провѣдавъ, ученый анатомъ
Музы тѣнь вдругъ увидѣлъ нечаянно въ зеркало,
Вдохновился, и, «дыню», рифмуя съ «гранатомъ»
Ямбъ трехстопный перо его долго коверкало!
Ужъ воспѣлъ онъ любовь двухъ сердецъ, мрачный замокъ...
И вдругъ молвилъ:—«А что бъ васъ, съ затѣею вашею!
Арцыбашевъ я, что ль, что бъ писать вамъ про самокъ?.
Нѣтъ уйду отъ грѣха, освѣжусь простоквашею!»

Е. Р. Р—ье,

МУДРОСТЬ И ГЛУПОСТЬ.

Мудрое слово! ты—вѣщій анатомъ:
Вѣчно ты жизнь отражало, какъ зеркало,
То разсыпалось кристальнымъ гранатомъ,
То всѣ пороки людскія коверкало.
Глупыя рѣчи! вы—въ воздухѣ замокъ:
Міръ забавляется глупостью вашею,
Вы-жъ, безъ смущенья, какъ кроликовъ—самокъ,
Кормите жидкою людъ простоквашею.

П. Скомороховъ.

ПОГИБШІЙ АВАНСЪ.

Я видѣлъ какъ старый анатомъ
Наблюдалъ красотку въ зеркало,
Какъ дарилъ браслетъ съ гранатомъ,
Какъ его при томъ коверкало...
Но браслетъ не то—что замокъ:
Въ благодарность волей вашею,
Онъ прелестною изъ самокъ,
Былъ накормленъ простоквашею!..

Л. Полушкинъ.

1. НЕЖДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Рукою холодною словно анатомъ,
Я вамъ подношу безучастное зеркало...
Накрашены щеки пылаютъ гранатомъ...
Васъ время, я вижу не мало коверкало.
Разрушенъ въ душѣ моей сказочный замокъ—
Навѣки погибъ съ непорочностью вашею.
Нѣтъ прежнихъ мечтаній! Я въ обществѣ самокъ,
Пропитанныхъ пошлостью и... простоквашею.

2. ВЪ СТАРОМЪ ЗАМКѢ.

О, могу ль, какъ холодный анатомъ.
Я глядѣть въ это старое зеркало,
Гдѣ прабабкины щеки горѣли гранатомъ!
Но могучее время жестоко коверкало
И огонь этихъ щекъ, и мечтательный замокъ.
Отъ пробабки онъ сталъ усыпательницей вашею.
Онъ васъ вѣрно хранитъ отъ вторженія самокъ
Съ ихъ хозяйствомъ, заботою и простоквашею.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Вотъ картинка, названье «Анатомъ»,
Рядомъ старое, битое зеркало,
(Въ грубой рамкѣ, съ поддѣльнымъ гранатомъ)
Мнѣ лицо оно часто коверкало.
Надъ столомъ—нарисованный замокъ
Съ неразборчивой подписью Вашею,
Въ клѣткѣ—кенаръ-самецъ, пара самокъ,
А на полкѣ—горшокъ съ простаквашею.

Кс. Лукьянова.

СТАРОМУ ПЬЯНИЦѢ.

Я не физикъ, не анатомъ,
Но вашъ ликъ—прямое зеркало:
Если носъ цвѣтетъ гранатомъ,
Значитъ жизнью васъ коверкало!..
Запереть васъ надо въ замокъ
И, занявшись пользой вашею,
Васъ лишить вина и самокъ
И питать васъ простоквашею!..

«2 ноября 1875 г.».

Поэтъ я и жизни анатомъ,
Душа моя—чистое зеркало,
А сердце краснѣетъ гранатомъ,
Хоть въ жизни его и коверкало.
Жилище—фантазіи замокъ;
Разстался я съ низостью вашею,
Со сворою чувственныхъ самокъ,
Съ болотной густой простоквашею,

Ник. З—ный.

КУРСИСТКѢ.

Милая курсистка, что Вы за анатомъ?
Бросьте Ваши книжки, поглядитесь въ зеркало!
Уберите волосы блещущимъ гранатомъ,
Чтобъ убранство скромное красокъ не коверкало.
Вамъ войти бъ царицею въ лучезарный замокъ,
Чтобы любовались всѣ красою Вашею!
Вамъ уйти бъ подальше отъ самцовъ и самокъ,
Не питаться больше хлѣбомъ съ простоквашею.

А. Рапопортъ.

Въ явленьяхъ разума свихнувшійся анатомъ
Я отражала міръ какъ вогнутое зеркало
Такъ пошлый огурецъ казался мнѣ гранатомъ
Видѣнья-жъ красоты душа моя коверкала.
И создавался мной изъ грезъ роскошный замокъ,
Въ мечтахъ своихъ клялась я быть рабою вашею
На дѣлѣ проявить инстинкты страстныхъ самокъ,—
Но оказалась кислой простоквашею.

Ольга К.

* * *

Я въ замкѣ гордомъ жилъ алхимикъ и анатомъ.
Красивъ, какъ богъ! (иль только лгало зеркало?)
Питался нектаромъ, амброзіей, гранатомъ...
Но время шло и все, смѣясь, коверкало!
Я постарѣлъ... я все забылъ... и продалъ замокъ!
И съ вами, смертные, живу заботой вашею:
Играю въ винтъ, ращу курей (самцовъ и самокъ),
А вмѣсто нектара—доволенъ... простоквашею!

В. Покровскій.

Люблю я васъ, какъ трупъ—анатомъ...
Когда вчера, глядяся въ зеркало,
Дразня, играли вы гранатомъ,—
Меня сводило и коверкало...

И создалъ я волшебный замокъ,
Весь напоенный страстью вашею...
И думалъ: «лучшая изъ самокъ,
Ужель ты станешь простоквашею?!.

Алексѣй Горбатовъ.

ОТЕЦЪ—СЫНУ:

Дуралей! Тебя-бы бить канатомъ!
Бѣлоручкой, смотришься все въ зеркало...
Губы красны, рдѣются гранатомъ
Зубы—жемчугъ!» жизнью не коверкало!
Что-же? Предъ тобою все воздушный замокъ?
Поживи-ка въ мірѣ ты мордвы, чувашей,
Такъ забудешь замокъ и волшебницъ-самокъ,
И займешься, сынъ мой, кислой простоквашей ..

Н. С.

Кто-бъ ни былъ ты, хоть неучъ, хоть анатомъ,—
Не унывай разсматриваясь въ зеркало—
Пусть покраснѣлъ твой носъ гранатомъ,
Пусть время лобъ морщинами коверкало...
Чтобъ сердце женщины взять неприступный замокъ.—
Чтобъ слышать отъ нея: «согласна я—быть вашею»
Чтобы успѣхъ имѣть у женщинъ какъ у самокъ—
Смѣлѣе только будь, не кисни простоквашею.

Г. П. Бене.

ФЕМИНИСТКА.

Хоть мнѣ льститъ восторженный анатомъ,
Хоть мнѣ льститъ нелицемѣрно зеркало,
Но мой ротъ, алѣющій гранатомъ,
Недовольною гримасою коверкало.
Вѣдь мечты мои—увы!—воздушный замокъ.
О, мужчины! Милостью вашею
Мнѣ придется между глупыхъ самокъ
Средь бездѣлья киснуть простоквашею.

Левъ Фольварковъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ БЕЗСОННИЦЫ.

Вообрази что ты анатомъ,
Три раза плюнь на рожу въ зеркало,
Затѣмъ пусти въ нее гранатомъ,
Чтобъ меньше на душѣ коверкало,
Потомъ пойди въ высокій замокъ
Тамъ крикни; «Черти силой вашею
Я заклинаю гнусныхъ самокъ!»
А самъ умойся простоквашею.

В. Мейеръ.

МЕЧНИКОВЪ И АНАТОМЪ.

Лѣтъ семьдесятъ прожилъ на свѣтѣ зѣло наученый анатомъ.
Его сѣдины отражало давно ужъ безстрастное зеркало...—
Ученое слово онъ сѣялъ, премудрое сыпалъ гранатомъ
И всѣхъ отъ ученья его, какъ отъ боли коверкало..
Самъ Мечниковъ ѣздилъ нерѣдко къ анатому въ замокъ
И такъ говорилъ: «Я доволенъ ученостью Вашею...
Кормите скотовъ хорошенько — самцовъ заморенныхъ и самокъ,
Но только не кашею вашей,—моей простоквашею.

Лео-Леони Пуссе.

I. ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ДРУГА БАХУСА.

«Онъ умеръ отъ пьянства»! такъ рекъ тебя потрошившій анатомъ.
Бахусъ погубитъ!—ежедневно пророчило зеркало,
Носъ твой взору рисуя багрово-спѣлымъ гранатомъ.
Что-ты, другъ, не повѣрилъ?! Не лгало-жъ оно, не коверкало!
Кончено все! Навѣки покинулъ ты дѣдовскій замокъ...
Недаромъ бывало, съ друзьями, за бурной попойкою вашею
Замертво падалъ ты на руки пьяныхъ, гогочущихъ самокъ
И снова тянулъ, ледяной лишь себя освѣживъ простоквашею!..

II. ГИМНЪ МУДРЕЦА—НЕНАВИСТНИКА ЖЕНЩИНЪ.

Могучъ и всесиленъ мой разумъ! Скальпелемъ знанія онъ, безстрашный анатомъ,
Тайны покровы вскрываетъ. Мысли моей глубина отражаетъ, какъ зеркало,
Жизни хаосъ. Ни ужасы горя, ни крови потока, алѣя гранатомъ,
Ни ревность и злоба—ничто никогда гнѣвомъ иль болью души не коверкало.
Безстрастна, горда, одинока она, словно старый покинутый замокъ!..
Женщины!.. Только вы нарушаете духа гармонію низостью вашею,
Только васъ ненавижу коварно-жестокихъ и мелочныхъ самокъ!
Жалкій вашъ мозгъ, ваше дряблое тѣло съ презрѣньемъ зову... простоквашею...

Эль-(манъ).

Какъ холодный и расчетливый анатомъ
Разсмотрѣли мою душу въ свое зеркало...
Наблюдая за разрѣзаннымъ гранатомъ,
Изучили точно, что его коверкало.
И создали Вы на томъ воздушный замокъ,
Ликовали, что согласна я быть Вашею...
Такъ смотрите-жъ—я для тѣхъ, кто ищетъ самокъ,
Окажусь прокислой простоквашею.

РЕЦЕПТЪ.

Я, хотя, не докторъ, а анатомъ,
Но... Вашъ общій, вѣдь, виденъ даже въ зеркало...
Вы... которая равнялись красками съ гранатомъ...
Боже мой!.. Но что Васъ такъ коверкало?
Мой совѣтъ—скорѣй катить въ Вашъ замокъ;
Вамъ немыслимо здѣсь быть съ болѣзнью Вашею.
Тамъ въ глуши живите жизнью самокъ,
Наслаждайтесь вкусной простоквашею.

В. Б. Весницкій.

КЛЯТВА БОЛЬНОГО.

До тебя скоро. другъ, доберется должно быть анатомъ:
Болитъ печень. Гляжусь я—охъ часто какъ въ зеркало!..
По совѣту врача пробавляюсь я грушей, гранатомъ—
Умирать не хочу, хотя въ жизни и сильно коверкало.
Воздвигаю изъ мыслей воздушный пріятнѣйшій замокъ
Прочь—болѣзни! Не стану я жертвою вашею!
И безсонныя ночи я брошу и Васъ женщинъ-самокъ
И питаться начну лишь одной, да—одной, простовашею.

Серафима Чугунова.

1.

Я проникъ въ вашу грудь какъ анатомъ.
Для меня ваше сердце, что зеркало.
Вѣдь я вижу, что лживымъ гранатомъ
Въ немъ сомнѣнье порывы коверкало.
И я жажду пройти въ дивный замокъ.
Быть мечтою, любовью быть вашею...
Но, возможно, что «ласковость самокъ»
Эта жизнь «какъ у всѣхъ»... съ простоквашею...

2.

Я въ безумныхъ объятьяхъ твоихъ, какъ анатомъ,
Отразилъ въ себѣ душу твою, точно зеркало..
Вѣдь во мнѣ, какъ въ тебѣ, проникая гранатомъ,
Одиночество мысль и напѣвы коверкало!
И, какъ ты, я постигъ, разгадалъ лживый замокъ,
И, какъ ты, я глумился, о люди, надъ вашею,
Непроглядностью зла и исчадіемъ самокъ
Порожденной во мракѣ души, простоквашею!

3.

Словно соколъ степей, какъ суровый анатомъ,
Проникалъ, постигалъ я умы, точно зеркало,
И въ однихъ, я видалъ, жизнь рождалась гранатомъ
А въ другихъ—жизни дно всѣ стремленья коверкало...
Но любовь, охраняла нашъ сказочный замокъ,
Осіонная снилась улыбкою вашею...
И мы грезили... мы, порожденіе самокъ,
Хоть мечта далека, хоть и жизнь «съ простоквашею».

4.

Я всесильнымъ прослылъ оттого, что какъ грозный анатомъ,
На скрижаляхъ души отразилъ я мечты будто зеркало!..
Я прекраснымъ прослылъ оттого, что сердечнымъ гранатомъ
Единеніе съ небомъ меня, превозвѣстника правды коверкало!..
Непостижнымъ прослылъ оттого, что далекій мой замокъ
Воцарился, вознесся, какъ Богъ, надъ суетностью вашею!..
Нелюбимымъ прослылъ оттого, что привязанность самокъ,
Какъ кумиръ, я смѣшалъ съ пошлой жизнью людской «съ простоквашею»!

5. Л. АНДРЕЕВУ.

Молчаливо-угрюмый и трепетный, словно анатомъ,
Онъ, Анатема, зрѣлъ пустоту, глядя окомъ въ столикое зеркало;
И, въ дрожаньи тѣней, Черный Воронъ казался гранатомъ
И «Ничто» въ темнотѣ непросвѣтные блики коверкало.
И неслышной стопой я проникъ въ заколдованный замокъ,
Углубился, увлекся я, тѣни, бездумностью вашею...
И Анѳиса, безплотною тѣнью, пародіей самокъ.
Наклонялась, скорбя надъ «бездонностью дна» простоквашею!
Гр. Лапидусь.

И. А. СИК—transit gloria mundi—ОРСКОМУ.

Онъ былъ психіатръ, и отнюдь не анатомъ
И въ душу людскую смотрѣлъ, точно въ зеркало,
Онъ ею жонглировалъ, будто гранатомъ,
И «мнѣнье» его очень часто коверкало.
Воздвигъ на Подвальной онъ замокъ,
Не кровью, не потомъ, а «милостью вашею»,
Могъ только отличить самцовъ онъ отъ самокъ.
А самъ обладалъ не душой—простоквашею.
А. И. Судипалъ.

Родичевъ—великій политическихъ дѣлъ анатомъ,
Гегечкори—партіи соціалъ демократовъ зеркало.
У Челышева отъ борьбы съ пьянствомъ носъ блеститъ гранатомъ,
Пуришкевича отъ рѣчей К. Д. обезьяной коверкало.
Милюковъ въ облакахъ строитъ какой-то воздушный замокъ,
Маклаковъ мирится съ точкой зрѣнія и нашей и вашею,
А Тимошкинъ въ курсисткахъ видитъ лишь самокъ,
Ну и компанія! какая-то каша съ простоквашею.
В. Никитинъ.

Не поэтъ я, а врачъ и анатомъ
И, прочтя эти риѳмы, чуть въ зеркало
Не пустилъ я незрѣлымъ гранатомъ!
Цѣлый день меня злобой коверкало!..
О, Литовскій купить легче замокъ
Чѣмъ страдать надъ задачею вашею,
Въ джунгляхъ Африки легче мнѣ самокъ
Леопарда кормить простоквашею!..
Леонидъ Жильцовъ.

Говорилъ мнѣ злой анатомъ:
«Не глядитесь часто въ зеркало:
«Вотъ цвѣтете вы гранатомъ,—
«Не такихъ еще коверкало!..
«Сальварсанъ—воздушный замокъ,
«А съ привычкой скверной вашею—
«Вы отъ ласки милыхъ самокъ
«Не спасетесь простоквашею»!..
Михаилъ Александровъ.

«ТИТАНИКЪ».

О, величественный корабль, привязанный къ берегу канатомъ
Наконецъ уплылъ ты далеко по тихому морю какъ зеркало,
Но увы! На встрѣчу тебѣ зловѣщіе льдины гранатомъ,
И, только немного приблизившись, тебя порядкомъ исковеркало.
Несчастный! Ты былъ какъ покинутый разгромленный замокъ,
Хоть и пользовался безпроволочной системою вашею;
Но, гибель всѣмъ! Спасавши нѣсколькихъ самокъ
Всѣ геройски и измученные пошли ко дну простоквашею.
Лезгинцева.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Какъ холодный и точный анатомъ
Поѣздъ рѣжетъ равнину. Вотъ зеркало
Промелькнуло и скрылося водное. Развлекаюсь отъ скуки гранатомъ
Недозрѣвшимъ и терпкимъ. Отъ кислаго сводитъ скулы, лицо поковеркало.
Вотъ мелькнулъ и исчезъ чей то брошенный замокъ,
Здѣсь хотѣла-бъ я жить и... быть вашею!
Чу, свистокъ! Замедленіе... станція... лица глупыхъ, гуляющихъ самокъ...
..Вижу бабу, что вынесла къ поѣзду молоко и горшокъ съ простоквашею.
Вѣра Днейтренсъ.

ЗЛОРАДСТВО.

Разъявъ барона трупъ, анатомъ
Глядѣлся молча въ зеркало.
Кровь прилила къ щекамъ гранатомъ,
Всего его коверкало.
Сказалъ онъ: «не вернетесь въ замокъ,
Баронъ, съ супругой вашею
Кормить мясцомъ собачьихъ самокъ,
Поить ихъ простоквашею».

ВСТРѢЧА СЪ ОБОРВАНЦЕМЪ

«Послушайте, «анатомъ»!
Вы не глядѣлись въ зеркало?
Измазались гранатомъ,—
Гдѣ этакъ васъ коверкало?
Куда идете? Въ замокъ?
На васъ, съ фигурой вашею
Натравятъ гончихъ самокъ,
Окатятъ простоквашею!»

ПРОФЕССОРУ NN.

Скотникъ вы, а не анатомъ!
Поглядитесь сами въ зеркало
Щеки—сливой, носъ—гранатомъ.
Много, много васъ коверкало!
Бросьте грезъ воздушный замокъ,
Знайте: должно съ рожей вашею
Не вскрывать самцовъ и самокъ,—
А возиться съ простоквашею!

УБІЙЦА.

Убійца рѣзалъ жертву, какъ анатомъ,
Косясь пугливо на большое зеркало.
Кровь залила коверъ и полъ гранатомъ.
Товарищей отъ ужаса коверкало.
Дорѣзавъ, онъ сказалъ: «въ тюремный замокъ,—
Охъ, попаду съ проклятой шайкой вашею!
И изъ-за жадныхъ, наглыхъ вашихъ самокъ
Подохну тамъ, питаясь простоквашею».
Н. А. Штейнбергъ.

МОДЕРНИСТЪ И ВРАЧЪ.

— «Я женщинъ изучилъ, какъ опытный анатомъ,
Я зналъ и блескъ ихъ глазъ, глубокихъ точно зеркало,
Я зналъ и свѣжесть губъ, темнѣющихъ гранатомъ,
И я любилъ глядѣть какъ страстью ихъ коверкало»...
— «Эхъ, бросьте! Все обманъ. Воздушный страсти замокъ
Разрушу я въ моментъ. Довѣрчивостью вашею
Вы отдали себя во власть развратныхъ самокъ.
Я буду васъ лечить болгарской простоквашею»!..
М. М. Бутовичъ.

О, ЖЕНЩИНЫ!

Однажды неловкій профессоръ анатомъ
Введя паціенту въ носъ зеркало
Рѣзнулъ неудачно. Лилась кровь гранатомъ,
Больного отъ боли коверкало.
Несчастный безъ носа вернулся въ свой замокъ.
— «Что сдѣлалось съ физіей вашею».
Вскричала супруга,—одна изъ тѣхъ самокъ,
Что мужа ѣдятъ съ простоквашею.
Н. А. Штейнбергъ.

Если-бъ былъ П—вичъ анатомъ
И на черепъ свой глянулъ-бы въ зеркало,
То, клянусь моимъ перстнемъ съ гранатомъ,
Душку Володю всего-бы коверкало.
Депутаты, какъ попалъ онъ въ Таврическій замокъ,
Не считаясь съ народомъ и волею вашею?
Онъ стоитъ за безправіе самокъ!
Господа, накормите-жъ его простоквашею!
В. Пентко.

1. ИГРОКЪ.

Одинъ извѣстнѣйшій анатомъ
Для вскрытья труповъ принесъ зеркало.
Одинъ объѣлся вдругъ гранатомъ,
Его предъ смертью все коверкало.
Другой, сказали, ѣхалъ въ замокъ
Съ своей женою, теткой вашею,
Хотѣлъ травить оленей самокъ,
А самъ объѣлся простоквашею.
Анатолій Кирѣевъ.

А. Вахромѣевъ.

Бывъ разъ избитъ краппленныхъ картъ анатомъ
Усталый взоръ направивъ въ зеркало
Рѣшилъ вдругъ, что щека распухшая гранатомъ
Изящный профиль исковеркало.
— «Мерзавцы, прошепталъ, позвать въ богатый замокъ
Эксцентрика, и вмѣстѣ съ сворой вашею
Шандалами избить при громкихъ крикахъ самокъ
Какъ будто онъ горшокъ и то не съ простоквашею!»

2. ЛОТОШНИЦА.

Если мысли ты анатомъ
Хочешь видѣть жизни зеркало
То пойди ты, гдѣ гранатомъ
Нарумянивъ исковеркало
Лица нашихъ добрыхъ самокъ
Страсть въ лото. Забыть и замокъ
И дѣтей подъ кровлей вашею
Кормятъ только простоквашею.

3.

Сперва онъ былъ скромный анатомъ
Имѣя два стула и зеркало
Уста его рдѣли гранатомъ
И горе его не коверкало.
А сблизившись съ дочерью вашею
Обставилъ роскошнѣйшій замокъ
Но послѣ старѣющихъ самокъ
Питался одной простоквашею.

4. НЕГРЪ.

Живя въ лѣсу, ахъ не былъ онъ анатомъ
И рѣдко ѣлъ, и сытъ бывалъ гранатомъ
И рожу черную вода—всѣхъ дикихъ зеркало
Коверкать не могла и не коверкала.
Разъ сидя въ шалашѣ, его всегдашній замокъ
Увидѣлъ онъ вдали двухъ бѣлыхъ жирныхъ самокъ
Подкрался къ нимъ, и скрывшись съ дочкой вашею
Состряпалъ изъ нея рагу подъ простоквашею.
Владиміръ Степановичъ Кунаковъ.

КОСМОСЪ.

Любуется Хаосъ суровый анатомъ
На вещи. Дрожитъ безграничное зеркало,
И плаваетъ въ небѣ гранатъ за гранатомъ...
Горячее солнце орбиты коверкало.
Тамъ радужный вѣеръ, тамъ пламенный замокъ
Разсыпался кольцами газа надъ вашею
Духовною тканью, тамъ атомы самокъ
Вступили въ союзъ съ міровой простоквашею...
Даніилъ Лаврентьевъ. Овчаренко.

ДОКТОРЪ ГААЗЪ.

Добрый докторъ Гаазъ былъ великій анатомъ.
Всюду, въ немъ не разъ—зло имѣло правды зеркало
Средь камней—дикарей его звали гранатомъ.
Его дѣло, правды жаломъ—неправду коверкало.
Добро взаперти, виситъ желѣзный замокъ...
О! люди—братья, откройте свѣтъ ему любовью вашею;
Это докторъ творилъ въ черномъ мірѣ самокъ,
Завѣщавъ имъ при этомъ: учить правдѣ дѣтей, питая простоквашею.
Мих. Боярскій.

Надъ трупомъ утопленицы прекрасной склонился анатомъ,
На берегу озера гладкаго какъ зеркало,
А солнце заходящее отливая гранатомъ,
Лицо молодое лучами красными коверкало.
Не нужны ужъ погибшей, ни пышный замокъ,
Ни всѣ Вы съ неискренней скорбью Вашей,
Стоскуется по ней лишь кучка утиныхъ самокъ
Кормившихся такъ часто изъ рукъ ея простоквашею.
В. Боровицкій.

Женщины! Жизни я вашей анатомъ
Повѣрьте! Душа моя чиста, какъ зеркало!
Росъ я на волюшкѣ дикимъ гранатомъ..
Меня воспитанье—развратъ не коверкало...
Ждалъ я васъ... Звалъ васъ въ открытый свой замокъ...
Жаждалъ сліянья съ душею я вашею,
Но... не нашелъ ея... Видѣлъ лишь самокъ...
Ну что-же! Смывайте загаръ, простоквашею!
Николай Бор—скій

НА ЗАВТРА.

Проспавшись съ похмѣлья нашъ анатомъ,
Немогъ опознать себя, даже въ зеркало;
Фонарь красовался, въ сравненьи съ гранатомъ
И это явленіе рожу коверкало
Пронесся въ миражѣ окраинный замокъ,
Улыбка, слова, «вѣдь буду я вашею?»
Въ экстазѣ, проведшій время межъ самокъ,
Внутренній жаръ тушилъ простоквашею.
Г. Яковлевъ.

НА НЕВСКОМЪ.

(Портретъ фланера).
Кто онъ, поваръ, мошенникъ анатомъ?
Не различишь—лицо вѣдь не зеркало.
Не мерцай ярко-краснымъ гранатомъ
Улыбкой лицо коверкало.
Такой не строитъ воздушный замокъ
И засмѣется надъ болью вашею...
Онъ ходитъ по улицѣ въ поискѣ самокъ,
Поросенокъ, откормленный простоквашею.
М Козыревъ.

ВРАЧИ И ПАЦІЕНТЫ.

(Говорятъ паціенту):—Профессоръ, докторъ, анатомъ:
«Науки мы свѣтила и здоровья зеркало,
Вѣрьте намъ: питайтеся гранатомъ,
Апельсиномъ молочкомъ. Чтобъ не коверкало
Страсть, любовь здоровье ваше: сердце на замокъ!..»
(Паціентъ про себя):—Смѣемся надъ наукой вашею
Мы любимъ милыхъ «самокъ»,
Жремъ, пьемъ все: соль, хлѣбъ рѣдьку съ простоквашею.
Алекс. М—ръ.

КТО ОНЪ?

Въ думѣ ѣсть одинъ анатомъ,—
Модный шутъ, кривое зеркало,
Когда лѣвый цвѣлъ гранатомъ,
Какъ шута всего коверкало.
Всѣхъ упряталъ бы онъ въ замокъ,
Думцы, васъ съ свободой вашею...
Лучше бъ онъ плѣнять сталъ самокъ
Словъ витійныхъ простоквашею.
И. Сенчуковъ.

ВЪ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕѢ.

Здѣсь изображенъ анатомъ;
Тутъ—красотка смотритъ въ зеркало
И любуется гранатомъ.
Здѣсь «Война».—Какъ ихъ коверкало!
Вотъ—средневѣковый замокъ;
Сзади—за спиною вашею
Нарисованы пять самокъ
Предъ торговцемъ простоквашею.
Псевдонимъ.

ОПЯТЬ ДОМА.

Все ты узнаешь... Какъ строгій анатомъ
Душу увидишь, старинное зеркало;
Губы разскажутъ фальшивымъ гранатомъ
Все что мнѣ жизнь съ насмѣшкой коверкало!..
Комната милая, дѣвичій замокъ,
Смѣю- и снова я сдѣлаться вашею?
Мнѣ-ли вернуть за разряженность самокъ
Поле и рощи, обѣдъ съ простоквашею!?..
Н. Азбелевъ.

ВЪ ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

«Побрить прошу!..» и сѣлъ анатомъ
И мыслилъ, зобъ уставя въ зеркало:
«Купи мнѣ «папка» брошь съ гранатомъ.
«Глянятомъ» дитятко коверкало.
Конфектъ ей мало—брошь, тамъ—замокъ.
«Купи и... только, буду вашею»...
Вампиръ—любовь продажныхъ самокъ!
Домой!!!—жена ждетъ съ простоквашею».
Ив. Мокрицкій.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЦУСИМѢ.

Шли мы въ бой былъ случай тащили другъ друга канатомъ
И блестѣлъ океанъ въ то время какъ зеркало...
Билъ въ насъ японецъ съ броненосцевъ гранатомъ
И все то у насъ на суднѣ коверкало.
Взялъ онъ насъ въ плѣнъ и отправилъ въ замокъ
Отпущу, какъ кончу войну съ Россіею вашею
И держалъ взаперти какъ держатъ самокъ
А кормилъ рисомъ, червями да еще простоквашею.
Я. Червяковъ.

А. Вахромѣевъ.

Рай зубной.

Юморескъ.

Снится зубному врачу Лурье громадная, ровная поляна.

И будто идетъ она по этой полянѣ и видитъ, что вся она усѣяна зубами.

И бикуспидаты и маляры...

И клыки и рѣзцы...

И коренные и передние..

И молочные зубы дѣтства...

И вставные зубы старости...

Тутъ кокетливый пульпитъ съ задумчивымъ періоститомъ обнялись...

Тамъ періодентиты кучкой окружили чернокудрую гангреночку...

Вонъ разсыпались какъ грибы по зелени нечищенныхъ гнилушекъ головки каріозныхъ зубовъ.

Вонъ гангрена влажная...

Вонъ гангрена сухая...

Ахъ, что за видъ!..

Что за рай зубной!..

Идетъ зубной врачъ Лурье по зубной полянѣ, и сердце у нея радуется

Въ рукахъ у нея щипцы.

Идетъ и дергаетъ, идетъ и дергаетъ зубы.

Тамъ остановится,—корешокъ выкорчуетъ,—каріусъ профунда.

Тамъ нагнется—каріусъ медіа вытащитъ...

Идетъ, и сердце радуется... Идетъ, и сердце радуется...

Тамъ пломбу положитъ цементную,—тамъ—гутаперчевую ..

Тамъ фарфоровую... Тамъ эмалевую...

А тамъ и золотой пломбочкой душу порадуетъ...

Идетъ и рветъ, идетъ и рветъ, идетъ и рветъ...

Вдругъ ногой о зубъ мудрости запнулась...

Упала!..

Что такое?.. Ахъ!..

. . . .

Такъ это былъ сонъ?..

Роскошный праздничный сонъ!..

Вотъ она проснулась, и опять все по старому.

Въ окно глядятся кислые, зубные будни.

Опять разговоры о зубномъ недородѣ.

Опять тоскливыя ожиданія, словно манны небесной какихъ нибудь несчастныхъ пульпитовъ...

Опять молитва:

— Зубъ нашъ насущный даждь намъ днесь!

Опять въ газетахъ безконечныя объявленія людей, ищущихъ зубовъ.

О, опять.—нынче какъ вчера, нынче какъ завтра.—...

— Зубы на полку!..

Сѣла на постель, пригорюнилась зубной врачъ Лурье...

И заплакала горькими слезами...

Бѣдная, бѣдная зубной врачъ Лурье...

Не плачь, не убивайся.

Развѣ ты одна теперь плачешь?

Тысячи, десятки тысячъ такихъ какъ ты безработныхъ плачутъ.

Нѣтъ въ городахъ зубовъ.

Гдѣ теперь они?

Всѣ зубы теперь въ деревнѣ.

Да и тамъ въ деревнѣ мужики хитры стали.

Чтобы не портить зубы, рѣшили ничего не ѣсть.

Голодаютъ, мучаются, а зубовъ не хотятъ натрудить,—боятся чернымъ хлѣбомъ эмаль попортить.

Бѣдная, бѣдная зубной врачъ Лурье,—ни городъ, ни деревня не хочетъ тебя практикой порадовать...

Натяни скорѣе чулочки на худенькія ножонки твои...

Вѣдь дуетъ изъ двери,—насморкъ—долго-ли..

А то еще, того и гляди, у самой зубъ заноетъ...

Придется бѣжать къ зубному врачу Пинесъ.

Позвонишь,—та обрадуется:

— Паціентъ пришелъ! Браво, практика! Наконецъ-то!...

Войдешь:—лицо вытянется у зубного врача Пинеса.

— Практика ради практики!

Натягивай, натягивай чулочки, зубной врачъ Лурье.

Надѣвай кофточку.

Скоро десять,—надо быть наготовѣ.

Вдругъ въ самомъ дѣлѣ сегодня, кто нибудь чѣмъ-нибудь порадуетъ.

— Хоть-бы вотъ такую малюсенькую пломбочку Провидѣніе послало!..

Неужели на всемъ земномъ шарѣ не найдется вотъ такого дуплишка, гдѣ бы зубной врачъ Лурье могла отвести свою душу?

О, Провидѣніе, какъ ты жестоко;

Ты посылаешь однимъ цѣлыя челюсти, а для другихъ тебѣ жалко даже малюсенькой цементной пломбочки...

Не лѣнись, не лѣнись, „докторъ Лурье",—такъ тебя зовутъ у Кауфмановъ,—одѣвайся, одѣвайся!

Ты наряжайся и зубы чисти мѣломъ...
Народъ вѣдь платитъ...

Не плачь, не плачь, милая докторъ Лурье...

Днемъ будешь ждать паціента.

А вечеромъ пойдешь въ Литературный Кружокъ.

Тамъ десятокъ такихъ же, какъ ты, зубныхъ врачей разсядутся въ залѣ на стульяхъ передъ эстрадою.

И будутъ глядѣть въ зубы очередному референту.

И будетъ сквозь зубы тянуть свою зубоврачебную канитель или господинъ Зубновскій?

Или Сергѣй Зубноль, или Зубнакинъ, или Зубнэллисъ, или Пьеръ Зубновъ...

И, когда будетъ оппонировать блѣдный докторъ у тебя въ голодномъ желудкѣ забулькаетъ.

Ты съ тоской вспомнишь объ ужинѣ.

Возьмешь подъ руку зубного врача Пинесъ и пойдете вы наверхъ.

Тамъ скромно, очень скромно, черезчуръ скромно поужинаете разварнымъ судакомъ.

Или, быть можетъ, ограничитесь знаменитыми слойками.

Ахъ, эти знаменитыя слойки!..

Если бы доклады Зубнакиныхъ, Зубнолей и Зубновыхъ были такъ же вкусны...

Потомъ вы вернетесь въ свою каморку... pardon Кабинетъ...

И будетъ тамъ такъ же, какъ утромъ, дуть отъ двери...

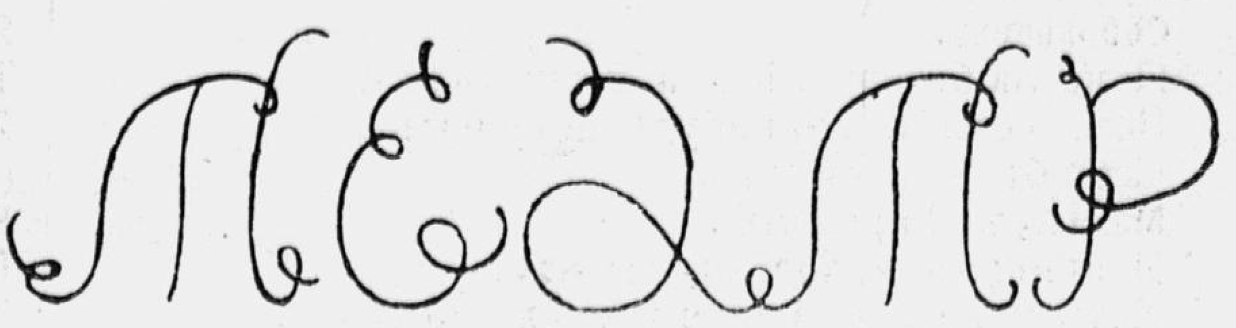
Торопись, торопись, милая зубной врачъ Лурье, порхнуть подъ сыроватое одѣяло.

Торопись забыться сномъ.

Быть можетъ, опять приснится ясная, зубная поляна...

Н. Шебуевъ.

Н. Д. Мельниковъ.

Столичные мастера пѣнія.

Оперетта въ 3 дѣйствіяхъ Н. Шебуева.

Дѣйствіе 1-ое.

Вечеринка у бывшаго учителя пѣнія Манилова. Плюшкинъ, Ноздревъ, Пѣтухъ, Коробочка и Собакевичъ—столичные мастера пѣнія. Горскій—теноръ влюбленный въ Юлію дочь Манилова. Гости старые и молодые танцуютъ вальсъ. Юлія Львовна танцуетъ съ Горскимъ.

Хоръ гостей.
Въ вихрѣ вальса мы несемся
Отдались во власть экстаза...
Мы хохочемъ... Мы смѣемся...
Въ дымкѣ тюля, въ дымкѣ газа...
Въ вихрѣ вальса таютъ рѣчи..
Въ вихрѣ вальса тонутъ взгляды...
Бѣлорозовыя плечи...
Бѣлоснѣжные наряды...
(Вальсъ стихаетъ. Входитъ Маниловъ, всѣ его обступаютъ).
Маниловъ (Дочери).
Ты съ кѣмъ танцуешь егоза
(Показываетъ на Горскаго)
Я не видалъ его въ глаза...
Юлія (представляетъ Горскаго).
Papa! Позволь представить—Горскій...
Маниловъ. Видъ у него совсѣмъ актерскій...
Вы не поэте?..
Горскій (небрежно). Да... Слегка...
Маниловъ.
А вы не сынъ ли старика
Семена Горскаго.
Горскій (улыбаясь). Немножко!..
Маниловъ (дочери).
Его отца знавалъ я крошка.
Въ консерваторіи у насъ
Его баритональный басъ
Всѣхъ помню приводилъ въ экстазъ.
На мигъ въ покоѣ не оставленъ:
Твердятъ ему въ единый тонъ:
„Ахъ, душка, душка баритонъ...
Баритонъ, баритонъ
У него отъ природы поставленъ!"
Ноздревъ (Горскому).
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя
Богатыри не вы...
Пѣтухъ. Еще бъ онъ болѣ навострился
Когда бъ маленько поучился
На берегахъ Невы.
Плюшкинъ
Иныхъ удерживаетъ скупость,
Иныхъ удерживаетъ глупость
Учиться не хотятъ...
Коробочка.
И въ результатѣ поздно-ль, рано
Уже въ театрахъ не сопрано,
А глупый пискъ котятъ.
Собакевичъ.
Спросите вы любого франта:
Онъ хочетъ ли имѣть bel canto?
—„На кой мнѣ, скажетъ, песъ!.."
Маниловъ.
У насъ однихъ секреты пѣнья...
А имъ не надобно умѣнья,—
Мнѣ жалко ихъ до слезъ...
Всѣ мастера (секстетомъ).
Они и такъ юрки и ловки...
Для нихъ не надо постановки!..
Умнѣй насъ молодежь!..
Горскій.
Привѣтъ почтенному собранью,
Вы молодежь почтили бранью...
Но приговоръ вашъ—ложь...
Хотите убѣдиться сами,
Что многіе здѣсь съ голосами
И хорошо поютъ...
Ноздревъ (иронически).
Для Гренише и Периколы
Ненадобно, конечно, школы...
Что школы имъ дадутъ...
Пѣтухъ.
И въ оперѣ и въ опереткѣ
Теперь пѣвцы къ несчастью рѣдки...
Послушаемъ хоть васъ...
Плюшкинъ.
Всѣ норовятъ на даровщину...
Коробочка (глядя на Горскаго).
Ахъ, еслибъ этого мужчину
Въ науку мнѣ...
Горскій (убѣдительно).
Я—пассъ...

Собакевичъ.
Я не любитель пѣть и слушать...
Вотъ еслибъ что-нибудь покушать...
Себя-бъ я показалъ...
Маниловъ (Горскому).
Я принялъ молодежи вызовъ,
Хоть и не жду большихъ сюрпризовъ...
Ноздревъ (Собакевичу).
Концертъ намъ навязалъ!..
Собакевичъ.
Мнѣ слушать пѣнье—наказанье...
Горскій (публикѣ).
Итакъ устроимъ состязанье!..
Плюшкинъ.
Скажите призъ намъ напередъ...
Сухая ложка ротъ деретъ...
Маниловъ.
Безплатной преміей даю
Я дочь единую мою...
Рука Джульетты чѣмъ не призъ...
Всѣ.
Какой сюрпризъ! Какой сюрпризъ!
Ноздревъ.
Такой кусокъ довольно лакомъ.
Сабакевичъ.
Тутъ каждый запоетъ со смакомъ.
Коробочка.
Маниловъ нашъ сбѣсился съ жира...
Пѣтухъ.
Не жду добра я отъ турнира.
Плюшкинъ (многозначительно).
А не принять ли мнѣ участье...
(Гости готовятся къ концерту).
Юлія (Горскому).
Ты побѣдишь—какое счастье!..
И буду я тебѣ супругой...
И наша жизнь польется фугой,
Дуэтомъ чуднымъ зазвучитъ...
Елена (влюбленно глядя на Горскаго).
Онъ побѣдитъ! Какое горе!..
Слеза дрожитъ въ ревнивомъ взорѣ...
Рокъ Юлію ему вручитъ...
Юлія.
Ты побѣдишь! Какая радость!
Плюшкинъ.
Онъ побѣдитъ! Какая гадость!
Елена (Юліи).
Враги!..
Юлія. Враги!..
Обѣ. Давно-ль друзья?...
Плюшкинъ (разглядывая Горскаго).
Онъ крѣпко сшитъ и ладно скроенъ...
Горскій.
Я побѣжу... О я спокоенъ.
Юлія, Елена и Горскій.
И сомнѣваться въ томъ нельзя...
Плюшкинъ (въ сторону).
Мнѣ неопасна молодежь...
Я попытаю счастье тожь...
Всѣ (разсаживаясь).
Пора начать концертъ. Пора?
А послѣ—танцы до утра.
Жюри ужъ сѣло по мѣстамъ...
Смотрите сдѣсь, смотрите тамъ...
Коробочка, Ноздревъ, Пѣтухъ,
Пѣвцовъ пусть критикуютъ вслухъ...
Первый пѣвецъ (поетъ фальцетомъ).
Шли мы съ милой по дорожкѣ.
Мѣсяцъ такъ свѣтилъ привѣтно...
У нея озябли ножки...
Я согрѣлъ ихъ незамѣтно...
Только поравнялись съ домомъ,
Я сказалъ ей:—„О малютка“...
(Голосъ на высокой нотѣ срывается).
Всѣ (хохочутъ. Пѣвецъ конфузится и смолкаетъ).
Первый блинъ нашъ вышелъ комомъ.
Это пѣнье? Или шутка?
Второй пѣвецъ (поетъ нелѣпо).
Я пѣть вамъ началъ очень гладко.
Но вотъ что гадко:
Чуть вспомнилъ я о вашемъ мужѣ,
Какъ сталъ звучать мой голосъ хуже...
(Сильно фальшивитъ).
Всѣ (смѣются).
Ха-ха-ха-ха-ха-ха...
Какая чепуха...
И выборъ пѣсни неудаченъ
И самъ пѣвецъ нелѣпъ и мраченъ.
Маниловъ (публикѣ).
Къ чему смѣяться,—вы не дѣти,
Пусть выступитъ съ романсомъ третій...
Третій пѣвецъ (игриво).
1.
Началъ я àffettuoso
И crescendo продолжалъ.
А она мнѣ maestoso:
„Ахъ отстаньте! Вы нахалъ!“
Не смутился я конечно
И pianissimo безпечно
Ту же пѣсню напѣвалъ.
2.
Но лукавый разъ попуталъ
И сфальшивилъ сильно я:
Не стерпѣлъ все ritenuto
И прибавилъ въ пѣснь огня.
Надо было rinforzando
Я же ей запѣлъ scherzando:
„Крошка, я люблю тебя!..
3.
И при этомъ con amore
Поглядѣлъ я на нее...
Боже, что за гнѣвъ во взорѣ...
Сердце вздрогнуло мое
И забилось agitato.
Вдругъ она меня staccato
По щекѣ... Вотъ вамъ и все...
Ноздревъ.
Исторія весьма пикантна,
Но спѣта вовсе не белькантно!
Четвертый пѣвецъ (поетъ мелодраматично).
Не играй, какъ мячемъ, моимъ сердцемъ дитя.
Не похоже оно на резиновый мячъ.
Посмотри, ты испачкала кровью, шутя,
Твои ручки. Ты кажется плачешь, дитя?
Ихъ не трудно отмыть. Успокойся, не плачь,
Только сердце мнѣ въ грудь наболѣвшее спрячь
И впередъ не играй моимъ сердцемъ, дитя,
А бери настоящій резиновый мячъ.
Собакевичъ (аплодирующей публикѣ).
Излишни знаки поощренья
Преординарнѣйшее пѣнье.
Ноздревъ.
И спѣто кисло.
Коробочка Голосъ мятый.
Маниловъ.
Пусть выступитъ съ романсомъ пятый.
Пятый пѣвецъ (поетъ козлетономъ).
Школа—это чепуха!..
Я учусь у пѣтуха!.. (поетъ „Кукареку“ и машетъ руками словно крыльями).

Пѣтухъ (вскакиваетъ).
Онъ нахаленъ! Дерзокъ! Пьянъ!
Маниловъ.
Какъ попалъ сюда буянъ?!.
Собакевичъ.
Очень просто, какъ проникъ:
Онъ коллеги ученикъ (показываетъ на Пѣтуха).
Всѣ.
Хи-хи-хи-хи... хи-хи-хи-хи...
И этотъ мѣтилъ въ женихи...
Елена.
Всѣ женихи весьма не важны.
Одно лишь качество,—отважны
Елена (Юліи).
Пѣвцы играютъ въ поддавки!
Не надо имъ твоей руки!..
Елена (Горскому).
Впередъ мой другъ! Смѣлѣй впередъ
Пришелъ для пѣнья твой чередъ!..
Горскій (отлично поетъ выйдя на авансцену).
Ты мое солнышко на небѣ красное.
Ты моя ноченька теплая, майская
Мысль безпокойная, греза прекрасная,
Розочка пышная, пташечка райская,
Ты и сестра мнѣ, и мать мнѣ родимая,
Вѣрный мой другъ и дитя драгоцѣнное.
Муза и дѣвушка нѣжно любимая,
Воздухъ и небо, земля и вселенная...
Всѣ.
Какъ чудно спѣто! Сколько чувства!
Какъ много вкуса и искусства!..
Маниловъ (нерѣшительно).
Вещица очень не дурна,
Но въ пѣньи школа не видна.
Пятый пѣвецъ (капризнымъ козлетономъ)
Школа—это чепуха
Я учусь у пѣтуха...
Пѣтухъ (горячится).
Пьянчужка тамъ дуритъ опять,—
Буяна не смогли унять!..
Ноздревъ.
Не будемъ слушать пьяныхъ бредней!
Пусть выступитъ пѣвецъ послѣдній.
Плюшкинъ (поетъ гнусаво, противно).
Пѣвцомъ послѣднимъ буду я
И вотъ вамъ исповѣдь моя...
(Обращается къ Юліи).
Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
Безъ васъ не мыслю дня прожить
И подвигъ силы безпримѣрной
Готовъ въ честь вашу совершить:
Я жизнь свою семейнымъ кругомъ
Вдругъ ограничить захотѣлъ
И вашимъ Юлія супругомъ
Счастливый жребій быть велѣлъ...
Метода вамъ моя порукой—
Супружество не будетъ скукой!..
Наука у меня въ чести,
На ней построимъ каждый шагъ мы:
Дыханье гдѣ перевести,
А гдѣ поднятье діафрагмы,
Гдѣ въ маску взять, а гдѣ въ затылокъ...
Не молодъ я, но въ пѣньи пылокъ
И постановкою моей
Довольны будете ей-ей...
Маниловъ (бросается ему на шею)
Такой какъ ты мнѣ дорогъ зять
Другого негдѣ будетъ взять...
Плюшкинъ (разошелся).
За мной не будетъ остановки
Я знаю тайны постановки!
Всѣ.
Какая вышла чепуха
Такого-ль надо жениха!..
Юлія (отцу).
Тебѣ ли Горскій непріятенъ
Вѣдь онъ богатъ, красивъ и знатенъ...
Всѣ. (изумленно).
Такъ онъ богатъ?..
Горскій (небрежно). О, да... въ Европѣ.
Имѣю я большія копи...
Ноздревъ (потирая руки).
Такъ онъ богатъ!.
Собакевичъ (жадно). Богатъ!
Пѣтухъ и Коробочка (тоже). Богатъ!
Жюри (всѣ четверо въ униссонъ).
Какъ ученикъ намъ будетъ кладъ!
Маниловъ (членамъ Жюри).
Рѣшенье вашего суда
Мнѣ объявите, господа.
Ноздревъ.
Вопросъ лишь въ томъ кого изъ двухъ:
У Горскаго есть голосъ, слухъ,
Но школы нѣтъ! Но школы нѣтъ!
У Плюшкина метода есть,
Но можно-ль голосомъ почесть
Его вытье! Вотъ мой отвѣтъ!
Собакевичъ (указывая на Горскаго).
Разъ онъ дѣйствительно богатъ
Намъ это будетъ всѣмъ съ руки.
Не голосъ у него, а кладъ.
Пусть къ намъ пойдетъ въ ученики
И черезъ мѣсяцъ лишь всего
Вы не узнаете его...
Назначимъ конкурсъ мы второй...
Маниловъ (указывая на Плюшкина).
Я за него стою горой...
Коробочка (указывая на Горскаго).
Ему мою бы постановку!
Я за переэкзаменовку...
Пѣтухъ (хочетъ говорить). И я...
Пятый пѣвецъ (изъ публики).
Школа—это чепуха!..
Я учусь у пѣтуха.
Пѣтухъ (не обращая вниманія).
Еще бъ онъ болѣ навострился
Когда бъ у мастеровъ столичныхъ поучился.
Плюшкинъ (членамъ жюри).
Васъ подлецами аттестую!
Я нынче побѣдилъ въ чистую,
А вы изъ личной грязной цѣли
Сорвать мою побѣду смѣли...
Благодарю, не ожидалъ!..
Всѣ (обступаютъ его).
Какой скандалъ! Какой скандалъ!
(Занавѣсъ).

Дѣйствіе 2-ое.
Комната въ квартирѣ Горскаго. За роялемъ аккомпаніаторъ.
Горскій (поетъ вокализы)
А-а-а-а-а-а-а...
Ноздревъ (входитъ). Ухъ!.. (одышка).
Горскій (со скрытой ироніей).
Меня визитомъ удостоивъ
Вы обѣщали трехъ устоевъ
Мнѣ лекцію прочесть...
Monsieur Ноздревъ, я весь вниманье,
Прошу исполнить обѣщанье!
Благодарю за честь.
Ноздревъ.

I.

Устоевъ пѣнья три лишь
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ.
Ты скоро ихъ осилишь...
Другъ!..

II.

Чтобъ пѣнье подкупало:
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ.
Нельзя пѣть, какъ попало,—
Бухъ!..

III.

Терпѣнье лишь, терпѣнье,
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ...
И станетъ легкимъ пѣнье,—
Пухъ!...

Горскій.
По мнѣ же голосъ—вотъ устой,
Когда онъ сильный и густой...

Ноздревъ.
Ахъ, нѣтъ... Что голосъ!—звукъ пустой...
Перебивать меня постой...
Ты смотришь взглядомъ диллетанта:
Безъ слуха мыслимо ль bel canto...
А голосъ это только плюсъ
Я доказать тебѣ берусь...

Горскій.
Понятно что такое слухъ,
Но что такое духъ и нюхъ?

Ноздревъ.
Духъ это иначе дыханье...
Оно у насъ у всѣхъ въ чести
Пѣвцу при пѣньи важно знанье,
Гдѣ нужно духъ перевести...
А нюхъ зовутъ иначе вкусомъ,
Умѣньемъ провести за носъ:
Вѣдь въ пѣніи, не буду трусомъ
Признаться, главный въ томъ вопросъ,—
Что выбрать публикѣ въ угоду,
Гдѣ взять эффектно ля иль си...
У публики войти чтобъ въ моду
Завѣтъ мой искренній носи.

I.

Чтобы ей угодить, } bis.
Веселѣй надо быть. }
Тутъ возьми
Ре иль ми,
Си иль ля..
Тра-ля-ля...

II.

Пой лишь въ носъ, мой совѣтъ } bis.
Въ томъ вопросъ, въ томъ секретъ }
Прогнуси
Ля иль си,
Си иль ля...
Тра-ля-ля...

III.

Бѣлый звукъ—звукъ слѣпой... } bis.
Милый другъ, въ маску пой... }
Такъ возьми:
До-ре-ми
Фа-соль-ля
Тра-ля-ля...

Горскій (подражая).
Въ маску пѣть,—изволь:
До-ре-ми-фа-соль...
Ля, ля, си—бемоль ..
Си бемоль... си... си...
Больше не проси...

Ноздревъ.
Нѣтъ возьми и до.

Горскій.
Нѣтъ... Не на-а-а—до (беретъ до и срывается)...

Ноздревъ (аплодируетъ).
Браво! Браво! Вижу въ прокъ
Мой пошелъ тебѣ урокъ...
До взялось само... невольно!..
На сегодня и довольно...
(Прощаются. Уходятъ. Въ дверяхъ сталкивается съ Собакевичемъ. Нѣмая сцена).

Собакевичъ (грубо):
Что ты не даешь проходу!
(Изъ кармановъ Собакевича вываливаются двѣ бутылки пива).

Ноздревъ (иронически):
Уронилъ свою „методу"... (Уходитъ).

Собакевичъ (молча здоровается съ Горскимъ. Потомъ нелѣпо выпаливаетъ):
Я безъ пива двухъ бутылокъ—

Швахъ...
Голосъ надо гнать въ затылокъ.
Въ двухъ словахъ...
Тотъ... Ноздревъ на видъ лишь пылокъ,
Швахъ!..
Облапошилъ двухъ бобылокъ...
Въ двухъ словахъ...
Голосъ превратитъ въ обмылокъ...
Швахъ!..
Надо пѣть не въ носъ, въ затылокъ...
Въ двухъ словахъ...
Я безъ пива двукъ бутылокъ...
Швахъ...

Горскій.
Мнѣ ваша искренность мила
Она въ волненье привела...
Давно замолкнувшія чувства...
Но впрочемъ это я шучу
У васъ учиться я хочу
Святому пѣнія искуству...
(Звонитъ. Входитъ лакей. Горскій, показывая на Собакевича).
Пиво!
Живо! (лакей приноситъ бутылку).

Собакевичъ (моментально выпиваетъ).
Всѣ учителя—собаки.
Всѣ методы—бредни враки.
Развѣ пѣнье—глупый ревъ
Проповѣдуетъ Ноздревъ.
Про какую то про маску
Дуракамъ твердитъ онъ сказку.
Голосъ гонитъ въ носъ. Коль вникъ,—
Съ носомъ будетъ ученикъ... (звонитъ).
Живо!
Пиво! (пьетъ).
Всѣ учителя собаки.
Всѣ методы—бредни, враки...
Вы возьмите Пѣтуха
Шарлатанъ онъ ха-ха-ха...
Гонитъ голосъ въ шею, въ горло,
Чтобъ въ зобу дыханье сперло...
Гонитъ голосъ въ шею... Въ мигъ
И прогонитъ ученикъ... (звонитъ).
Живо!
Пиво!
Всѣ учителя—собаки...
Всѣ методы—бредни, враки...
Взять Коробочку—мадамъ:
— „Пойте грудью"! Скажетъ вамъ:—
„Занимайтесь діафрагмой"!..
Бабы—самый худшій врагъ мой!..
Голосъ тянутъ, рвутъ, крутятъ,
Въ результатѣ пискъ котятъ... (звонитъ).
Живо!
Пиво!
Всѣ учителя—собаки!
Всѣ методы—бредни, враки...
Плюшкинъ—цѣпкая рука
Обобрать ученика...
У него поютъ—карманомъ,—
Нѣтъ конца его обманамъ:
Безголосъ ли, голосистъ
Станешь ты, какъ липка, чистъ...
Живо!
Пиво!
Всѣ учителя—собаки (пьянымъ голосомъ).
Лишь мои слова не враки:
Ты—животное и вотъ
Долженъ голосъ гнать въ животъ...
Какъ я пиво изъ бутылокъ... (обрываетъ)

А изъ живота—въ затылокъ...
Изъ затылка въ зубы... въ ротъ...
Звукъ свершаетъ оборотъ...
Живо! (шатается).
Пиво!
Всѣ учителя—собаки! (заплетается).
Всѣ методы—бредни, враки...
Вѣдь для нихъ никто не святъ!...
Облапошить норовятъ...
Ты наплюй на всѣ методы,
Слушай голоса природы...
Будетъ гнать природу въ дверь,
Та въ окно войдетъ, повѣрь...
Живо!
Пиво! (сваливается и засыпаетъ на диванѣ).

Входитъ Пѣтухъ, окруженный четырьмя ученицами).

Пѣтухъ.
Тогда лишь пѣнье интересно
Когда оно идетъ совмѣстно,
И я вездѣ на сей предметъ
Вожу изъ учениц квартетъ...
(Представляетъ Горскому).
Саша, Маша, Паша, Глаша...

Горскій (жметъ имъ руки). Очень радъ!

Пѣтухъ (самодовольно).
Ихъ четыре въ аккуратъ...

Горскій.
Я жду урока съ нетерпѣньемъ
Займемся хоть совмѣстнымъ пѣньемъ.

Пѣтухъ.
Вѣдь горломъ свищетъ соловей
Въ томъ школы весь секретъ моей...
Пойте горломъ, пойте горломъ...
Горскій.
Очень радъ...
Пѣтухъ.
Матерьялъ вашъ сущій кладъ.
Горскій.
Прошу я Машу. Пашу, Глашу
Мнѣ показать методу вашу...
Пѣтухъ.
Пускай немножко попоютъ...
Худого я не вижу тутъ...
Саша, Маша, Паша, Глаша....
Горскій (галантно). Очень радъ...
Ваша школа сущій кладъ...
Пѣтухъ (самодовольно). Очень радъ...
Наша школа сущій кладъ...
(Вмѣстѣ.)
Маша, Саша, Паша, Глаша.
А-а-а-а-а-а-а-а... Горломъ пой...
Не пойметъ насъ лишь тупой...
Пѣтухъ.
Горломъ свищетъ соловей...
Школы въ томъ секретъ моей...
Горскій.
До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до.
Пѣтухъ (поощрительно)
Очень радъ!
Ужъ замѣтенъ результатъ!..
Коробочка (съ визгливымъ крикомъ врывается)
Пѣтуха курятникъ въ шею
Ты вели прогнать лакею!..
Вся наука Пѣтуха: (показываетъ на ученика)
Имъ найти бы жениха...
Онъ за каждый ихъ марьяжъ
Получаетъ свой куртажъ...
Увидали что женихъ
Ну и съ радости у нихъ
Ужъ въ зобу дыханье сперло
И валяютъ во все горло!..
(Дѣвицы со стыдомъ убѣгаютъ вслѣдъ за Пѣтухомъ)
Горло—тьфу! Позоръ и ересь
Проповѣдуетъ здѣсь врагъ мой
Занимайся діафрагмой!..
Лишь къ дыханію примѣрясь
Можно пѣть!.. Дыши... Дыши..
Такъ... Поглубже... Не спѣши...
Снова вздохъ... Еще... Поглубже...
Ахъ, не такъ... Ну какъ ты глупъ-же...
Горскій.
Не сердитесь лишь, мадамъ,—
Научиться снова дамъ
Коробочка (раздраженно, нервно, крикливо, почти дерется)
Грудь сильнѣй!.. Дыши! Дыши!..
Такъ... Не такъ... Еще... Поглубже...
Задержи тамъ... Не спѣши
Ну и глупъ-же... Ну и грубъ-же...
Олухъ!.. хуже Пѣтуха...
Вздую не боясь грѣха (хочетъ ударить)
Горскій. Не деритесь лишь, мадамъ,—
Все понять я слово дамъ... (входитъ Плюшкинъ).
Плюшкинъ (при видѣ его Коробочка брезгливо удаляется).
Всегда пѣвецъ въ цѣнѣ тотъ,
Кто мой постигнетъ методъ...
Его не всякій разберетъ,
Но деньги я беру впередъ (протягиваетъ руку).

Горскій.
Радъ платить я за урокъ,—
Только-бъ методъ шелъ вашъ въ прокъ...
Плюшкинъ.
Всегда глядите въ корень
И—результатъ ускоренъ...
(Протягиваетъ руку за подачкой Горскій суетъ еще золотой).
Чтобъ былъ существенный успѣхъ
Еще прибавить вамъ не грѣхъ...
(Протягиваетъ руку).
Горскій.
Радъ платить я за урокъ,
Только-бъ методъ шелъ вашъ въ прокъ...
Плюшкинъ (интимно)
Что-бъ призъ не взялъ я снова,
Мнѣ дайте отступного...
Я руку Юліи продать
Смогу тому, кто сможетъ „дать"...
(Протягиваетъ руку).
Горскій (гордо)
Не торгую я судьбой!..
Васъ зову на честный бой!..
Школы всѣ успѣлъ постичь я...
Плюшкинъ
Это—манія величья... (Уходитъ).
Горскій
Мнѣ не страшенъ конкурсъ вашъ...
Впрочемъ что за ералашъ.
Въ головѣ моей!.. Уроды
Показали мнѣ методы,—
Кто во что изъ нихъ гораздъ...
Что не методъ то—контрастъ!..
Обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ
Чѣмъ же пѣть затылкомъ, носомъ,
Горломъ, грудью, глоткой, ртомъ,
Поясницей, животомъ,
Почкой, печенью, желудкомъ?..
Жду я конкурсъ въ страхѣ жуткомъ...
(Занавѣсъ).

Дѣйствіе III.

Состязаніе пѣвцовъ въ домѣ Манилова. Гости, учителя.

Плюшкинъ. (Гнусаво поетъ скучно монотонно, самъ засыпаетъ и усыпляетъ всѣхъ).
Люблю-ли-я?
О, Юлія!
Хожу-ли я,
Сижу-ли я,
Лежу-ли я,
Брожу-ли я,
Пою-ли я,
Все Юлія,
Да Юлія...
Грущу-ли я,
Ищу-ли я,
Свищу-ли я,
Трещу-ли я,
Пищу-ли я,
Все Юлія,
Да Юлія...
Кучу-ли я,
Шучу-ли я,
Молчу-ли я,
Кричу-ли я,
Ворчу-ли я,
Храплю-ли я,
Все Юлія
Да Юлія...

(Въ залѣ легкій храпъ. Маниловъ клюетъ носомъ).
Сучу-ли я,
Верчу-ли я,
Хочу-ли я,
Пущу-ли я...
(Засыпаетъ, Его уносятъ. На каѳедру бодро взбѣгаетъ Горскій).
Горскій (отвратительно поетъ тотъ же романсъ, что въ 1 актѣ):
Ты мое солнышко на небѣ красное,
Ты—моя ноченька теплая, майская,
Мысль безпокойная, греза прекрасная,
Розочка нѣжная, пташечка райская...
Ты и сестра мнѣ, и мать мнѣ родимая,
Вѣрный мой другъ и дитя драгоцѣнное,
Муза и дѣвушка нѣжно любимая...
Воздухъ и небо, земля и вселенная...
Всѣ (восторженно аплодируютъ).
Маниловъ (восторженно).
Такой какъ ты мнѣ дорогъ зять!
Другого негдѣ будетъ взять!
Поешь ты съ соблюденьемъ правилъ!
Скажи, тебѣ кто голосъ ставилъ?
Пѣтухъ (выскакивая съ жаромъ).
Скажу я, не боясь грѣха,
Видна тутъ школа Пѣтуха!..
Коробочка (съ визгомъ).
Не слушайте, что скажетъ врагъ мой,
Поетъ онъ грудью, діафрагмой,
А этотъ методъ школы мой...
Сабакевичъ (грузно, грозно).
Вѣдь, я не мертвый не нѣмой,
Чтобъ на меня въ глаза мнѣ лгали...
Я—Горскаго училъ...
Ноздревъ (иронически).
Едва ли...
Онъ мой на дѣлѣ ученикъ,
Въ моей методы корень вникъ!..
Коробочка.
Молчи Ноздря!.. Твою методу,
Прибереги, толочь чтобъ воду!..
Ноздревъ.
Молчи, молчи!
Коробочка. Не замолчу!
(Сабакевичу).
И ты хорошъ!.. Я прокричу:
Твоя метода пара-пива...
Сабакевичъ.
Убрать ее!.. старуха лжива...
Коробочка (Пѣтуху).
А вся метода Пѣтуха,
Найти-бъ дѣвченкамъ жениха!..
Изъ школы сдѣлалъ домъ свиданья.
Паша, Маша, Саша, Глаша.
Ахъ, кэль сальте!
Коробочка.
На содержанье
Пристроить дѣвку, сдастъ въ марьяжъ
И получай сейчасъ куртажъ...
Плюшкинъ (очнулся и подошелъ къ Коробочкѣ).
Коробочка.
Ты самъ орешь какъ сивый меринъ
А въ гонорарахъ не умѣренъ!..
Твоя болѣзнь—„бери-бери"...
Не знаешь нотъ ты!.. Я пари
Держу... Его методъ—содрать бы...
Маниловъ (подвелъ къ нимъ Горскаго и Юлію).
Друзья въ виду грядущей свадьбы
Забудемъ распри... Вотъ мой зять,

Сумѣлъ онъ *до* и Юлю взять!..
Общій Хоръ (подъ занавѣсъ вальсируютъ и поютъ):
Въ вихрѣ вальса мы несемся
Отдались во власть экстаза,
Мы хохочемъ, мы смѣемся
Въ дымкѣ тюля, въ дымкѣ газа...
(Всѣ учителя показываютъ другъ другу кулаки Коробочка ерепенится).
Въ вихрѣ вальса таютъ встрѣчи,
Въ вихрѣ вальса таютъ взгляды,
Бѣлорозовыя плечи,
Бѣлоснѣжные наряды.
(Вальсъ общій).

(Занавѣсъ).

Почтовый ящикъ.

Въ виду того, что я получаю еженедѣльно до трехсотъ рукописей, а заниматься ихъ чтеніемъ приходится по ночамъ, обращаюсь къ авторамъ со слѣдующими просьбами:

1) Переписывайте четко, не сокращая словъ.

2) Подписывайте каждую изъ присланныхъ вещицъ, хотя бы въ одномъ конвертѣ было нѣсколько стиховъ.

3) Пишите на одной сторонѣ листа.

4) Не торопите съ отвѣтомъ,—всѣмъ безъ исключенія будетъ данъ отвѣтъ, потому что просматриваю я рѣшительно каждую рукопись.

5) Не забудьте на каждой рукописи проставить свой адресъ.

6) Вступая въ переписку по поводу уже прочитанныхъ мною рукописей, помѣчайте номеръ почтоваго ящика, за которымъ вамъ данъ отвѣтъ. Иначе нѣтъ возможности разобраться въ массѣ писемъ.

7) Во избѣжаніе затери въ конторѣ редакціи рукописи адресуйте лично мнѣ: Николаю Георгіевичу Шебуеву, Старорусская, 16.

8) На конкурсныхъ рукописяхъ, какъ и на конвертахъ четко указывайте «конкурсъ № такой-то» или: «журналъ № такой-то».

Рукописи безъ указанія автора на нежеланіе печатать даромъ, конкурсные разсказы, рисунки и ноты печаются даромъ.

Мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются.

---

33) **М. Н. Мукалову** (**Кіевъ**).—Вы просите принять васъ «въ число постоянныхъ сотрудниковъ». Сотрудники «Весны» не дѣлятся на «постоянныхъ» и «непостоянныхъ». Если вы будете присылать постоянно хорошія вещи я буду постоянно ихъ печатать. Если постоянно плохія вещи,—буду постоянно ихъ браковать.

34) **В. Надель**. Не понравились мнѣ:

„Мы какъ роки
Одиноки
Средь идей
И людей".

За поклонъ благодарю. Димитрію Цензору поклонъ передалъ. Жду другихъ стиховъ.

35) **А. Цунзердъ** (**Вильно**). «Два міра» написано очень безграмотно. Героиню зовутъ «Сонь »», «Лея рисовала ей картинки жизни въ «Америку», «Абрамчикъ не такой злой чтобы бросилъ тебя»... и т. д., и т. д., и т. д.

36) **Кн. Бекетову (Самаркандъ).** Пойдетъ.

37) **Эммануилу Герману (Одесса).**—Бѣдные Бальмонтъ, Годинъ и Бшекъ!..

«Для начала позвольте представиться: авторъ (не пугайтесь, Н. Г.), поэтъ (Бога ради, не пугайтесь), правда, не восхваленный Пильскимъ, не руганный Чуковскимъ, не попавшій въ альманахъ Оскара Норвежскаго и вообще не видавшій журнальныхъ страницъ,—скромность по нашему времени изумительная, не правда-ли? Скромность, должно признаться, невольная. Не то чтобы мнѣ такъ ужъ больно хотѣлось попасть въ эдемъ печати,—скорѣй наоборотъ; однако, дабы не уподобиться Чеховской героинѣ, пописывавшей и откладывавшей затѣмъ написанное въ шкафъ, въ послѣднее время сдѣлалъ нѣсколько попытокъ попасть въ журналы, по несчастью или къ несчастью—попытки эти потерпѣли полнѣйшее фіаско. Не буду жаловаться на несправедливость журналовъ, оольно ужъ это скучно—скажу лишь, что въ то время, какъ бальмантовское «выходи, хоть моя» (зовы древности) побѣдно шествуетъ по газетамъ и журналамъ, мое подражаніе «П. Пѣсни («Я рано изъ дому ушла» и «Горе мнѣ, Горе!) не можетъ найти себѣ мѣста. Вотъ и пришелъ къ самому неинтересному пункту! о себѣ. Всего не скажемъ—трудно и, позвольте быть искреннимъ, не хочется; говорить вполовину, быть неискреннимъ—и трудно и непріятно. Лучше ужъ совсѣмъ умолчать. Прилагаемыя при письмѣ стихотворенія кое что Вамъ, быть можетъ, и скажутъ, прибавлю лишь, что все написанное мной до сихъ поръ только присказки, что «сказка будетъ впереди», сказка, смѣю думать, доселѣ неслыханная, или, пославъ къ черту аллегорію, что я имѣю, что сказать и, хочется вѣрить, скажу“...

«Но что-же я, наконецъ, хочу? Повѣрите-ли самъ не знаю. Вотъ ужъ подлинно: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Вообразите положеніе: бездна замысловъ, бездна мыслей, образовъ и невозможностъ работать, невозможность отдаться самому себѣ».

«Противъ размѣровъ предложеннаго Вами гонорара спорить не стану. Это—разъ. Но если для «Весны» присланный матеріалъ чрезмѣрно обиленъ... еще просьба, Н. Г. Просьба болѣе чѣмъ смѣлая, совѣстно просить Васъ, и... опять таки черпаю смѣлость изъ „Почтоваго ящика“: если для Васъ это не сопряжено съ какими-либо трудностями, если это вообще возможно, не откажите передать что либо изъ присланнаго въ какой-нибудь изъ столичныхъ журналовъ. Я въ данномъ случаѣ противъ размѣровъ гонорара спорить не буду,—только не безплатно: принципіально ужъ не сталъ бы печататься даромъ на страницахъ, гдѣ оплачиваются Годинъ и Блокъ. Быть можетъ, оно и нескромно, да... ограничусь многоточіемъ».

Далѣе: послѣ неудачныхъ попытокъ попасть въ журналы у меня возникла мысль о книженкѣ своихъ стихотвореній. Не сочли ли бы Вы дерзостью съ моей стороны ежели-бъ я Вамъ предложилъ издать такую книженку при Вашей „Веснѣ“? Конечно, никакихъ особенныхъ надеждъ на нее я не возлагаю,—она была бы просто первымъ заявленіемъ свѣту о моемъ грѣшномъ существованіи. Впрочемъ Вы вѣдь и съ моими-то стихами слишкомъ мало знакомы. Постараюсь прислать Вамъ кое-что изъ моихъ архивовъ. Главное, не пеняйте на мою нескромность, Н. Г. Ставлю точку».

А я ставлю знакъ восклицательный! И очень жирный.

38) **В. Перцову (Москва).**—Я предпочитаю помѣщать сразу нѣсколько. Одно стихотвореніе ничего не говоритъ, а нѣсколько могутъ сразу выявить поэта.

39) **Михаилу Кирюшкину (Петербургъ).**—„Сказка дѣда“ наивна даже для дѣтскаго журнала.

40) **В. Н. Гуркину (Петербургъ).**—Не совѣтую.

41) **С. Сергѣеву (Харьковъ).**—Попробуйте прозой.

42) **А. Колычеву.**—Слогъ у васъ озлобленный, ущемленный. Вы могли бы написать что нибудь сильное. А къ чему эти имена собственныя.

43) **И. Г. Доронину.**—Жду.

44) **Алисѣ М.**—«Въ комнатѣ царитъ полумракъ»...—затаскано выраженіе и блѣдна фабула. Телефонный разговоръ списанъ съ натуры. Пустъ. Ничтоженъ, какъ всѣ телефонные флирты.—Барышня, дайте отбой!

45) **С. Ежовъ (Полтава).**—Попробуйте болѣе обосновать конецъ. Очень ужъ онъ внезапный.

46) **Ал. Титову (Бронницы).**

Бѣдны риѳмы. Банально содержаніе. Все перепереперепѣвы. Оригинальны только вотъ эти четыре строки.

«Приходи скорѣй, весна,
И сомнѣнія, полна
Грудь которыми, скорѣй
Ты, волшебница, развѣй!»

47) **Павлу Кокорину.**—«Таютъ въ небѣ»—взялъ. За теплыя слова спасибо. «Тройка»—перепѣвъ.

Листва сада пряная пила лунносвѣтъ.
Помнишь ли желанная сада снѣгоцвѣтъ?
И любовь цвѣтистую, радостную новь,
Несказанно чистую первую любовь!
Вьется быль прошедшая и ростутъ мечты...
Ты, теперь ушедшая, помнишь ли все ты?

Не „листва“, а „листвà“, не „пила“, а «пилà».

48) **Л. Куркину.**—Мало, чтобы судить.

49) **Кольцовскому (Ростовъ на Дону).**—Взялъ «Титановъ», хотя развѣ «роги»?

50) **М. Мартлову.**—И видно какъ вамъ это тяжело. Въ потѣ лица своего пишите вы стихи. И потъ этотъ виденъ.

51) **Ив. Багринъ-Коломенскому.**—«Съ ними въ «Вашу весну» обратиться рѣшился и я, тлѣподобный, нарушить покой Вашъ, о досточтимый Никола Григорьичъ Вирши свои посылать воздержуся, доколь не изрѣчешь: ты глупъ, или: (значительно мягче) ты поступилъ бы не глупо, если-бъ сознался (!), что писанье стиховъ такъ же чуждо тебѣ, сколь доступно книжекъ конторскихъ веденье (а вѣдь я и впрямь конторщикъ)».

52) **А. Соколову (Вильна).** — Ваше «Свободное Слово» прежде всего свободно отъ грамматики.

По градамъ и весямъ, бѣднымъ деревушкамъ,
По дворцамъ, палатамъ нищенскимъ лачужкамъ,
По степнымъ уметамъ, саклямъ поднебеснымъ
По лѣснымъ заимкамъ, по улусамъ тѣснымъ,
По калмыцкимъ юртамъ, самоѣдскимъ чумамъ.
Всюду гдѣ молчанье, да съ завѣтнымъ думамъ
Русскій обыватель ютится и жмется
Вѣсточка благая на крылахъ несется.
Съ люльки до могилы только все напрасно.
Вѣсть изъ-за которой столько слезъ пролито
Столько драмъ тяжелыхъ жизнью пережито.
Стойко все выноситъ русскій обыватель
Вѣчной меланхоликъ вѣчной и мечтатель
Сѣра и будничла жизнь его отъ вѣка
Слишкомъ въ немъ помята форма человѣка.
И вздохнуть то полной грудью не умѣетъ,
Что таитъ на сердце, высказать не смѣетъ.
Все-то онъ въ разладѣ съ вдохновенномъ словомъ
Точно ложка каши въ горлѣ нездоровомъ.
Стянутъ ротъ уздою съ крѣпкимъ удилами
Стянутъ не сегодня цѣлыми вѣками
Крошитъ сталь та зубы кровь течетъ изъ десенъ
Слишкомъ ужъ намордникъ угловатъ и тѣсенъ.

И т. д., и т. д. А въ общемъ недурновато.

53) **Н. Кржижевичу.**—Плохой вы патріотъ. Вы даже не знаете какъ слово Русь пишется:

Колокола кругомъ торжественно гудятъ,
И красный звонъ по всей Русси несется
О русскомъ торжествѣ они намъ говорятъ
И голосъ ихъ, въ сердцахъ всѣхъ русскихъ отзовется.
. . . .
И Богъ помогъ намъ нашу Руссь прославить
И мощью надѣлить на зависть всемъ врагамъ.

Если вы даже будете писать Руссь и то дѣлу не поможетъ.

54) **Константину Бѣднякову.**—«Турчанкѣ», ничтожно. Не стоитъ.

55) **Александру Стинакъ.**

Любовь есть чувство неземное
Любовь—страданье, муки ада,
Любовь есть чувство никчемнóе,
Любовь есть къ счастію преграда.
Любовь—порою ангеловъ забава,
Любовь—порой шабашъ чертей,
Любовь—порою вѣдьмъ облава,
Любовь—порой ужаснѣе плетей.

Никчемнóе стихотвореніе.

56) **А. Сумарокову.**—«Невечерній свѣтъ» взятъ.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ.**
Издательница **Н. К. Дмитріева.**

Четвертая премія „ВЕСНЫ“.

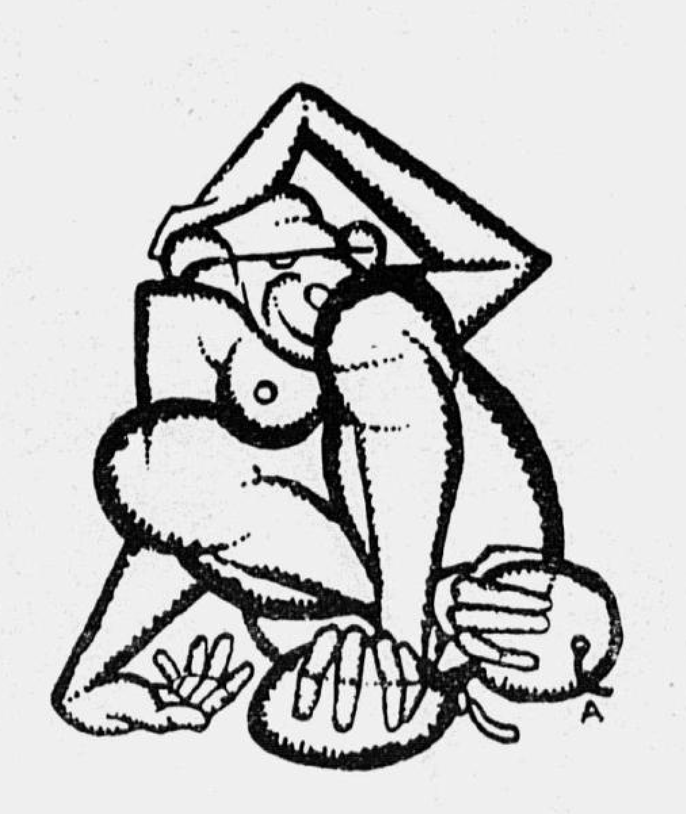

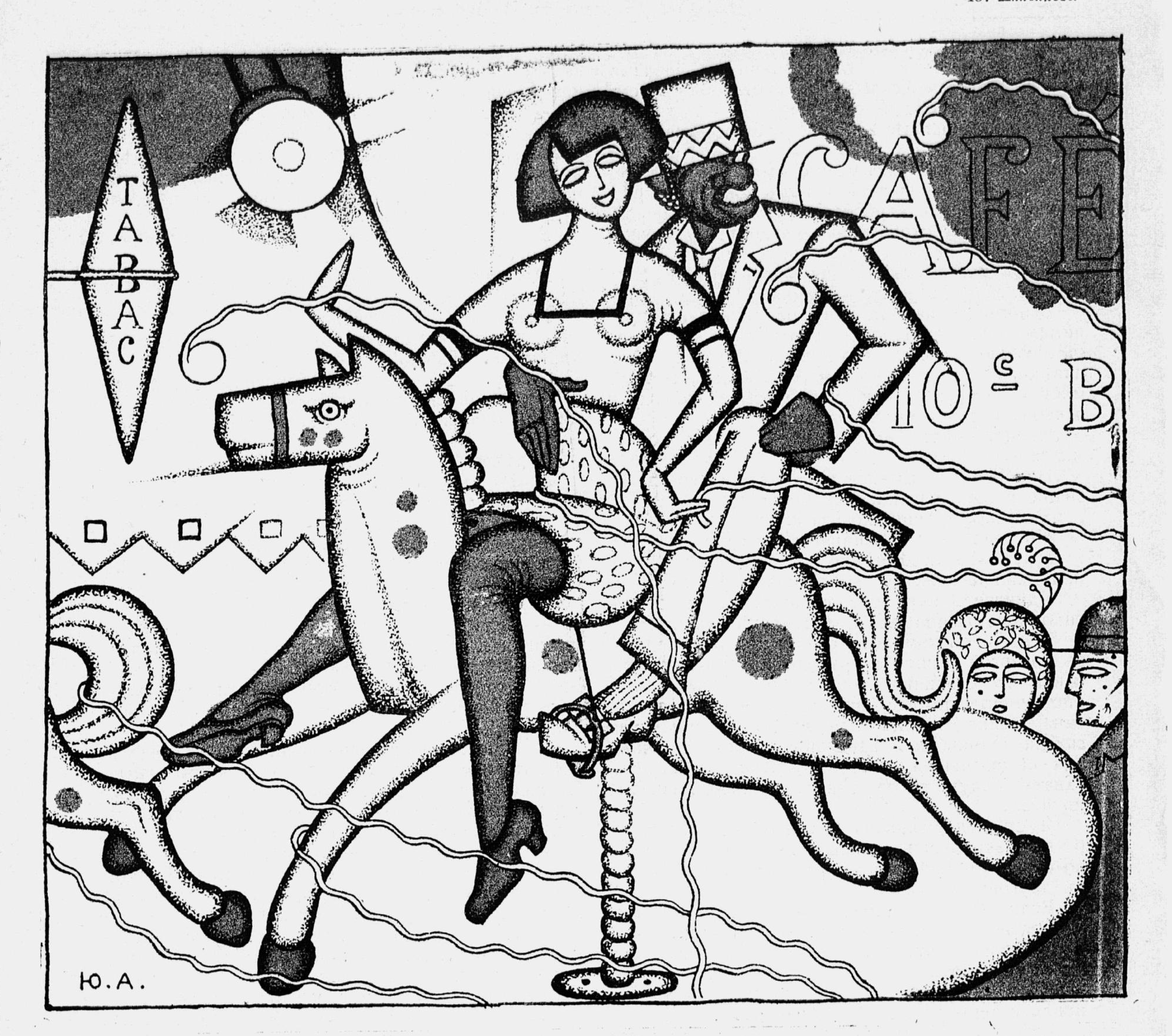
„ИДІОТЫ“

ИЛИ

„Благодушныя и назидательныя похожденія въ благословенной Идіотіи“.

Романъ въ трехъ частяхъ Н. ШЕБУЕВА.

ИДIОТЫ

или

„Благодушныя и назидательныя похожденiя въ благословенной Идiотiи".

Романъ въ трехъ частяхъ Н. ШЕБУЕВА.

Часть первая.

ТЫКВА.

ПЕРВАЯ ПРОСТОКВАША.

Я раскрылъ глаза и первое, на что упалъ мой взглядъ—поставленная на ночномъ столикѣ у самаго изголовья моей постели тарелка аппетитнѣйшимъ образомъ приготовленной простокваши. Я хотѣлъ было протянуть руку къ ней, но рука оказалась туго прибинтованой къ постели.

Вообще все тѣло мое было забинтовано и ныло, какъ избитое.

— Это хорошо, что у меня есть аппетитъ!—подумалъ я:—Значитъ дѣло идетъ на поправку. Но гдѣ я? Какъ я сюда попалъ?

Я вспомилъ, какъ съ недѣлю тому назадъ заключилъ дерзкое и глупое пари съ членами нашего географическаго клуба, что облечу земной шаръ на воздушномъ шарѣ.

Не на аэропланѣ, а именно на шарѣ,—на аэростатѣ.

Я вспомнилъ, какъ удачно было начало путешествiя, когда я вылетѣлъ подъ залпы бутылокъ шампанскаго изъ клубскаго сада и на крыльяхъ вихря съ быстротой тысячи метровъ въ секунду помчался не отдавая себѣ отчета куда.

Вспомнилъ, какъ три дня и три ночи носился надъ гладью—вѣроятно Великаго Океана.

Вспомнилъ, какъ не одну холодную ванну принималъ я въ океанѣ, какъ каждый разъ, прощаясь съ жизнью я думалъ, что пучина поглотитъ меня навѣки. Но каждый разъ море сжаливалось надо мной и извергало меня, подбрасывая кверху и я снова носился надъ волнами.

И опять падая, погружался—и снова поднимался.

Наконецъ я выбился изъ силъ, потерялъ сознанiе и вотъ очутился въ больницѣ.

Я раскрылъ широко глаза.

Но развѣ это больница?

Нѣтъ это несомнѣнно жилая комната, хотя и не жилою кажется ея странная обстановка.

Удивляетъ меня безпорядокъ, въ которомъ тщательно расположены въ комнатѣ вещи.

Рядомъ съ комодомъ стоитъ кочерга, рядомъ съ кочергой виситъ вѣеръ, потомъ ночная ваза, какой то странный повидимому музыкальный инструментъ, потомъ бинокль, потомъ терка, картина, лейка, щипцы для углей, щипчики для сахара, щипцы для завиванiя волосъ, щипчики для выдергиванiя волосъ, бутылка, пузырекъ, ухватъ, подушка отъ дивана, книжный шкафъ, лопата...

Я съ недоумѣнiемъ разглядывалъ эти аккуратно разставленные вдоль стѣны и развѣшенные по стѣнѣ въ такомъ идiотскомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ предметы.

Если это безпорядокъ, то почему все такъ аккуратно: у каждой вещи свой гвоздикъ, если она способна висѣть, и квадратикъ, если она способна стоять!

Если это порядокъ, то почему рядомъ бинокль и терка, вѣеръ и ночная ваза!..

Гдѣ я въ самомъ дѣлѣ! Что это за странная комната.

Вдругъ я услышалъ шаги и укоризненный шопотъ дѣтскимъ голоскомъ:

— Quousque tandem abutere, Soda, patientia mea! Говорили по латыни.

Я не могъ не понять этой фразы:

— Сода, до какихъ поръ ты будешь испытывать мое терпѣнiе!

На такомъ же латинскомъ языкѣ другой дѣтскiй голосъ отвѣчалъ:

— Мнѣ надоѣло молчать. Я не могу дальше выносить этого молчанiя. Какъ будто у насъ въ домѣ покойникъ!

— Не покойникъ, но тяжело больной иностранецъ. Онъ прилетѣлъ къ намъ съ неба на громадномъ животѣ. Когда онъ выздоровѣетъ, онъ намъ разскажетъ самыя интересныя исторiи о той странѣ, откуда онъ явился.

— Ну позволь, мнѣ хоть посмотрѣть на него!

— Дѣвочка не должна быть такой любопытной. Когда выростешь большой и сдѣлаешься со всѣмъ идiоткой, никто не запретитъ тебѣ дѣлать все что захочешь... А пока ты умненькая дѣвочка иди и учи греческiй языкъ.

— Учи! Учи!.. Надоѣло мнѣ все время учить.

— Ахъ, Сода, какъ такъ несносна! Мы дѣти, обязаны учиться, чтобы къ зрѣлымъ годамъ сдѣлаться идiотами. Если не будешь учиться такъ и останешься навсегда умненькой и всѣ на тебя будутъ пальцемъ показывать...

Въ комнату на цыпочкахъ вошли два очаровательныхъ ребенка.

Мальчикъ лѣтъ четырнадцати и дѣвочка лѣтъ девяти.

Наши глаза встрѣтились.

— Смотритъ! смотритъ! съ изумленiемъ воскликнула дѣвочка.

— Ubi sum?—по латыни спросилъ я:—Гдѣ я?

— Молчи, идiотъ иностранецъ,—вѣжливо отвѣтилъ мальчикъ:—Тебѣ еще вредно разговаривать.

А дѣвочка не утерпѣла и прибавила.

— Ты въ Идiотiи...

— Гдѣ!?—не повѣрилъ я своимъ ушамъ.

— Успокойся идiотъ иностранецъ, — торжественно сказалъ мальчикъ:—Пока ты въ нашемъ блаженномъ отечествѣ ни одинъ идiотъ не сдѣлаетъ тебѣ зла!

— Кто вы, милыя дѣти?

— Судьба привела тебя подъ кровлю моей матушки Хины, которая слыветъ самой глупой женщиной во всемъ околоткѣ...

— Что ты, глупое дитя!—воскликнулъ я:—какъ можешь ты такъ непочтительно отзываться о матери!..

— Идiотъ иностранецъ напрасно называетъ меня глупымъ. Мы съ Содой еще умные дѣти. Но надѣемся, если будемъ прилежно учиться, сдѣлаться тоже идiотами. Почему тебѣ кажутся непочтительными мои слова о матушкѣ?

— Да ты назвалъ ее глупой!..

— Я съ гордостью могу повѣдать, что среди идiотокъ во всемъ околоткѣ ея глупость вызываетъ всеобщiй восторгъ и зависть...

Я не могъ пошевелиться, потому что былъ крѣпко прибитымъ къ кровати, но должно быть глаза мои выразили слишкомъ ясно ту степень изумпенiя и тревоги, которая охватила меня.

Эакъ (нѣжно).—Что съ тобой идiотъ мой... Тебѣ дурно... Я и моя сестра—Сода къ твоимъ услугамъ... Не хочешь ли простокваши?

Я.—Позвольте вы говорите, что ваши родители идiоты!

Эакъ.—Да. Мы можемъ гордиться,—настоящiе простоквашные идiоты..

Я.—Только ваши родители идiоты?

Эакъ.—Нѣтъ, всѣ вокругъ идiоты. Ты въ странѣ идiотовъ, Идiотiи..

Я (съ ужасомъ).—Всѣ вокругъ меня идiоты!..

Эакъ.—Да. Всѣ идiоты. Но мы съ гордостью можемъ сказать, что глупѣе нашихъ родителей тебѣ не найти и въ Тыквѣ...

Я.—Гдѣ?!.

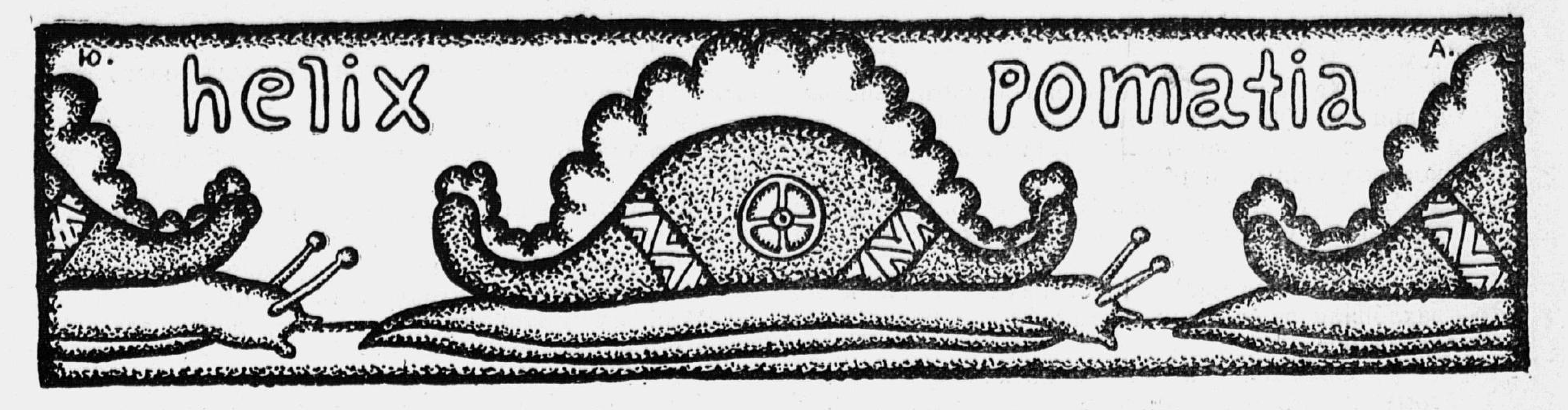
Эакъ.—Въ Тыквѣ...

Я.—А это еще что?..

Сода (заученнымъ тономъ).—Тыква, это столица Идiотiи... Наше селенiе находится въ двухъ съ половиною простоквашахъ отъ Тыквы...

Я (съ тоской).—Какъ! Во всей этой странѣ нѣтъ ни одного умнаго человѣка!..

Сода.—Есть нѣсколько несчастныхъ, которые

кушали варенецъ... Но ихъ держатъ въ умныхъ домахъ...

Я.—Вы утверждаете, что ваши родители идiоты... А между тѣмъ вы мнѣ кажетесь такими умненькими дѣтьми...

Эакъ.—Въ нашей странѣ умны только дѣти!

Сода.—Но и мы, если будемъ прилежно учиться, станемъ идiотами.

Эакъ.—А развѣ существуютъ такiя страны, гдѣ граждане не идiоты?

Я.—Да, милыя дѣтки, я прилетѣлъ изъ такой страны, гдѣ граждане умны...

Сода (съ возмущенiемъ).—Значитъ они лѣнтяи!

Я.—Напротивъ они очень прилежны...

Сода (упрямо).—Значитъ они лѣнтяи,—если бы они прилежно учились, они поглупѣли бы непремѣнно... Въ нашихъ прописяхъ сказано: „Вѣкъ учись, чтобы умереть дуракомъ...

Я.—А въ нашей прописи сказано: „Ученье свѣтъ, а неученье—тьма“...

Сода.—Ха-ха-ха!.. Ты шутишь, идiотъ иностранецъ.

Я.—Клянусь вамъ, я говорю серьезно...

Эакъ.—Мы не имѣемъ основанiя не вѣрить идiоту иностранцу...

Сода.—А въ нашей странѣ мы должны учиться до тѣхъ поръ, чтобы имѣть право воскликнуть, какъ воскликнулъ величайшiй идiотъ древности; „Я знаю, что я ничего не знаю!..“

Я (съ жаромъ).—Это воскликнулъ величайшiй мудрецъ древности.

Сода.—Нѣтъ, величайшiй глупецъ!.. Эакъ... что же ты молчишь?..

Эакъ.—Дѣти не должны спорить съ взрослыми... Но... ты извини меня за дерзость.. ты не разсердишься если я тебѣ скажу, что... ты... (смущенно) я клянусь тебѣ не хочу тебя обидѣть... (не находитъ словъ) ты не похожъ на... идiота...

Сода (укоризненно перебиваетъ брата).—Фу... какой ты... А по моему у иностранца достаточно глупое лицо...

Я (съ улыбкой).—Милыя дѣти! Успокойтесь! Вы не сказали мнѣ ничего обиднаго. У меня на родинѣ даже настоящiе дураки не стыдятся называть себя умными... Напротивъ идiотовъ сажаютъ въ спецiальныя лѣчебницы...

Эакъ (многозначительно переглянувшись съ Содой прошепталъ въ полголоса что то на непонятномъ языкѣ).—Ну оставимъ тебя въ покоѣ... Ты боленъ... Ты бредишь... Тебѣ вредно говорить такъ много..

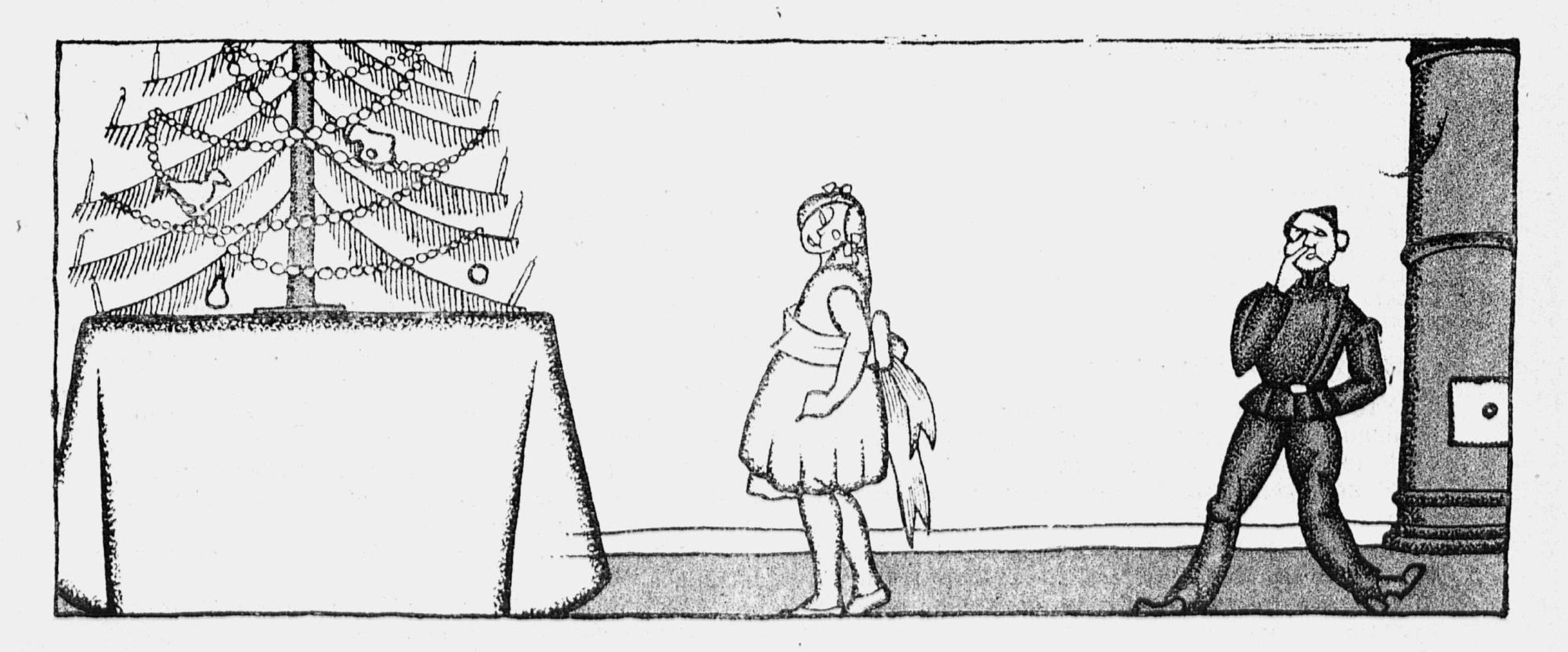
Я.—Напротивъ! Я совсѣмъ здоровъ! Вашими разсказами я такъ заинтересованъ, что не могу молчать... Умоляю васъ не оставляйте меня одного...

Сода.—Мы сами заинтересованы разсказами о той сказочной странѣ, изъ которой ты прилетѣлъ на животѣ...

Я.—На какомъ животѣ!

Эакъ.—Рыбаки, которые нашли тебя на берегу моря, утверждаютъ, что видѣли какъ ты летѣлъ

Ю. Анненковъ.

болтаясь подъ громадныхъ размѣровъ животомъ...

Я.—Ха-ха-ха... Мой воздушный шаръ дѣйствительно по формѣ напоминаетъ желудокъ...

Эакъ (задумчиво)—Воздушный шаръ. Что такое воздушный шаръ?..

Я.—Вотъ что дѣтки... Я голоденъ. Накормите меня простоквашей и я вамъ разскажу все, что сумѣю.

— Простокваши! Простокваши! — радостно захлопали въ ладоши дѣти.—Ты любишь простоквашу!

— Обожаю! — искренно воскликнулъ я, потому что въ тотъ мигъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ простокваша казалась вкуснѣе всего,—такъ я хотѣлъ ѣсть.

— Ура! Онъ любитъ простоквашу! Какъ мы рады! Какъ будетъ рада мама когда узнаетъ, что ты любишь простоквашу и презираешь варенецъ... Вѣдь ты не любишь варенца?

По совѣсти говоря я всегда предпочиталъ варенецъ простоквашѣ, но тутъ, чтобы не опечалить дѣтей сказалъ:

— О, конечно. Развѣ можетъ варенецъ сравниться съ простоквашей!

Эакъ.—Такъ и у васъ въ странѣ простокваша національное блюдо.

Я.—Нѣтъ, но я лично люблю ее.

Эакъ (съ гордостью).—А въ Идіотіи простокваша — національное блюдо, наша гордость, наша слава...

Сода.—У насъ въ прописяхъ сказано: „Простокваша—мать наша!

Эакъ.—А въ учебникѣ латинскаго языка первая фраза для перевода: „Люди обожаютъ простоквашу и презираютъ варенецъ"...

Я.—Разбинтуйте мнѣ руки. Я совсѣмъ здоровъ. Я самъ могу держать ложку...

Съ какимъ наслажденіемъ я проглотилъ первую тарелку простокваши.

— А пока ты ѣшь, мы тебѣ споемъ нашъ національный простоквашный гимнъ.

И милые дѣтскіе голоса слились въ благозвучномъ дуэтѣ:

Воля ваша
Простоквашу
Воспою сейчасъ опять!
Праздникъ каждый,
Мучимъ жаждой,
Я съѣдаю чашекъ пять.
Старъ ли молодъ,
Жажда ль голодъ,—
Панацея всякихъ бѣдъ—
Сладковата,
Кисловата,
Съ варенцомъ сравненья нѣтъ!..
Помоги мнѣ
Муза въ гимнѣ
Простоквашу превознесть!
Дай намъ небо
Вмѣсто хлѣба
Простоквашу вѣчно ѣсть.

ВТОРАЯ ПРОСТОКВАША.

Утоливъ голодъ простоквашей, я исполнилъ обѣщаніе данное дѣтямъ—разсказалъ объ устройствѣ аэростата и моихъ скитаніяхъ.

Я пораженъ былъ смышленностью мальчугана.

Эакъ съ полуслова понималъ меня и иногда вставлялъ въ мой разсказъ такія глубокомысленныя замѣчанія, что я съ восхищеніемъ воскликнулъ:

— Вотъ такъ умница мальчикъ!

Забывъ, что такой похвалой обижалъ юнаго сына Идіотіи.

Но мальчикъ былъ такъ деликатенъ, что сдѣлалъ видъ будто не слышитъ моихъ обидныхъ словъ.

Онъ пытался вникнуть даже въ такіе детали, которыя мнѣ самому не были ясными.

Такъ напримѣръ я никакъ не могъ понять какимъ образомъ не угонулъ въ океанѣ.

Вѣдь шаръ мой нѣсколько разъ погружалъ меня въ волны.

Весь балластъ былъ уже выброшенъ.

Я срубилъ даже корзинку и обмотался канатомъ.

Почему же шаръ послѣ каждаго погруженія моего тѣла въ воду, словно облегченный, снова вздымался вверхъ.

— Почему, потерявъ сознаніе послѣ одного изъ такихъ погруженій, я еще нѣсколько часовъ леталъ надъ моремъ и опустился лишь на сушѣ.

Эакъ задумался на минуту.

— Это объясняется простымъ физическимъ закономъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Всякое тѣло погруженное въ воду теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ объемъ воды вытѣсненной тѣломъ...

— Я это знаю. Что же дальше?

— Когда твое тѣло въ первый разъ погрузилось въ воду, оно потеряло предположимъ десять простоквашъ.

Я перебилъ.

— Мнѣ казалось, что „простокваша" мѣра длины, а не мѣра вѣса.

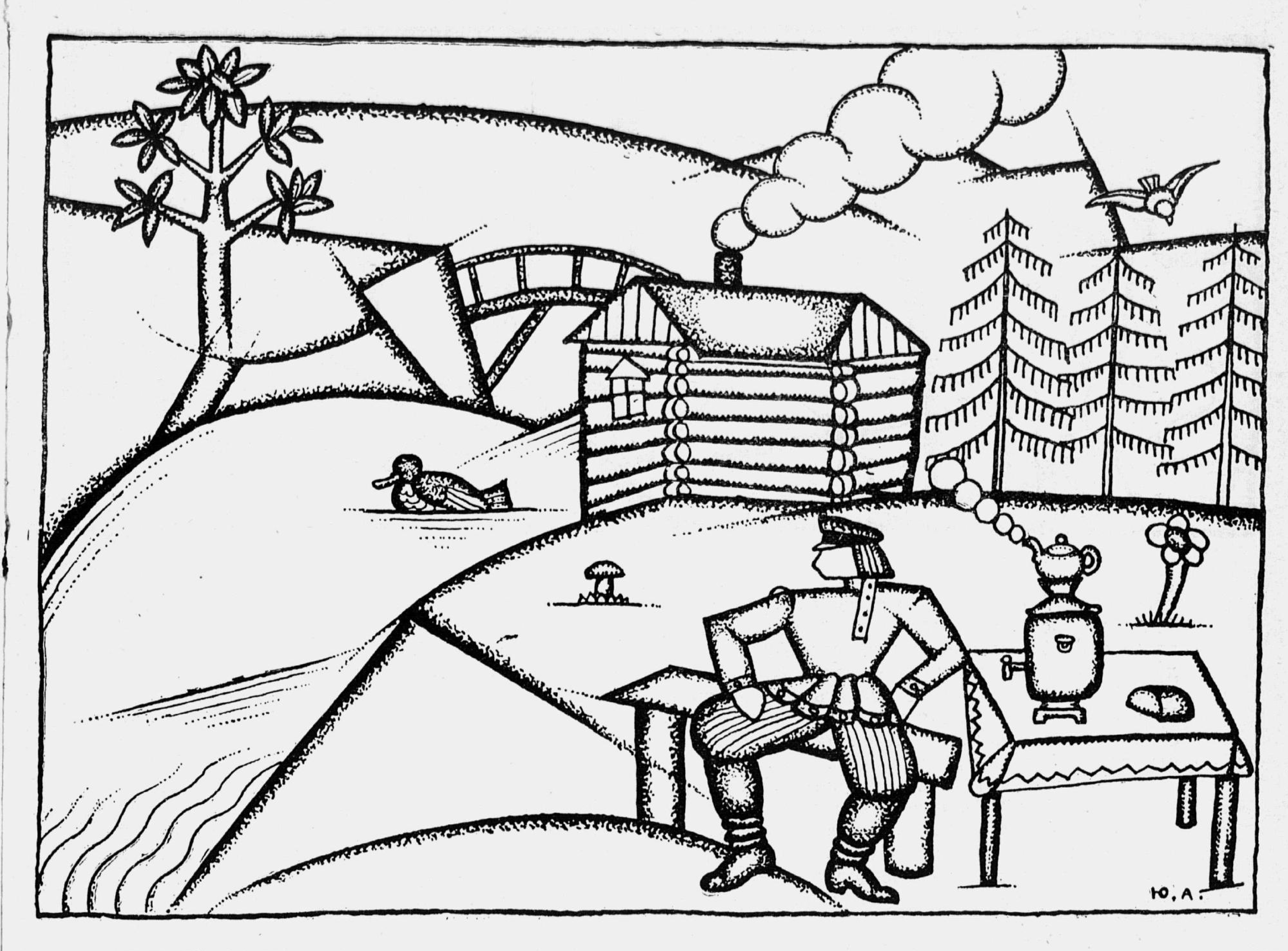
— У насъ все измѣряется по простоквашѣ. И время, и вѣсъ, и длина, и объемъ, и сила. За единицу времени взята часть дня потребная на то чтобы съѣсть тазъ простокваши. Тазъ дѣлится на 24 чашки. Чашка на 24 ложки. За единицу длины принято разстояніе которое, можетъ сдѣлать средній человѣкъ во время одной простокваши. За единицу вѣса—вѣсъ таза простокваши. У насъ говорятъ: автомобиль въ столько то простоквашъ. Итакъ вернемся къ тебѣ. Предположимъ, что твое тѣло, иностранецъ, вѣситъ 20 простоквашъ десять чашекъ и пять ложекъ. Погрузившись въ первый разъ въ воду оно потеряло десять простоквашъ. Шаръ. облегченный на 10 простоквашъ взвился къ небу съ твоимъ тѣломъ которое вѣситъ уже 15 простоквашъ, 10 чашекъ, 5 ложекъ. Черезъ N времени тѣло твое снова погружается въ воду и снова теряетъ въ вѣсѣ 10 простоквашъ. Шаръ, почувствовавъ что тѣло твое вѣситъ только 5 простоквашъ, 10 чашекъ, 5 ложекъ, снова взвился... Послѣ третьей ванны твое тѣло потеряло еще 10 простоквашъ... т. е. стало невѣсомымъ! И даже стало легче воздуха, такъ какъ получило отрицательный вѣсъ (—5 простоквашъ!)... Шаръ поднялся и уже болѣе не опускался въ море...

Мальчикъ говорилъ такъ твердо, такъ ясно, такъ логично, что я залюбовался на него.

Изъ неправильнаго, слишкомъ буквально понятаго физическаго закона ребенокъ сдѣлалъ вполнѣ логическій выводъ.

— Не хочешь ли ты мнѣ дать твой учебникъ физики.

— Съ удовольствіемъ отвѣтилъ Эакъ:—Только дай сперва сестрѣ выучить урокъ.

ТРЕТЬЯ ПРОСТОКВАША.

Книги въ Идіотіи дѣлятся не на главы, а на простокваши.

Заканчивая сейчасъ мои воспоминанія объ идіотскихъ похожденіяхъ, я дѣлю ихъ такъ же на простокваши.

Въ этой простоквашѣ я приведу мою бесѣду съ Эакомъ, которую я имѣлъ въ то время пока Сода зубрила уроки.

Я. Скажи, милый Эакъ, гдѣ я нахожусь? Очевидно не въ больницѣ?

Эакъ.—Ты въ частномъ домѣ. Въ домѣ нашей матери.

Я.—Но почему же я не вижу ни одной взрослой души?

Эакъ.—Вчера въ Тыквѣ начались великія простоквашныя торжества и всѣ взрослые идіоты ушли туда.

Я.—Какъ! Неужели во всемъ селеніи нѣтъ ни одного идіота!

Эакъ.—Ни одного!

Я.—Но какъ же въ случаѣ несчастія?

Эакъ.—У насъ не можетъ быть несчастія. Всѣ несчастія бываютъ по глупости. А мы, дѣти, еще слишкомъ умны, чтобы случались несчастія...

Я.—Ну, напримѣръ, вспыхнетъ пожаръ...

Эакъ.—У насъ есть дѣтская пожарная дружина.

Я.—А если кто нибудь захвораетъ!

Эакъ.—У насъ есть прекрасные дѣтскіе доктора. Да вотъ къ тебѣ завтра утромъ явится на перевязку девятилѣтній медикъ. А неужели у тебя на родинѣ взрослые бываютъ врачами, адвокатами, инженерми... Ха-ха-ха... Да, вѣдь, это не дѣтское дѣло!.. Только ребенокъ, который еще не переучился способенъ заниматься практикой. А ученый идіотъ можетъ ли практиковать! Онъ можетъ давать уроки, читать лекціи, писать стихи въ административныхъ учрежденіяхъ, но до практики онъ себя не допуститъ. Да и не будетъ никто лечиться у идіота!.. Не будетъ никто поручать стройку дома идіоту!.. Не будетъ никто приглашать адвокатомъ идіота!.. Ха-ха-ха!.. воображаю, что наговорилъ бы мой папа въ судѣ!..

Я.—А кто твой папа?

Эакъ (съ гордостью).—Мой отецъ народный учитель. Онъ ученый математикъ. Онъ знаетъ наизусть всѣ пятизначные логариѳмы. Онъ такъ глупъ, что не объяснитъ даже бинома Ньютона!

Я.—Ты доволенъ своимъ отцомъ?

Эакъ.—Какъ же мнѣ не гордиться, если его глупости завидуетъ самъ ректоръ университета!..

Я.—А что это за праздникъ простоквашей?.

Эакъ.—Разъ въ годъ всѣ взрослые идіоты собираются въ Тыкву и вмѣстѣ ѣдятъ казенную

простоквашу. Происходятъ состязанія: кто всѣхъ больше съѣстъ. Нѣкоторые объѣдаются до того, что падаютъ бездыханными трупами. Такихъ счастливцевъ съ почестями хоронятъ на казенный счетъ! Длится торжество десять солнцелунъ... Учреждено оно въ память славной побѣды простоквашниковъ надъ презрѣнными варенцовцами, бывшей 417 лѣтъ тому назадъ...

Въ это время къ намъ подошла Сода.

Эакъ.—Какъ? Ты уже выучилъ уроки!

Сода.—Конечно. Сегодня только физика, латынь, санскритъ, версификація, хиромантія, неорганическая химія и греческое сочиненіе...

Эакъ.—Ну такъ прибери комнату и я тебя спрошу урокъ.

Сода.—Комната въ порядкѣ.

Эакъ (оглядѣвъ комнату воскликнулъ).—Какъ! По твоему это порядокъ!.. А гдѣ виситъ губка?

Сода (виновато покраснѣла).—Ахъ, что я надѣлала! Я повѣсила губку между теркой и биноклемъ, а надо между кочергой и вѣеромъ...

Она побѣжала и перевѣсила.

Я широко раскрылъ глаза.

— Объясните мнѣ дѣти мои. Почему у васъ въ такомъ странномъ безпорядкѣ расположены всѣ вещи въ комнатѣ

— Какъ въ безпорядкѣ!—воскликнули Эакъ и Сода:—Напротивъ въ образцовомъ порядкѣ..

— Вы называете порядкомъ, когда рядомъ стоятъ вещи не имѣющіе ничего общаго. Напримѣръ, кочерга, губка, вѣеръ, терка и бинокль. .

— Ха-ха-ха!.. Да какъ же ихъ размѣстить, чтобы можно было сразу найти, то, что нужно!.. Вѣдь, на идіотскомъ языкѣ кочерга—*гакъ*, губка—*гакцъ*, вѣеръ—*гишъ*, терка —*гурчъ*, бинокль—*гялъ*... Вещи должны стоять въ алфавитномъ порядкѣ... Развѣ у тебя на родинѣ не такъ?

Утомленный и пораженный всѣмъ услышаннымъ я закрылъ глаза.

Но долго не могъ уснуть слушая какъ Эакъ вполголоса репетировалъ сестру изъ физики.

Эакъ.—Что тебѣ задано на завтра?

Сода.—Основныя понятія о теоріи тьмы.

Эакъ.—Что такое тьма?

Сода.—Всѣ тѣла на землѣ дѣлятся на *прозрачныя* (напр. стекло) которыя пропускаютъ сквозь себя и свѣтъ и тьму и *непрозрачныя* (напр. дерево) которыя пропускаютъ сквозь себя только тьму. Тьма прошедшая сквозь прозрачный предметъ и упавшая на землю становится тѣнью.

Эакъ.—Откуда на землѣ берется тьма?

Сода.—Тьму, какъ и свѣтъ мы получаемъ съ неба. Кромѣ солнца, луны, звѣздъ и прочихъ свѣтилъ на небѣ имѣются тысячи тысячъ такъ называемыхъ темнилъ. Свѣтила посылаютъ на землю свѣтъ. А темнила—тьму.

Эакъ.—Можно ли видѣть темнила?

Сода.—Для наблюденія за темнилами, какъ и для наблюденія за свѣтилами, существуетъ особый аппаратъ, который называется темноскопомъ. Телескопъ состоитъ изъ трубки и двухъ стеколъ. Переднее стекло называется *объективъ*, и заднее *субъективъ*. Отъ объектива идутъ лучи въ глазъ наблюдаемаго предмета, а отъ субъектива въ глазъ наблюдающаго предмета. Теперь если мы одно изъ этихъ стеколъ объективъ или субъективъ сдѣлаемъ изъ непрозрачнаго вещества (напр. изъ дерева), мы получимъ темноскопъ, т. е. телескопъ для наблюденія темнилъ...

. . . .

Долго я слушалъ, не смѣя ни слова проронить изъ этой изумительной лекціи въ которой была какая то странная, идіотская логика.

Законы паденія, отраженія, преломленія тьмы, составленные по аналогіи съ законами паденія, отраженія и преломленія свѣта—все это было такъ дико, такъ нелѣпо, такъ глупо... и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо. Въ концѣ лекціи я самъ началъ думать, что въ нашей физикѣ изучающей *теорію свѣта* громаднымъ пробѣломъ является отсутствіе отдѣла *теорію тьмы*...

Откуда же въ самомъ дѣлѣ взяться на землѣ тьмѣ, какъ не изъ темнилъ!

Утомленный такимъ количествомъ неожиданныхъ и острыхъ впечатлѣній, я заснулъ и проспалъ безпробудно до утра слѣдующаго дня.

„Владимірская“ Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42